

ШАКАЛЫ ИЗ ЛЭНГЛИ

ФЁДОР РАЗЗАКОВ

Поединок

Федор Раззаков

Шакалы из Лэнгли

«Алгоритм»

2014

УДК 94(47)
ББК 63.3

Раззаков Ф. И.

Шакалы из Лэнгли / Ф. И. Раззаков — «Алгоритм»,
2014 — (Поединок)

ISBN 978-5-4438-0846-8

Тридцать лет назад ошеломительный успех имел советский телесериал «ТАСС уполномочен заявить...» по одноименному роману Юлиана Семенова. Увлекательная история о том, как советская контрразведка смогла разоблачить в Москве агента ЦРУ, покорила страну. В книге, которую читатель держит в руках, предпринята попытка реанимировать тот давний сюжет, перенеся его в современные реалии. Действие этого лихо закрученного шпионского детектива происходит на фоне тектонических сдвигов на Ближнем Востоке, а конкретно – вокруг событий в Сирии. При сохранении главной фабулы семеновского сюжета (разоблачение агента ЦРУ в Москве) «Уполномочен заявить...» выходит далеко за рамки этой истории, исследуя многие современные проблемы: политические интриги, международный терроризм, деятельность мафии, противостояние мировых спецслужб. Федор Раззаков – специалист по истории советского кино, автор множества увлекательных книг о кинематографе. В своем новом романе он переводит привычные образы советских шпионских фильмов в современные реалии.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0846-8

© Раззаков Ф. И., 2014

© Алгоритм, 2014

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Федор Раззаков

Шакалы из Лэнгли

Памяти Юлиана Семенова

© Раззаков Ф. И., 2014

ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Часть первая

Сирийский капкан

ЗАЯВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПЕРЕДАННОЕ ПО КАНАЛАМ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА РОССИИ (ИТАР-ТАСС)

«В последние несколько месяцев резко обострилась ситуация в Республике Сирия. Оппозиционные силы требуют ухода со своего поста законно избранного президента страны Башара Асада, обещая в противном случае продолжение эскалации насилия. Руководство России выступает решительно против подобных ультиматумов. Решать возникшую проблему нужно только в рамках диалога между обеими сторонами конфликта. При этом прекратить насилие должны и правительственные силы, и оппозиция.

Свою позицию по отношению к сирийскому политическому конфликту Россия не собирается менять. Россия не имеет обязательств по отношению к Башару Асаду, но имеет обязательства по отношению к Сирии. Мы знаем, что время Асада прошло, но Сирия продолжит оставаться нашим оплотом на Ближнем Востоке. Никакие попытки оказать давление на Кремль не смогут заставить российскую власть пересмотреть свое мнение по происходящему в Сирии. Россия выступает категорически против того, чтобы Совбез ООН окончательно превращался в площадку для свержения действующих политических режимов. Сирийская проблема не решается не потому, что Россия и Китай «встали в позу» и отказались голосовать за резолюцию в Совете безопасности ООН, а именно по той причине, что Совбез продолжает односторонне рассматривать подобные вопросы и в корне неверно оценивать сложившуюся ситуацию. Пока мировое сообщество не избавится от принятых стереотипов, настоящая помощь Сирийской республике оказана не будет.

Страны Запада подталкивают сирийскую оппозицию к дальнейшему ожесточенному противостоянию с правящим режимом, а Вашингтон открыто и публично призывает мятежников отвергать любые возможные мирные переговоры. Если подобное будет продолжаться и впредь, то события могут приобрести необратимый характер. В итоге последствия происходящего в регионе затронут не только страны, которые там расположены, но и геополитическую ситуацию в международном масштабе».

* * *

*Москва, Большой Девятинский переулок, дом 8.
Посольство США в РФ*

Резидент ЦРУ в Москве Лоренс Макфи поймал себя на мысли, что два его лучших агента – атташе отдела прессы и культуры Майкл Голсуорси и советник посольства по региональным вопросам Гленн Хьюз – выучили его инструкции буквально наизусть. Вот уже больше часа они

сидели в кабинете резидента и подробно анализировали предстоящую операцию: в целях проведения очередной встречи с ценным агентом в черте города предстояло оторваться от службы наружного наблюдения русских, которая дежурила у ворот американского посольства. Чтобы оставить преследователей в дураках, в этот раз было решено использовать «Джек ин де Бокс» – специальную резиновую куклу, которая была точной копией одного из сотрудников резидентуры – Гленна Хьюза. Это изделие, которое можно было смело назвать рудиментом эпохи «холодной войны» (американцы придумали его еще в начале 80-х), помещалось в небольшом чемоданчике, который агентам предстояло взять с собой на задание. Во время движения по городу автомобиль американцев должен был свернуть в «мертвую зону» – участок дороги, не просматривающийся из догоняющей машины, где Гленн Хьюз обязан был выскочить из салона и скрыться во дворах. В этот момент его напарнику вменялось в обязанность поместить чемоданчик на опустевшем пассажирском сиденье рядом с собой и с помощью нажатия кнопки извлечь наружу куклу. На всю операцию предполагалось затратить не более пяти-семи секунд – достаточное время для того, чтобы русские не обнаружили подмены. После этого Голсуорси должен был продолжать водить преследователей за нос, а Хьюз, добравшись до условленного места, должен был встретиться с агентом.

На роль «мертвой зоны» был определен участок дороги рядом с улицей Замаренова, поскольку рядом находилась станция метро «Краснопресненская», где Хьюз имел прекрасные шансы скрыться до того момента, пока русские не успели бы опомниться. В качестве запасного варианта фигурировала «мертвая зона № 2» – участок дороги у Среднего Тишинского переулка, рядом со станцией метро «Белорусская».

– Однако будем надеяться, что запасной вариант не понадобится, – поднимаясь с кресла, уверенным тоном произнес Макфи. – Русских надо брать «тепленькими», в противном случае шансов у вас будет значительно меньше.

Когда Макфи и оба агента вышли во двор посольства, машина с «кукольным» чемоданом уже стояла на стоянке в той части учреждения, где располагалась резидентура. Здесь же стояли еще два автомобиля, которые должны были выехать из посольских ворот одновременно с головной и разъехаться «брызгами», то есть в разные стороны, чтобы сбить преследователей со следа. Всего, таким образом, в операции были задействованы шесть агентов ЦРУ. Усевшись в автомобили, они уже спустя несколько минут тронулись в путь.

В тот солнечный сентябрьский день у ворот американского посольства дежурила группа наружного наблюдения из Оперативно-поискового управления Департамента контрразведывательных операций ФСБ России во главе с майором Евгением Мироновым. В группе было четыре автомобиля, три из которых должны были в случае активных действий со стороны американцев организовать преследование предполагаемого противника. Увидев, что «брызги» разлетелись в разные стороны – один автомобиль свернул к Новинскому бульвару, а два других двинулись в сторону Конюшковской улицы, – Миронов дал команду «приклеиться» к каждому из выехавших автомобилей. В этот миг у майора мелькнула догадка, что американцы затеяли нечто серьезное, но предупреждать своих подчиненных по радиосвязи не стал: знал, что американцы наверняка включили в своих автомобилях радиоперехватчики. Да и не было особенной нужды кого-то предупреждать: ребята у Миронова служили толковые, поэтому сами все понимали без лишних слов.

Доехав до Конюшковской улицы, автомобиль с Хьюзом и Голсуорси свернул направо, а их коллеги из второго автомобиля поехали прямо – по Рочдельской улице. Преследователи тоже разделились на пары. За машиной Хьюза пристроился автомобиль, в котором находились двое оперативников – Виктор Жирков и Геннадий Нечаев. Все сотрудники наружного наблюдения были прекрасно осведомлены о большинстве хитростей, на которые были способны их подопечные, в том числе и про трюки в «мертвых зонах» («мертвяках») с надувными куклами. Несмотря на то что окна у посольского «Рено Мегана» были затемнены, однако с помощью

специального прибора, встроенного в автомобиле преследования в переднее зеркало, рядом с видеорегистратором, «наружники» прекрасно видели на экране своего монитора, кто сидит в салоне. Естественно, знали об этом и американцы, для чего им и понадобилась уловка с куклой.

– Витя, прибавь газу, впереди – «мертвяк», – обратился к сидящему за рулем коллеге Нечаев.

– Не зуди, знаю, – ответил Жирков и надавил на педаль.

В это время посольский «Рено Меган» свернул в боковую улочку и на какое-то время пропал из вида преследователей. Тем понадобилось примерно десять секунд, чтобы преодолеть расстояние до поворота, где посольский автомобиль вновь возник у них перед глазами. Он двигался с прежней скоростью и, как показывал монитор «наружников», в его салоне по-прежнему находились двое – Майкл Голсуорси и Гленн Хьюз. На самом деле место последнего уже занимала кукла, которая была оперативно извлечена наружу, как только Хьюз выскочил из автомобиля сразу после поворота и скрылся в ближайшей подворотне. Оттуда до входа на станцию метро «Краснопресненская» было пять минут быстрого шага, а бегом можно было преодолеть это расстояние и того быстрее. Все было сделано строго по инструкции. Однако американцы никак не могли учесть одного обстоятельства – оперативной смекалки русских «наружников». Еще в начале преследования Нечаев обратил внимание на взлохмаченную шевелюру второго пассажира, в котором он узнал Гленна Хьюза, который второпях, видимо, забыл пройтись по волосам расческой. Теперь же на крупном плане, выведенном на монитор, голова американца, выглядывающая из-за назатыльника над сиденьем, выглядела гладко причесанной, что и навело оперативника на мысль о том, что место пассажира занял совсем другой объект.

– Витя, это кукла! Сдай к тротуару! – резко обратился Нечаев к коллеге, на ходу открывая боковую дверь.

Через несколько секунд выскочил на тротуар и бросился бежать через ближайший двор к метро «Краснопресненская». Откровенно говоря, шансов догнать американца было мало, но «наружник» рассчитывал на какое-нибудь чудо и еще на свои сильные ноги, которые в его подразделении считались самыми быстрыми.

Чудо действительно произошло. Добежав до метро, Хьюз не смог отыскать проездной билет в кармане своей куртки. Видимо, когда он на бегу выворачивал ее наизнанку, после чего она из зеленой превратилась в черную, проездной билет выпал из кармана. Из-за этого Хьюзу пришлось бежать к кассе. И хотя очередь была небольшая, всего два человека, однако несколько драгоценных минут были потеряны. Поэтому когда в метро вбежал Нечаев, он увидел знакомую всклокоченную шевелюру американца: тот сбегал вниз по эскалатору. Не желая терять ни секунды, Нечаев не стал извлекать из кармана проездной, а просто перепрыгнул через турникет, чем привел в изумление сидевшую в будке женщину-контролера. Она даже не сообразила дотянуться до своего свистка, чтобы с помощью его звонкой трели привлечь внимание дежурного милиционера.

От сбегавшего вниз по эскалатору цэрэушника Нечаева отделяло метров тридцать. Но их американцу вполне хватило, чтобы первым достичь уже готовой к отходу от платформы электрички и забежать в предпоследний вагон. Нечаев выскочил на платформу в тот самый миг, когда диктор объявлял о том, что двери закрываются, и тоже успел забежать в вагон, но уже в последний. Он видел, как американец опустил на сиденье в углу вагона и решил занять место в зоне прямой видимости, прислонившись спиной к боковому поручню примерно в двадцати пяти метрах от объекта.

Электричка тронулась, и в этот миг Нечаев внезапно понял, что лимит на везение для него, видимо, оказался исчерпан. На противоположном от него сиденье он увидел двух девушек, которых обступила компания молодых парней. Последних было четверо, причем все были явно на взводе и вели себя по отношению к дамам отнюдь не по-джентльменски: хватали их за руки, откровенно лапали. Девчонки пытались отбиться, но силы были явно неравными. На беду

вагон был практически пустой – только в дальнем его конце сидели две пожилые женщины, которые, услышав шум, поспешно вскочили со своих мест и перешли поближе к дверям, рассчитывая выскочить из вагона, как только тот прибудет на станцию. Короче, защитить девушек, кроме Нечаева, было некому. Он же прекрасно отдавал себе отчет: если ввязаться в конфликт, то американца ему не видать как своих ушей. Что делать? Между тем поезд приближался к следующей станции, и Нечаев увидел, что Хьюз встал со своего места и занял место у дверей.

В этот самый миг вагон огласил истошный женский крик. Он принадлежал одной из девушек, которую двое парней пытались завалить на сиденье. Времени на раздумья у Нечаева уже просто не оставалось, и он шагнул к насильникам. Действовать надо было стремительно, чтобы успеть разделаться с негодяями до того, как поезд совершит остановку. Не говоря ни слова, Нечаев нанес сильный удар кулаком в правый бок ближайшего к нему парня. Тот согнулся от боли, после чего оперативник добил его новым ударом – в затылок. Один хулиган был нейтрализован, рухнув на пол как подкошенный. Но оставались еще трое.

Второго парня Нечаев обезвредил опять же двумя ударами: первый пришелся ему в грудь, второй – в челюсть. А вот с двумя другими пришлось повозиться. Один из них сумел уклониться от нечаевского апперкота, уйдя в сторону, а его приятель в это время попытался нанести «наружнику» удар кулаком в грудь. Отбив этот выпад с помощью бокового блока, Нечаев нанес противнику обезоруживающий удар ногой в пах. В это время на его плечах повис третий парень – тот самый, что сумел уклониться от его удара. Но парень висел на оперативнике не долго. Не поворачивая корпуса, Нечаев нанес нападавшему удар локтем в живот, после чего развернулся и добил его сильным хуком в челюсть.

В этот самый миг поезд выскочил из тоннеля на станцию и начал торможение. Девушки давно уже убежали к дальним дверям, приготовившись выскочить из опасного вагона, едва поезд остановится. То же самое предполагал сделать и Нечаев, который всю драку краем глаза наблюдал за Хьюзом, стоявшим в соседнем вагоне. Но тут ему на спину прыгнул тот самый парень, которого он атаковал первым. Видимо, придя в себя от ударов, он решил не дать противнику беспрепятственно покинуть поле боя. От этого прыжка оперативник едва удержался на ногах, схватившись рукой за поручень. В следующее мгновение он получил болезненный удар увесистого кулака в голову, который заставил его на несколько секунд потерять контроль над ситуацией.

В этот самый миг поезд остановился, двери распахнулись, и Хьюз вышел на платформу. На соседнем пути стоял поезд, идущий в обратном направлении. Двери его еще были открыты, поэтому американец в несколько прыжков пересек платформу и вбежал в открытые двери. У Нечаева было несколько секунд на то, чтобы попытаться догнать его и вскочить в тот же состав. Но он вынужден был потратить эти секунды на другое. На него наседали парень, который единственный из компании еще стоял на ногах и мог нападать. Однако шансов победить у него оказалось немного. Оправившись от удара, Нечаев нанес противнику серию молниеносных ударов в грудь и подбородок, которые буквально смели хулигана с ног. Перепрыгнув через распростертое на полу тело, Нечаев выскочил из вагона, но вскочить в соседний поезд не успел: его двери уже закрылись и состав начал медленно отъезжать от платформы.

В течение последующих двадцати минут Хьюз сделал еще несколько пересадок на разных станциях, проверяя, нет ли за ним «хвоста». Наконец, убедившись в этом, он позволил себе выйти из подземки на поверхность. Здесь он поднял повыше воротник куртки, засунул руки глубоко в карманы и быстрым шагом отправился на встречу с агентом.

* * *

США, Вашингтон, округ Колумбия

Заместитель директора ЦРУ Стивен Снайпс был неважным игроком в гольф, но каждый раз, когда он приходил на ранчо к убеленному сединами сенатору и члену Комитета по разведке Сената США Кевину Макларену, ему приходилось брать в руки паттер и изображать из себя добросовестного гольфиста. Однако в этот раз к вящему удовольствию Снайпса брать клюшку ему не понадобилось: хозяин был явно не расположен к игре. И хотя на ковролиновое поле для мини-гольфа они все же вышли, однако только лишь для того, чтобы расположиться в его глубине под небольшим тентом, усевшись в пластиковые кресла. Здесь же стоял столик, на котором возвышались бутылка любимого сенатором виски «Джек Дэниелс» и пара стаканов. Плеснув в них напиток, Макларен сделал небольшой глоток, после чего задал неожиданный вопрос:

– Стивен, ты помнишь, кому наследовал свою алкогольную империю создатель этого прекрасного напитка?

– Каждый пьющий виски американец знает это, – удивился Снайпс. – Поскольку у Дэниеля не было ближайшей родни, бразды правления он передал своему племяннику. Только к чему этот экскурс в прошлое?

– К тому, что я предполагал, чтобы бразды правления ЦРУ оказались в твоих руках: ты все-таки профессиональный разведчик. Но наш президент рассудил иначе и назначил в Лэнгли этого вояку – генерала Дэвида Пэтреуса.

– Я думаю, вы прекрасно понимаете мотивы президента. Впереди маячит большая война на Ближнем Востоке, а кто как не бывший командующий нашими войсками в Афганистане и Ираке должен хорошо разбираться в той сваре, которая затевается в этом регионе.

– Не скромничай, Стивен, тебе это не идет. Ты был хорошим специалистом по Советскому Союзу, причем в сферу твоих интересов входила Средняя Азия. Так что твои познания по части мусульманского мира тоже немалые.

– Видимо, именно поэтому при новом хозяине Лэнгли я буду курировать ближневосточное направление.

– Это уже утвержденное решение? – вскинул брови Макларен.

– Абсолютно. Именно за этим я и пришел сегодня к вам.

– Чтобы сообщить об этом?

– Не только.

Снайпс допил свой виски и вернул стакан на столик, после чего продолжил:

– Я хотел бы попросить вас об одном одолжении. Я знаю, что вы огорчились по поводу моего непопадания в кресло шефа Лэнгли и теперь мечтали бы увидеть меня в числе руководящих деятелей Управления национальной разведки.

– Да, Стивен, есть у меня такое скромное желание. Впрочем, не у меня одного – многие мои коллеги по Комитету также хотели бы видеть тебя в руководстве национальной разведывательной службы.

– Спасибо за доверие, но в данный момент мой перевод из ЦРУ лично для меня нежелателен. Особенно в свете тех событий, которые затеваются сегодня в Сирии. Мое место там, где я сегодня нахожусь, – в Лэнгли. Вы же знаете мою слабость – сражаться против русских. А именно в Сирии они сегодня наиболее активно противостоят нам. И мне очень хотелось бы поучаствовать в этом сражении. Все-таки воевать с русскими – отменное удовольствие. Нечто вроде секса с горячо любимой женщиной.

– А ты, как я вижу, сексуальный гурман! – расплылся в улыбке Макларен. – Впрочем, это у тебя наследственное: твой покойный отец не отличался излишним пуританизмом по этой части. Когда в далекие 70-е мы с ним служили в Лэнгли, именно он был моим наставником по этой части.

– Получается, что вы такой же гурман, как и мужская половина нашего семейства.

– Э, нет, Стивен, – указательный палец Макларена взметнулся вверх. – Мы с твоим родителем «окучивали» азиаток – китайнок и вьетнамок, – в то время как ты имеешь склонность к «мясу» русскоязычного происхождения.

– Не к «мясу», а к мозгам. Русские женщины, конечно, хороши, но тактильные отношения с ними меня интересуют куда меньше, чем интеллектуальные.

– В твоих словах сквозит мудрость кадрового разведчика, который всегда помнит о «медовых ловушках», вновь ставших популярными. К счастью, твой непосредственный босс, в отличие от тебя, этой мудрости лишен.

– Почему к счастью?

– Всегда будет повод убрать его из Лэнгли, когда он надоеет. Ты ведь знаешь, как Пэтреса звали в армии?

– Кажется, царь Давид.

– Именно так. А если ты помнишь историю, то царя Давида погубила связь с царицей Вирсавией.

– Не хотите ли вы сказать, что для моего босса уже подыскали такую «царицу»?

– Не стану вдаваться в детали, но повторюсь, что сделать это достаточно легко, учитывая страсть твоего босса к высоким и красивым брюнеткам. Так что всегда будь начеку, Стивен, – не заводи продолжительных интрижек.

После этого в разговоре возникла пауза, которая понадобилась Макларену для того, чтобы налить в бокалы новую порцию виски. Затем он продолжил прерванную беседу:

– Значит, теперь местом приложения твоих мозгов станет Сирия? Учитывая мою экономическую заинтересованность в этом регионе, я полностью одобряю твое назначение. Ты ведь знаешь, что наша семья вкладывает весьма солидные дивиденды в катарский газ. Катар экспортирует его танкерами, а если мы сбросим Асада, то тогда он сможет транспортировать сжиженный газ через территорию Сирии по трубам. А это, сам понимаешь, как минимум удвоенный объем экспорта. Значит, наша семья в накладе не останется.

– В накладе не останется не только ваша семья, но и вся Америка, – внес весомую поправку в рассуждения своего собеседника Снайпс.

– Вот именно за то, что ты мыслишь категориями геополитики, я и хотел, Стивен, чтобы ты перешел из ЦРУ в Управление национальной разведки, – не скрывая своего восхищения, заметил хозяин ранчо. – Ты большой специалист по русской проблематике и мог бы стать в этом плане хорошим помощником для начальника этой службы. А потом, глядишь, и вовсе занять его место. И воевать с русскими уже оттуда. Ведь Ливия и Сирия – это только начало. Дальше пойдет Иран, а оттуда и до России рукой подать. Мы заново колонизируем Северную Африку, весь Ближний и Средний Восток, оккупируем территорию от Ливии до Пакистана. Мы ведь не англичане, которые оказались никчемными колонизаторами, мы – другие. Мы посадим в этих странах марионеточных правителей, раздуем среди их народов религиозную и этническую рознь и будем управлять ими веками. Благодаря таким людям, как ты, Стивен. Ты хороший исламист и мог бы заткнуть рот тем, кто путает нам карты в нашем высшем руководстве.

– Кого вы имеете в виду?

Вместо ответа Макларен ткнул пальцем вверх.

– Их, мой друг. Вот смотри, какая бумага пришла на днях в наш комитет, – и Макларен извлек из кармана рубашки сложенный вчетверо листок.

Это была выписка из документа, составленного руководителями мусульманских организаций США, где они просили Белый дом вычеркнуть всякое упоминание ислама из учебников по подготовке офицеров армии, агентов ФБР, ЦРУ и других спецслужб, действующих на территории Америки, из соображений политической корректности и толерантности.

– Самое страшное, Стивен, что наши президент и госсекретарь согласны с этим бредовым требованием. А это значит, что эта писулька будет иметь чудовищные перспективы в обо-

зримом будущем. И наша колонизаторская миссия может закончиться таким же пшиком, как когда-то это случилось с англичанами. И вместо нас туда могут прийти те же русские. Ведь Сирия для них может стать отправной точкой для подобного возвращения. Вот почему во главе национальной разведки мы хотели бы видеть таких людей, как ты, Стивен. В тебе мы уверены, как в себе самих.

– Разделяю ваше желание, – возвращая листок, ответил Снайпс. – Но все же геополитика привлекает меня меньше. Я профессиональный разведчик и именно в Лэнгли чувствую себя в своей тарелке.

– Ты не учишься, что эта тарелка может вдребезги разбиться. Насколько я знаю, именно в Сирии у нас есть большие проблемы по части агентурной работы – наши позиции на этом направлении достаточно слабые. Наше посольство в Дамаске обложено со всех сторон, и, не ровен час, нам придется вовсе его закрыть. И, учитывая то, что нехватка разведданных затрудняет способность нашей администрации управлять кризисом, именно ты можешь навлечь на себя все громы и молнии. Не боишься?

– Не боюсь. Как говорят на Востоке: «Храбрый знаменит в бою, трус – дома».

– Похвальная смелость. А если рассуждать трезво?

– Да, вы правы, в Сирии мы так и не сумели закрепиться всерьез. Но, во-первых, нам помогают наши коллеги из соседних с Сирией стран – Турции и Иордании. На них мы и будем делать главную ставку в будущих событиях. В свете избранной нашей администрацией стратегии непрямого участия в ближневосточных делах весь жар мы будем загребать чужими руками. На Востоке в таких случаях говорят: «Двое близких дерутся – чужому кормежка».

– И после этих слов ты опять будешь утверждать, что геополитика – это не твоя стезя?

– Не моя, – улыбнулся Снайпс.

– В таком случае, ты такой же упрямец, как твой покойный отец, – с плохо скрываемым раздражением в голосе произнес Макларен.

– Но вы же сами говорили, что его упрямство порой приносило пользу делу.

– Ты хочешь сказать, что у тебя – тот же случай?

– Я не столь самонадеян, но интуиция мне подсказывает, что да.

– Хорошо, тогда переходи ко второй причине.

– У нас появился весьма перспективный агент в Москве, который вот уже больше двух месяцев передает нам очень ценную информацию по всему ближневосточному узлу, в том числе и по сирийскому.

– А вот это уже весьма любопытно, – не скрывая своей заинтересованности в услышанном, откликнулся на неожиданную новость Макларен. – На чем же вы завербовали этого «крота»? Неужели на банальном – на деньгах?

– Как ни странно, но презренный металл не является для него главным аргументом.

– Тогда что?

– У русских есть такое определение – смердяковщина. Слышали?

– Насколько я помню, это что-то из их классической литературы?

– Совершенно верно – из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Есть там такой персонаж – Смердяков, который ненавидел Россию и желал ей всяческой гибели. Здесь нечто похожее.

– Значит, это «крот» идейный. Впрочем, в сегодняшней России такого рода фанатики в избытке. Вы ему доверяете?

– Абсолютно. Я же сказал, что поставляемая им информация имеет высокую степень ценности, поэтому мы возлагаем на него большие надежды. Повторюсь, это очень перспективный агент с неплохими шансами на карьерный рост.

– Уж не намекаешь ли ты на то, что в обозримом будущем он может стать президентом России? – с плохо скрываемой иронией произнес Макларен.

– Разделю ваш скепсис, но только ровно наполовину. Президентом ему, конечно, не стать, но кое-каких высот достичь он вполне способен. Его возраст, способности и, главное, связи в высших сферах вполне располагают к этому.

– Дальше можешь не продолжать, Стивен. Тебе нужна моя поддержка, чтобы спокойно продолжать работать в Лэнгли, – можешь считать, что ты ее получил. Но с одним условием, вернее с двумя. Первое: держи меня в курсе этой операции с русским «кротом» и вообще всех значимых событий на сирийском направлении. А я в свою очередь постараюсь прикрыть твою задницу, если у тебя что-то не заладится. Наконец, второе: если твоему «кроту» наступят на горло, а такое в нашей работе случается, ты, Стивен, более серьезно отнесешься к моему предложению о переходе в национальную разведку. Договорились?

Ответом хозяину ранчо был пламенный спич из уст его гостя:

– Я всегда был благодарен отцу за то, что он оставил мне такого друга.

– А я всегда удивлялся другому: почему у такого прекрасного гольфиста, каким был твой родитель, оказался такой бездарный по этой части отпрыск.

* * *

Москва, улица Дружбы.

Посольство Китая в РФ

Представительский «Мерседес», принадлежащий российскому МИДу, мчался по улицам Москвы, ловко маневрируя в дневном потоке машин. Полковник ФСБ Иван Ильич Максимов расположился на заднем сиденье иномарки и, сложив руки на кожаной папке, лежащей у него на коленях, взирал на проносящийся за окном городской пейзаж и размышлял о последних событиях, которые свалились как гром среди ясного неба. Несколько дней назад коллеги из Министерства госбезопасности Китая вышли на руководство ФСБ России и сообщили, что готовы предоставить информацию о «кроте», который некоторое время назад очутился в российской столице. Судя по всему, речь шла о том самом агенте ЦРУ, радиосвязь с которым у Лэнгли началась из Франкфурта-на-Майне полтора месяца назад. Служба контрразведки ФСБ, где имел честь служить полковник Максимов, пыталась вычислить этого «крота», но пока результаты были неутешительными: не удалось ни расшифровать принимаемые им шифровки, ни определить место его возможной службы. Как вдруг эта неожиданная новость от китайских коллег, которая могла приблизить чекистов к разоблачению предателя.

Инициатива китайцев хоть и была неожиданной, но четко укладывалась в возникшую в те дни ситуацию вокруг Сирии. В аналитической справке Департамента анализа, прогноза и стратегического планирования ФСБ, с которой некоторое время назад был ознакомлен Максимов, в его памяти запечатлелся следующий пассаж:

«...Последние события на Ближнем Востоке четко укладываются в план «Большой Ближний Восток», разработанный в мозговых военных центрах США сразу после событий 11 сентября 2001 года. Осуществление этого плана началось с вторжения американских войск в Афганистан и Ирак, а затем продолжились с помощью не прямых действий американцев в других ближневосточных странах (чередa революций под названием «арабская весна»). На сегодняшнем этапе осуществления этого плана американцы ставят целью «оседлать» складывающуюся на Ближнем Востоке ситуацию, а именно – взять под контроль усиление фундаменталистских сил. Последние представлены в виде трех течений: умеренные («Братья-мусульмане» и др.), жесткие (ортодоксальные салафиты и джихаисты) и крайние экстремисты (такфиристы). Американцы сделали ставку на умеренных фундаменталистов, надеясь с их помощью противодействовать расширению регионального влияния Исламской Республики

Иран. Эти события в ближайшей перспективе угрожают России как в экономическом отношении, так и в военном...

Не меньшую угрозу это несет и Китаю. Переформатирование Ближнего Востока по американскому сценарию одной из своих целей ставит подрыв экономического и военного могущества Китая. Известно, что 47 % нефти поступает к нему из Ирана (через Ормузский пролив), который на нынешнем этапе является главным стратегическим противником США на Ближнем Востоке. Несмотря на то что Китай в последнее время предпринял определенные усилия для подстраховки на случай войны в Иране (соглашения о поставках нефти через Панамский канал, который управляется дружественными Китаю бизнес-структурами гонконгского миллиардера Ли Цзя-Чэна), однако все это может принести результат только в дальней перспективе и потребует новых значительных инвестиций. Поэтому Китаю крайне невыгодна война Ирана с США, результатом которой может стать перекрытие Ормузского пролива. Между тем американцы упорно ведут дело к войне, о чем наглядно свидетельствуют события в Сирии. Руками исламистов американцы и их союзники по западной коалиции пытаются сместить режим Башара Асада, чтобы потом начать атаку на Иран...».

Таким образом, Россия и Китай оказались сегодня в одном окопе, что живо напомнило Максимову эпизоды далекой истории – дружбу СССР и Китая в далекие 50-е годы. И хотя в ту пору он пребывал в детсадовском возрасте, однако хорошо знал о тех событиях по учебникам истории. К сожалению, уже в начале 60-х советско-китайская дружба превратилась в свою полную противоположность, что в итоге усугубило раскол коммунистического движения и привело к поражению СССР в холодной войне. Последние события Максимов имел несчастье наблюдать воочию. Будучи молодым сотрудником КГБ, он в мае 1989 года обеспечивал визит Михаила Горбачева в Китайскую Народную Республику.

Вспоминая события тех дней, полковник поймал себя на мысли, что они до сих пор вызывают в его душе досаду и горечь. Если бы у руля советского государства тогда оказался не Горбачев, а человек, равный Дэн Сяопину, колесо истории повернулось бы совершенно в иную сторону. Хотя в дни того визита об этом еще мало кто догадывался. И популярность Горбачева в Китае была даже повыше, чем у Дэн Сяопина. Тысячи китайских граждан приветствовали советского лидера, считая его светочем демократических реформ. Китайские либералы уповали на то, что в их высшем руководстве отыщется свой Горбачев и поддержит программу демократических реформ, названную китайскими интеллигентами «Бег к Солнцу». Но руководители Поднебесной избрали иной путь. Они раздавили танками тысячи студентов, собравшихся на площади Тяньаньмэнь, и задушили либеральную оппозицию практически в самом зародыше. Крови при этом, конечно, было пролито немало.

В ушах Максимова до сих пор стоял рассказ Саши Безрукова – сотрудника КГБ, работавшего в те дни в советской резидентуре в Пекине, – который, приехав в Москву спустя месяц после событий на Тяньаньмэне, поведал о том кошмаре, который творился в окрестностях площади. Он рассказал о десятках молодых людей, повешенных на столбах в назидание остальным, о раскатах оружейных залпов в пекинской тюрьме, где расстреливали тех, кто выжил в той кровавой каше. Для всех, кто слышал тогда этот рассказ, услышанное казалось дикостью, средневековой жестокостью. И это при том, что у нас к тому времени уже случились бойня на площади Руставели в Тбилиси и резня турок-месхетинцев в Узбекистане. Но пекинские события затмили их все. Именно затмили, а не просветили. Ведь на чьей стороне оказалась в итоге история? Где-то в середине 90-х Максимов собственными глазами видел распечатку секретного документа ЦРУ, в котором анализировались события мая 1989 года на площади Тяньаньмэнь. Там отмечалось, что, не применив китайское руководство силу против демонстрантов, не было бы сегодня и самого Китая. А было бы, как говорилось в документе ЦРУ, «посткитайское пространство». Значит, правильно сам Дэн Сяопин называл Михаила Горбачева «шагуа», что в переводе на русский означает «глупец».

Буквально вчера Максимов имел беседу со своим коллегой из «китайского» отдела Службы внешней разведки, который достаточно убедительно объяснил ему перспективы взаимоотношений России и Китая в области антиамериканской дружбы. Коллега жил в одном доме с Максимовым и тоже был заядлым собачником: вечерами они выгуливали во дворе своих четвероногих питомцев и, пока те резвились в сторонке, вели интеллектуальные беседы на разные темы. Вчера дело дошло до разговора о российско-китайских отношениях.

– Американцы разворачивают свою противоракетную систему на Дальнем Востоке, тем самым угрожая как России, так и Китаю, – просвещал Максимова его коллега. – У нас в свое время были планы переманить Европу на свою сторону и создать с ними противовес американской глобальной ПРО, но эти попытки не увенчались успехом. Более того, Европа в этой глобальной игре взяла сторону Америки, предоставив свою территорию для размещения ее противоракет. Поэтому единственная наша надежда сегодня – это Китай.

– Неужели у нас с ним нет таких же проблем, как с Европой? – удивился Максимов.

– Проблемы, конечно, есть, но они меркнут в свете того, что Америка угрожает Китаю так же, как и нам. У нас с Китаем есть взаимный интерес – остановить Америку на ее пути к мировому доминированию. Если не остановим, нам не поздоровится.

– Ты считаешь, что у нас есть шансы на такое противостояние?

– А почему я должен считать иначе?

– Да хотя бы потому, что у китайцев есть четкая геополитическая доктрина. А у нас?

– И что у нас?

– Разве ты не видишь? Наша бизнес-элита затянула страну в ВТО, которое ставит под угрозу существование тех же высокотехнологичных отраслей в стране. Как в военной, так и в гражданской промышленности. Мы окончательно превращаемся в сырьевой придаток.

– Ты прав и неправ одновременно. Да, нас втянули в ВТО. Но в его сторону ориентирована лишь часть нашего бизнес-сообщества – прозападная. Другая часть мыслит категориями национальных интересов. Вот, например, мы с тобой какими категориями мыслим?

Максимов счел возможным промолчать, поскольку ответ и без того был очевиден.

– Видишь, значит двумя национально мыслящими чекистами в России стало больше. А ведь всего два десятка лет назад мы с тобой голосовали за Ельцина – американскую профурсетку. Как говорили древние: «Все течет, все меняется». Так что альянс России и Китая вполне вероятен. Нас может сплотить серьезная внешняя угроза. И таковая уже появилась, что и стало поводом к тому, чтобы Россия и Китай объединились на сирийском направлении.

В этом месте размышления Максимова были прерваны. Их представительский «Мерседес» въехал на территорию китайского посольства, где их уже дожидались первый заместитель посла и глава местной резидентуры. Максимов и сопровождавший его представитель российского МИДа, обменявшись рукопожатиями с встречающими, прошли с ними в здание посольства и поднялись на лифте в комнату для переговоров. В то самое помещение, которое в каждом посольстве надежно защищено от любых несанкционированных попыток подслушать то, что произносится внутри этих стен.

Общение сторон происходило в деловой манере, без лишних сантиментов. Когда все присутствующие уселись за длинный стол напротив друг друга, китайский посол произнес несколько протокольных фраз о важности российско-китайских отношений. Не забыв упомянуть и о злободневности текущего момента:

– Сейчас, когда так обострилась ситуация на Ближнем Востоке, от российского и китайского руководства зависит, будет ли мир в этом регионе или разгорится война. Наши совместные усилия по срыву изоляции Сирии, проявленные на заседании Совета безопасности ООН, вселяют оптимизм не только в нас, но и во всех тех, кому дорог мир на Ближнем Востоке.

После китайского дипломата слово взял российский, высказавшийся столь же коротко и лаконично. Затем в разговор вступил глава китайской резидентуры, речь которого тоже была

немногословной. Положив перед собой серого цвета папку, он на хорошем русском языке обратился непосредственно к своему российскому коллеге:

– Господин Максимов, надеюсь, наша информация, содержащаяся в этой папке, хоть в какой-то мере поможет вам разрешить те проблемы, которые вы испытываете в своей работе. Мы надеемся, что эта встреча и оказанная нами услуга послужит дальнейшему укреплению отношений между нашими ведомствами.

После этого резидент передал папку в руки Максимова. Положив ее перед собой, российский гость произнес ответный спич, выдержанный в том же стиле, что и речь его визави. И, в свою очередь, передал ему свою папку, которую он всю дорогу до посольства буквально не выпускал из рук. Это было своего рода «алаверды» от российского ФСБ китайскому МГБ, поскольку ехать с пустыми руками к людям, которые изъявили желание помочь тебе разоблачить опаснейшего «крота» в своих рядах, было бы просто невежливо как с дипломатической стороны, так и с человеческой. В переданной китайцам папке содержалась информация, полученная от зарубежных источников ФСБ, о том, что в руководстве китайского МГБ завелся не менее опасный «крот», чем московский. И хотя имя и должность его не назывались (они не были известны), однако давались определенные ориентиры, которые могли бы помочь китайским коллегам вычислить предателя.

Собственно почти то же самое содержалось и в папке, переданной Максимова. Он раскрыл ее сразу же, как только их «Мерседес» выехал за ворота китайского посольства. На стандартном листе мелованной бумаги формата А4 была изложена краткая информация, которой китайские эмгэбисты располагали в отношении московского «крота». Однако несмотря на малый объем информации, в ней зримо маячил кончик той самой ниточки, потянув за который можно было попытаться распутать весь клубок. В тексте это выглядело следующим образом:

«По данным наших источников, летом этого года (предположительно в июне) в столице Египта, городе Каире, в одной из гостиниц, состоялась агентурная встреча сотрудников резидентуры Центрального разведывательного управления США с неким российским гражданином, имеющим непосредственное отношение к работе на ближневосточном направлении, в частности в Сирии...».

* * *

***Москва, Лубянка, Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

В кабинете заместителя начальника Департамента контрразведывательных операций Службы контрразведки ФСБ Федора Ивановича Кондратьева собрались три человека: хозяин кабинета и двое его подчиненных – начальник отдела Иван Ильич Максимов и его заместитель Глеб Сергеевич Жмых. Разговор шел вокруг информации, предоставленной китайскими коллегами пару часов назад и касавшейся московского «крота». Солировал разговором хозяин кабинета, который сидел во главе стола в мягком кожаном кресле, а прямо перед ним лежала раскрытая папка, привезенная Максимовым из китайского посольства:

– Итак, что мы имеем после получения этого письма. Первое: около двух месяцев назад в Каире состоялась встреча некоего высокопоставленного российского чиновника с его хозяевами из ЦРУ. Второе: полтора месяца назад наши технические службы стали перехватывать сообщения из радиоцентра ЦРУ во Франкфурте-на-Майне для некоего источника в Москве. Эти донесения мы до сих пор расшифровать не сумели. Суммируя все это, я делаю вывод, что в обоих случаях речь может идти об одном и том же человеке. У кого-нибудь есть замечания по поводу моих выводов?

– Замечаний нет, разве что только добавления, – вступил в разговор Максимов. – Речь идет о «кроте», который имеет доступ к секретной информации о ситуации в Сирии, в том числе, судя по всему, и о наших военных поставках в эту страну. Это означает, что он вполне может иметь отношение либо к Министерству обороны, либо к структурам, связанным с ним, например к «Гособоронэксу», занимающемуся зарубежными военными поставками.

– Добавление принимается, – согласился с выводами Максимова хозяин кабинета, после чего взглянул на третьего участника встречи. Жмых расценил этот взгляд правильно – тут же включился в диалог:

– Определенная информация о наших военных поставках в Сирию может быть также в Министерстве иностранных дел, например в его ближневосточном отделе. Значит, «крот» может окопаться и там. Кроме этого, в МИДе он может иметь доступ не только к вопросам о военных поставках, но и к более широкому спектру проблем, например быть в курсе позиции наших мидовских руководителей по ситуации на Ближнем Востоке. Наконец, нельзя исключать вероятности того, что «крот» мог окопаться и в нашем ведомстве, например здесь, на Лубянке, или в «лесу» – в Службе внешней разведки в Ясенево.

– Ну что же, предположение о «кроте» в нашей епархии можно назвать смелым, но, увы, не лишенным смысла, как говорится, чем черт не шутит, – Кондратьев откинулся на спинку кресла и, щелкнув зажигалкой, закурил. Сделав глубокую затяжку, продолжил:

– Более того, можно пойти еще дальше и предположить, что «крот» работает не один, а в составе некой группы. В таком случае наша задача может усложниться.

– Группу исключать нельзя, но, выйдя на «крота», можно потянуть вверх всю цепочку, – вновь подал голос Максимов. – Как говорил незабвенный Глеб Жеглов: «Здесь у него лежбище». Именно последнее мы и должны будем отыскать, используя ту ниточку, которую нам так к стати предоставили наши китайские коллеги. Причем тянуть эту ниточку надо...

– ...с двух концов, – закончил мысль своего подчиненного Кондратьев. – Одну отсюда, из Москвы, а другую из Каира. Вы это хотели сказать, Иван Ильич?

– Читаете мысли, – не скрывая иронии, парировал Максимов. – Хотя даю руку на отсечение, вы ни за что не угадаете, о чем сейчас думает Глеб Сергеевич.

– Боюсь, вы можете остаться без руки, – по губам генерала пробежала еле уловимая усмешка. – Ваш заместитель в данную минуту думает о том, как бы ему избежать поездки в благословенный Аллахом Каир. Я угадал?

Вместо ответа Жмых развел руками: дескать, сдаюсь. После чего признался:

– Я действительно не горю желанием лететь в страну пирамид. Был там в прошлом году и всю дорогу промучился диареей. Видимо, это уже возрастное.

– Ну что ж, пойдем навстречу вашему возрасту, Глеб Сергеевич, – улыбнулся Кондратьев, – в Каир суждено полететь Ивану Ильичу. Надеюсь, у него со здоровьем все в порядке?

– Если вы не отсечете проигранную мною руку, то мое здоровье можно назвать идеальным.

– Так тому и быть, – подвел итог разговора Кондратьев. – Завтра же вылетайте в Египет, а я позабочусь о том, чтобы предупредить наших тамошних посольских работников. Ваша задача, Иван Ильич предельно ясна: нащупать египетский кончик ниточки – попытаться найти следы «крота» в тамошних краях. Используйте для этого все возможности: как наши, резидентские, так и помощь коллег. Я имею в виду сирийцев, с которыми у нас давно налажены контакты. Используйте их на полную катушку. Мы же с Глебом Сергеевичем постараемся очертить круг подозреваемых здесь, в Москве. Связь друг с другом будем держать постоянную.

* * *

США, Лэнгли, штат Вирджиния.

Центральное разведывательное управление

«Дорогой друг!

Мы очень благодарны Вам за последнюю информацию, касающуюся «сирийского узла». Она не только помогла нам определить наши приоритеты по данной проблематике, но и значительно продвинула нас в решении некоторых важнейших задач на этом направлении. Кроме этого, она явилась весомым аргументом в пользу нашей позиции во взаимоотношениях с администрацией Большого Дома. Доложенная лично Большому Другу, Ваша информация крайне заинтересовала его, результатом чего явилась его личная просьба передать Вам искреннюю благодарность и пожелание успехов в Вашем трудном и опасном деле. Целиком присоединяемся к этим пожеланиям. Ждем от Вас новой информации не только по «сирийскому узлу», но и по более широкому спектру проблем. В частности, нас крайне интересует позиция российского руководства по общей ситуации на Ближнем Востоке, о планах Кремля в отношении Грузии и других Закавказских республик, о возможностях российского влияния на фондовый рынок с целью разжигания противоречий между странами Европейского Сообщества. Будем также признательны Вам за любую полезную информацию относительно возможных разногласий внутри высшего российского руководства.

Спешим также сообщить, что каждое Ваше сообщение продолжает влиять на пополнение Вашего банковского счета. За минувший месяц на него перечислено 450 000 долларов США. Таким образом, на текущий момент общая сумма, сосредоточенная на Вашем банковском счете, составляет 885 545 долларов США.

Ваш друг С.».

* * *

Замдиректора ЦРУ Стивен Снайпс дважды прочитал шифровку для русского агента, после чего вложил ее в папку и вернул, сидящему напротив него начальнику «русского» отдела Уильяму Берроузу.

– Несмотря на то что главным побудительным мотивом работать на нас для агента Фараона были отнюдь не деньги, обходится он нам, как говорят русские, в хорошую копеечку, – с еле уловимой усмешкой на губах заметил Снайпс.

– Что поделаешь, времена сегодня другие и русские научились считать деньги, – поддержал иронию шефа Берроуз. – Как говорится, налицо абсолютная капитализация.

– Да, советские «кроты» обходились нам в разы меньше. Однако мы сами в этом виноваты: долгие годы боролись за то, чтобы над Россией вновь воссияло солнце капитализма. Поэтому придется смириться. К тому же надо признать, что Фараон нам обходится дешевле, чем следовало бы: сведения, которые он нам предоставляет, помогают нам экономить миллионы долларов.

Снайпс поднялся из-за стола и, подойдя к небольшому трюмо в углу, открыл деревянную коробку, где лежали его любимые гаванские сигары, которые поступали к нему в обход эмбарго, которым США обложили Остров Свободы. Зная о том, что Берроуз не курит, Снайпс извлек на свет всего лишь одну сигару и тут же закурил. Кабинет сразу наполнился ароматом жареного кофе, которым так славится сорт кубинских сигар «Cahibo Maduro». Сделав неглубокую затяжку, Снайпс вернулся в кресло и вновь обратил свой взор на гостя:

– Чтобы оправдать наши вложения в Фараона, нужно постараться максимально загрузить его работой. Вы слышали, что Рокфеллеры и Ротшильды собираются создавать стратегическое партнерство и хотят объединить часть своих активов?

Еле заметным кивком головы Берроуз подтвердил услышанное.

– Я думаю, надо подключить Фараона к сбору информации и на этом направлении. Нам стало известно, что русские проявляют живой интерес к этой возможной сделке, поскольку с некоторых пор входят в этот бизнес посредством тех своих олигархов, что перебрались в Лондон. Они имеют свою долю в активах той структуры Рокфеллеров, у которой собирается выкупить акции инвестиционная компания Ротшильдов. Думаю, в Кремле и российских бизнес-структурах ведутся дискуссии на эту тему, поэтому любая информация об этом будет для нас крайне важна.

– Добавить пассаж об этом в данную шифровку? – спросил Берроуз.

– Нет, можно сделать это в следующем сеансе связи. Главное, повторюсь, – это максимально использовать Фараона на разных направлениях.

– Но это может повысить риск его провала.

– Может, – согласился Снайпс. – Но, с другой стороны, мы все сегодня рискуем. Поэтому в следующей шифровке посоветуйте Фараону быть предельно осторожным и не лезть на рожон. Напишите, что, если он почувствует хотя бы малейшую опасность в отношении себя, пусть немедленно сообщит об этом, чтобы мы успели провести акцию прикрытия. Он должен знать, что здесь крайне дорожат его персоной и в случае опасности не пожалеют затрат для его спасения. Это повысит его реноме в собственных глазах.

– Я думаю, оно у него и без того высокое. А после нашей сегодняшней шифровки со словами благодарности по его адресу из уст Большого Друга это реноме возрастет еще сильнее. (Под этим обозначением скрывался не кто иной, как президент США).

– Насколько я понял из слов Саймона Янга, Фараон не слишком тщеславен.

– Как говорят русские: «Доброе слово и кошке приятно».

– На Востоке на этот счет есть другая поговорка: «Нет денег наградить – имей руки погладить», – заметил Снайпс.

Все в ЦРУ знали о его слабости вставлять в разговор разного рода восточные пословицы и поговорки, которые он в избытке почерпнул во время службы в советском отделе на среднеазиатском направлении.

– Однако на Фараона мы денег не жалеем. Как ясно из сегодняшней шифровки, до звания миллионера ему осталось совсем чуть-чуть. И это меньше чем за три месяца работы.

– Вы забыли отметить, что работы интенсивной и крайне эффективной. А камень, который нужен, не тяжел, – вновь козырнул очередной восточной мудростью Снайпс. – Нужно успевать и деньги платить, и по макушке гладить. Вы свободны, Уильям.

Спустя десять минут в кресле, где недавно сидел Берроуз, восседал уже другой гость – начальник отдела анализа и планирования Разведывательного директората Алекс Макнамара. На этот пост он заступил всего лишь пару месяцев назад, поэтому это был его первый серьезный доклад в этом кабинете. Снайпс пригласил его, чтобы выслушать выводы аналитиков относительно ситуации, складывающейся в Сирии. С этим мнением Снайпсу потом надо было идти к директору ЦРУ, а тому – на самый верх. Свой анализ Макнамара уместил на двух страницах, однако хозяин кабинета попросил не читать весь текст, а изложить его устно, выделив главные мысли.

– На сегодняшний день те цели, на которые рассчитывали повстанцы из Сирийской Свободной Армии, пока не достигнуты – режим Асада по-прежнему крепок, – ровным голосом начал свой рассказ Макнамара. – И это несмотря на то, что многие сирийцы понесли серьезные убытки с момента начала волнений. В частности, почти полностью встал туристический бизнес: это транспорт, большая сеть отелей, обслуга, гиды и т. д. Значительное число людей из этой

сферы потеряли работу. До начала волнений Сирию ежегодно посещало несколько миллионов человек туристов, которые там не только отдыхали, но и делали всевозможные покупки: цены в Сирии намного ниже, чем в Европе. Все это заметно наполняло кошельки рядовых сирийцев. На данный момент все это прекратилось и сирийцы, привыкшие к определенному уровню жизни, теперь вынуждены жить несколько хуже. Все это прогнозировалось нами, вернее прежним руководством управления, накануне волнений, и на основе этих прогнозов делался вывод о том, что рядовые сирийцы, потерявшие привычный уровень жизни, откажут режиму Асада в доверии. Однако как показала реальная действительность, тот прогноз оказался неверным: большинство рядовых сирийцев верят своему президенту и испытывают стойкую неприязнь к повстанцам.

– Всего лишь неприязнь? – прервал ровную речь своего гостя Снайпс.

– Вы хотите более жестких оценок?

– Я хочу реальных оценок. Мне с этими выводами идти наверх, а там требуют правды. И что я им отвечу, когда меня спросят, почему рядовые сирийцы не идут толпами за повстанцами? Ведь полгода назад мы уверяли наше руководство, что у режима Асада миллионы противников.

– Полгода назад я не был в руководстве отдела.

– Вот именно это и странно. Вы новый человек, и значит, должны мыслить по-новому. А у меня создается впечатление, что передо мной сидит кто-то из прежнего руководства аналитического отдела. Но вернемся к Сирии. В ней проживают двадцать три миллиона человек, а в рядах повстанцев сто тысяч – всего полпроцента населения. Вы можете мне ответить, почему их ряды не растут в геометрической прогрессии?

– У сирийцев весьма высок уровень патриотизма.

– Вы этот фактор отмечаете в своем докладе?

– В той или иной степени.

– Мне не нужно в той или иной, мне необходима правда. Кого мы хотим обмануть – себя? Нам нужна правдивая информация, чтобы на ее основе найти адекватные средства и сломить сопротивление сирийцев, согнуть в бараний рог вместе с их патриотизмом. Советский народ тоже отличался высокой степенью патриотизма, но мы его все-таки сломали.

– Вы забываете, что это заняло у нас не одно десятилетие.

– Намекаете на то, что на Сирию может уйти столько же времени? А вы учитываете, что сегодня время течет более стремительно? Значит, то, что раньше уходило десятилетия, сегодня должно происходить в разы быстрее. Но для этого нужно знать реальную ситуацию, а не приглашенную. Ваши коллеги полгода назад ошиблись в своих прогнозах. Надо учиться на собственных ошибках, даже если это приходится делать с колес – на ходу. Мы должны вооружить наше правительство правдивой информацией, а не приглашенной. Отсюда мой следующий вопрос: какие пути вы видите в создавшейся ситуации, что нужно делать для того, чтобы расшатать и все-таки разгромить режим Асада? Мы должны доказать Белому дому, что именно мы, а не Пентагон, можем найти реальные пути, ведущие к нашей победе в Сирии.

– Пентагон вами упомянут в связи с их последним планом, где речь идет об ограниченных дистанционных ударах по объектам сирийской армии?

– А вам этот план кажется нереалистичным? Насколько я понял, благодаря ему сирийцы могут лишиться возможности бомбить опорные базы оппозиции, а также снабжать свои войска всем необходимым.

– Так это выглядит всего лишь на бумаге. На самом деле для претворения этого плана в жизнь потребуются сотни самолетов наземного и морского базирования, разведка и электронные средства борьбы, средства дозаправки и связи. Не забывайте также о том, что придется вводить специальные подразделения, а также тысячи простых военнослужащих для захвата и охраны хранилищ с химоружием. Учитывая масштабы этой операции, только на ее начало

может потребоваться минимум полмиллиарда долларов. Кто сейчас согласится на подобные траты?

– Вы так говорите, потому что у вас есть более эффективные и дешевые предложения?

– Есть, и я вам их сейчас изложу. Мы предлагаем двигаться одновременно в нескольких направлениях. Во-первых, надо наращивать информационную войну против сирийцев – завалить их дезинформацией. В Сирии достаточно слабо развита система подачи информации, поэтому при грамотном и активном наступлении на этом фронте можно добиться того, что наши дезинформационные потоки могут лечь на благодатную почву. Слухи в такой среде распространяются с невероятной скоростью и могут дезориентировать население, что нам и нужно. Это первое.

Второе: надо продолжать поставлять повстанцам самое совершенное оружие, более широко снабжать их разведывательной информацией о действиях правительственных войск. Пока это направление отлажено слабее всего.

– Ну вы же понимаете, с чем это связано: с опасностью, что это самое совершенное оружие, о котором вы упомянули, может попасть в руки «Аль-Каиды» или других радикальных исламистов. Мы должны это учитывать, если не хотим снова наломать дров, как это было в Афганистане в конце 80-х.

– Кажется, у русских есть на этот счет поговорка: «Волков бояться – в лес не ходить». Хотим мы этого или нет, но история повторяется: на данном этапе у нас с «Аль-Каидой» могут совпадать интересы, как это было когда-то в Афганистане. Поэтому закрывать глаза на ее усиление нам все равно придется. Как говорят на вашем благословенном Востоке: «Хочешь иметь друга без недостатков – останешься без друзей».

Брови Снайпса непроизвольно взметнулись вверх: было видно, что их хозяин приятно удивлен подобной эскападой своего собеседника. Но длилось это всего лишь мгновение, после чего Снайпс вернулся к обсуждаемой теме:

– Что у вас припасено на третье?

– В-третьих, надо наращивать усилия на международном направлении. Здесь пригодится старая как мир игра в «доброго» и «злого» следователей. Нашему правительству выпадает роль последнего – мы должны приводить в действие ливийский сценарий руками посредников: под видом бесполетной зоны бомбить силами НАТО сирийские правительственные войска, помогать наступлению повстанцев. Пусть и в этот раз раскошелятся наши европейские союзники, а не мы. Роль «доброго следователя» должно на себя взять руководство ООН. Ему предстоит всю вину за происходящее кровопролитие перекладывать на режим Асада и требовать создания коалиционного правительства, но обязательно без участия в нем Асада. И не надо бояться, что репутация нашего правительства от этого пострадает. Да, нас опять могут назвать поборниками агрессии, а то и вовсе агрессорами, но для нас важнее сейчас не репутация, а дело: нам надо свалить режим Асада. Сделав это, мы вернем себе репутацию и сохраним деньги наших налогоплательщиков. Как говорится, победителей не судят.

– На Востоке по этому поводу сказали бы иначе: «Халат – того, кто его надел, конь – того, кто на него сел», – Снайпсу явно хотелось, чтобы последнее слово в этом разговоре осталось все-таки за ним.

* * *

Египет, город Каир

В Каир Максимов вылетел ранним утром следующего дня из аэропорта Домодедово самолетом авиакомпании Egypt Air. Летел он под своими настоящими именем и фамилией, вот

только род деятельности был легендирован: Максиму предстояло перевоплотиться в журналиста ведущей российской газеты, корпункт которой располагался недалеко от центра города.

Полет доставил Ивану Ильичу максимум удовольствия: ухоженный салон, улыбчивый персонал и вполне достаточное расстояние между кресел, чтобы можно было вытянуть натруженные ноги. Кроме этого, салон был полупустым, что позволило Максиму одному расположиться в целом ряду, не опасаясь, что кто-то может его потревожить. Короче, четыре часа до Каира пролетели для него как один.

В аэропорту столицы Египта Максимова встретил сотрудник резидентуры российского посольства в Каире Леонид Грошев. Это был плечистый мужчина, примерно лет на десять моложе Максимова. Его накачанные бицепсы и крепкое рукопожатие сразу выдали в нем натренированного спортсмена, а цепкий взгляд из-под тонких ресниц – не по годам проницательного человека. Как понял Максимов, прекрасно зная о цели его визита в Каир, глава местной российской резидентуры выделил ему в помощь одного из лучших своих сотрудников.

Усадив гостя в белоснежный «Шевроле», припаркованный на стоянке у выхода из аэропорта, Грошев выехал на трассу и только тогда сообщил место, куда они направляются, – отель «Мариотт» в центре города.

– Мы учли ваше пожелание, Иван Ильич, не забираться слишком высоко и сняли вам номер на пятом этаже, – сообщил Грошев. – Отель отличный, представительский, вполне достойный для проживания журналиста именитой российской газеты. До представительства «ИТАР-ТАСС» буквально рукой подать. А также до прохладных вод чарующего Нила.

– «Кто испробовал воду из Нила, будет вечно стремиться в Каир», – продекламировал Максимов. – Знаете откуда это?

– В нашей резидентуре эти строки Николая Гумилева знает каждый, – сохраняя на лице все ту же улыбку, ответил Грошев.

– А вот и не все. Когда пару лет назад я читал их одному здешнему вашему коллеге, для него они стали открытием.

– Понятно, это у вас что-то вроде теста. А тот мой коллега, который его не прошел, видимо, Климашин? Но он был нашим большим недоразумением, поэтому больше здесь не работает.

– А вы давно в Каире?

– Два года и пять месяцев. Причем пять месяцев исполняется именно сегодня.

– В таких случаях обычно говорят: «По этому поводу надо обязательно выпить».

– Нам с вами пить нельзя: у нас с вами через три часа важная встреча.

– С кем, если не секрет?

– Секрет, конечно, но вам, так и быть, откроюсь. С замглавой сирийской резидентуры Хафезом Раджихом. Дело в том, что со стороны наших информаторов в местных спецслужбах пока никакой реакции на наш запрос не зафиксировано, зато от сирийцев ответ пришел буквально пару часов назад. О чем я вас и уведомляю.

– Где состоится встреча?

– Есть в старом коптском Каире одно заведение – ресторанчик пожилого христианина Максуда.

В этот время «Шевроле» выехал на набережную Нила. Несмотря на раннее утро, по нему уже курсировали рыбацьи фелюги и даже один речной трамвайчик. Вдоль реки ввысь поднимались величественные пальмы.

Максимов попросил Грошева притормозить возле магазина фаст-фуд. Выйдя из машины, полковник зашел в магазинчик и купил себе за 5 фунтов египетскую шаверму – обжигаяще горячую и вкусную. Когда он вернулся с ней в салон автомобиля, Грошев удивился:

– В «Мариотте» есть прекрасный ресторан.

– Как говорили во времена моего детства: вы, Леонид, ничего не понимаете в колбасных обрезках, – улыбнулся Максимов. – Я люблю уличную шаверму и именно здешнюю. Поэтому ведите машину и не мешайте мне получать наслаждение от этого восхитительного деликатеса.

Поскольку времени до назначенной встречи было еще предостаточно, Максимов оставил чемодан с вещами в гостиничном номере, после чего они отправились в город. Возле одной из мечетей полковник попросил коллегу остановиться. Они вошли внутрь, где за 50 фунтов местный привратник разрешил им подняться на минарет, откуда открывался великолепный вид на утренний город. Здесь, на площадке, на которой никого, кроме них, больше не было, Максимов и Грошев решили скоротать время до встречи с сирийцами. Причем разговор пошел не о красотах Каира, открывающиеся перед их глазами, а о вопросах куда более серьезных – о ситуации, сложившейся в египетском обществе после смещения президента страны Хосни Мубарака.

– Мубараку не позавидуешь: судя по всему, он станет первым в истории Египта бывшим фараоном, которому придется отвечать как за свои действия, так и за действия своих приближенных, – в голосе Грошева сквозила неприкрытая ирония. – Причем его свержение произошло при тайном попустительстве его недавних друзей – американцев.

– Ну что же, судьба Саддама Хусейна и других правителей Ближнего Востока, сначала обласканных США, а потом ими же и преданных, не стала ему уроком, – поддержал иронию своего коллеги Максимов. – Хосни надо было серьезно призадуматься о своей судьбе сразу после того, как в Каир был назначен новый посол США: вместо Маргарет Скоби прислали Фрэнка Визнера. Колоритная, скажу вам, личность.

– Да, я читал «объективку» на него. Он был послом здесь до начала 90-х.

– А в «объективке» упоминалось, что это тот самый Визнер – сын Фрэнка Визнера-старшего, который был одним из основателей ЦРУ и террористической сети «Гладио» в Европе?

– Упоминалось.

– Но об одном интересном факте, я уверен, там нет ни слова: о его родственных отношениях с бывшим президентом Франции Николя Саркози.

– И что же это за связь?

– Визнер-младший женат на Кристин де Ганэ, которая была второй супругой Пала Саркози – отца Николя. Поэтому Визнер-младший какое-то время воспитывал будущего президента и ввел его в круги ЦРУ, открыв тем самым ему и двери во французскую политику. Когда Саркози стал президентом, именно Визнер-младший рекомендовал ему назначить министром иностранных дел Франции своего приятеля Бернара Кушнера, чтобы тот мобилизовал европейские страны в пользу независимости Косово. А вот другого своего приятеля – Хосни Мубарака – Визнер-младший форменным образом подставил, подготовив его смещение.

– В активном участии американцев в здешних событиях мало кто сомневается. Удивляет другое: ставка американцев на исламистов, которые могут быть для них лишь тактическими союзниками, но отнюдь не стратегическими. Помните, что случилось с американцами в Афганистане: они сделали ставку на талибов, а те потом их попросту кинули.

– На этот раз американцы рассчитывают кинуть весь исламский мир. Их ставка на свержение нынешних режимов и приведение вместо них к власти исламских фундаменталистов, на мой взгляд, преследует четкую цель. Они рассчитывают на то, что мусульманский фундаментализм будет неизбежно сопровождаться изоляционизмом. Что невольно приведет арабский мир к тому, что он будет выведен за пределы современных технологий. Эти режимы будут медленно стагнировать, а посему легко управляться извне.

– Короче, им надо опустить здешние народы до племенного уровня, стравливая их друг с другом и управляя ими?

– Вы зрите в корень, Леонид. Племя – это более примитивная структура, не ставящая перед собой общенациональных задач. У американцев богатый опыт в этом плане: вспомните

их взаимоотношения с индейцами. С племенем легче договариваться, а вернее, легче обмануть – для этого достаточно купить их вождя.

– Как видно, с Асадом у них в этом плане вышла загвоздка.

– Да, он оказался крепким орешком. Это не старик Хосни Мубарак, и даже не Муамар Каддафи, которого американцы и их союзники сначала приручили, а потом разорвали на части на глазах у всего мира.

– После Ливии и Сирии они, конечно, возьмутся за Иран?

– Безусловно. При поддержке американцев там схлестнутся суннитские боевики с шиитскими «стражами революции». К этому делу наверняка подключат Турцию, чтобы возникла межисламская война, в которую должно будет вмешаться НАТО, ведь Турция является членом этой организации. Турецкая армия и «Аль Каида» будут вести наземные операции, а американцы бомбить иранские города. Тегеран в ответ нанесет удары по базам США на Ближнем Востоке, в том числе и по Израилю. Однако выдержать этот коллективный натиск иранцам будет не под силу. После их падения американцы напрямую выходят в наше подбрюшье – в Среднюю Азию, а также на Каспий и Поволжье.

– Думаете, будет война и с нами?

– Не хотелось бы, но вероятность ее достаточно высока. Черчилль в 1938 году, после Мюнхенского сговора, произнес весьма знаменательную фразу: «Англии был предложен выбор между войной и бесчестием. Она выбрала бесчестие и получит войну». Мы сдали Ливию и выбрали бесчестие – значит, нам стоит готовиться к войне.

– Но Сирию мы ведь не сдаем.

– Это было бы настоящим самоубийством, чем, к счастью, наше нынешнее руководство не страдает. Однако ситуация напоминает канун Второй мировой войны. Известно, что все подобные конфликты начинаются с предваряющих их малых периферийных войн. Тогда это были захват Италией Абиссинии, вторжение Японии в Китай, вмешательство Италии и Германии в гражданскую войну в Испании, аннексия Австрии, раздел Чехословакии со стороны Германии, Польши и Венгрии. Сегодня мы наблюдаем нечто похожее. Правда, с некоторыми поправками, которые только усугубляют ситуацию. Если тогда Лига наций страдала бессилием, то сегодня ее преемница, ООН, стала вдохновителем и организатором агрессий против суверенных стран, орудием и инструментом агрессии США. Война в Сирии – это почти калька с войны в Испании конца 30-х. Та победа открыла перед Гитлером дорогу на Польшу и Францию. После них бесноватый фюрер напал на нас. В сегодняшнем случае после Сирии падет Иран, а потом настанет и наша очередь.

– Но мы же ядерная держава?

– Все относительно в этом мире. Через несколько лет американская ПРО нашу ядерную мощь может парализовать.

– Что же может нам помочь?

– Вы будете смеяться, Леонид, но – новый Союз Советских Социалистических Республик. Надо искать союзников как в ближнем зарубежье, так и в дальнем. Тот же Китай в глобальном переделе мира может оказаться на нашей стороне. Ну и, конечно, надо активно работать нам с вами, чтобы упредить замыслы американцев на нашей территории. Вот, например, окопалась какая-то сволочь в Москве и шлет американцам секретные данные о ситуации в Сирии. Значит, мы должны эту сволочь найти и поставить к стенке.

– Сегодня к стенке уже не ставят.

– А жаль: другим было бы неповадно. Здесь, в Египте, кстати, смертная казнь до сих пор существует.

– Да, и распространяется на многие виды преступлений. Например, она грозит служащему отеля, который в прошлом месяце изнасиловал в Хургаде нашу туристку.

– И поделом ему, скотине. Кстати, об отелях. В Каире их около 160 – не думали над тем, в каком из них могла пройти встреча цэрэушников с нашей сволочью?

– Думал и пришел к выводу, что вряд ли эта встреча могла состояться в каком-нибудь захудалом месте: уровень не тот. Скорее всего, это крупный отель, где можно легко раствориться в толпе туристов.

– Я тоже так считаю. Наши информаторы в местных спецслужбах могут вывести нас на нечто существенное?

– Могут. Но и сирийские коллеги тоже обладают исчерпывающей информацией. Я на них даже больше рассчитываю.

– Почему?

– Египтяне за деньги «стучат», а сирийцы помогают нам по идейным соображениям. Уж больно сильно они американцев ненавидят за то, что те творят сегодня на Ближнем Востоке. А египтяне, наоборот, к ним сильно привязаны. Буквально из кожи вон лезут, участвуя в тайных операциях ЦРУ, прикрываясь тем, что ловят международных террористов. Все это расцвело пышным цветом при их шефе разведке Омаре Сулеймане, который сегодня еще и пост вице-президента занимает. А ведь он в свое время Академию Фрунзе в Москве заканчивал.

– Ну, это было давно, еще при царе Горохе, – усмехнулся Максимов и взглянул на часы.

Поймав этот взгляд, Грошев улыбнулся:

– Не волнуйтесь, Иван Ильич, не опоздаем. От этого минарета до места встречи я доведу вас за полчаса.

Однако он ошибся – ехать пришлось чуть дольше. Когда они вышли из мечети, пронизательный Грошев обратил внимание, что на противоположной стороне улицы, у аптечного киоска, притулился черный «Мерседес» с затемненными стеклами. Этот же автомобиль он заметил час назад, когда они с Максимовым выходили из гостиницы.

– Кажется, за нами «хвост» приклеился, – усаживаясь в автомобиль, заметил Грошев.

– «Мухабарат» не дремлет, – не скрывая иронии, ответил Максимов. – Как будем отрываться?

– Есть одна идея, но придется слегка поднапрячься, – и Грошев тронул «Шевроле» с места.

К тому времени Каир уже зажил полноценной жизнью: со всех сторон слышались сигналы автомобилей, выкрики многочисленных продавцов и заунывные возгласы, доносящиеся с минаретов. Влившись в автомобильный поток, «Шевроле», ведомый Грошевым, вскоре остановился у заведения под вывеской «Arabic cafe».

– Это очень хороший кафетерий, – сообщил Максимову его напарник.

– Ты, наверное, забыл, Леонид, что у нас на кофе совершенно нет времени, даже на очень хороший.

– Я вовсе не кофе имел в виду, хотя оно здесь, действительно, отменное, а нечто другое. Впрочем, сейчас сами все поймете.

Зайдя на территорию заведения, которое в эти часы было заполнено посетителями лишь наполовину, Грошев приметил столик, который стоял на открытой террасе рядом с входом.

– Отсюда нас хорошо видно, что нам и требуется, – усаживаясь за стол, объяснил Грошев.

Заказав официанту две чашки кофе, он слегка наклонился к Максиму и произнес:

– Под словом «хороший» я имел в два выхода из этого заведения. Поэтому, Иван Ильич, вы пока поскучайте в одиночестве, а я на пару минут отлучусь.

Грошев поднялся и зашел внутрь кафетерия. Пока он отсутствовал, Максимов медленно тянул из чашечки пахучий арабский кофе, который и в самом деле оказался отменного качества, и краем глаза наблюдал за черным «Мерседесом», припарковавшимся на противоположной стороне улицы, прямо напротив пункта обмена валюты.

Спустя несколько минут Грошев вернулся и, даже не притронувшись к своей чашке с кофе, попросил Максимова проследовать за ним. Зайдя внутрь кафетерия, они быстро миновали зал и кухню, после чего оказались на соседней улочке. Здесь их уже поджидало такси, за которым, как теперь понял Максимов, и отлучался его коллега. Усаживаясь в автомобиль, Максимов мысленно восхитился сообразительностью своего напарника: пока филеры будут «пасти» у входа их белоснежный «Шевроле», они спокойно уедут из поля их зрения. А за «Шевроле» можно было не волноваться: дипломатические номера надежно охраняли его от тех, кто мог на него покуситься.

Дорога до ресторана христианина Максуда заняла около пятнадцати минут. Пока они ехали, Максимов размышлял о превратностях судьбы, отразившейся на истории современных сирийских спецслужб, с одним из работников которых им сегодня предстояло встретиться. Свои азы спецслужбы Сирии постигали у нацистов, а именно у одного из руководителей СС Алоиза Брюннера, который трижды был приговорен французским судом к смертной казни, но в итоге сумел остаться живым. В 1954 году он сбежал из ФРГ, объявился в Дамаске и начал сотрудничать с сирийскими спецслужбами на правах консультанта. Долгие годы французские власти пытались добиться его экстрадиции, а израильская разведка «Моссад», не надеясь на выдачу, открыла на него настоящую охоту: несколько раз пыталась убить его с помощью заминированной почты. После двух таких взрывов Брюннер потерял глаз и лишился пальцев на одной руке, но все равно остался жив и продолжал свое дело – натаскивал сирийских разведчиков.

Еще одним учителем для сирийских спецслужб стал Египет. В феврале 1958 года две страны объединились, образовав Объединенную Арабскую Республику, просуществовавшую три года. В этот период сирийские спецслужбы перешли под контроль своих египетских коллег. И практически в эти же годы у сирийских спецслужб объявились еще одни наставники – советские КГБ и ГРУ, которые помогали строить спецслужбы Египта, а заодно приложили руку и к строительству спецслужб Сирии. В результате этого наиболее сильными в структуре сирийских спецслужб оказались две структуры: Главное Управление Безопасности (Идарат аль-Амн аль-Амм) и Военная разведка (Шубат аль-Мухаббарат аль-Аскария). Человек, с которым предстояло сегодня встретиться Максиму, принадлежал к первому ведомству (к его отделу внешних операций), которое активно сотрудничало как с внешней российской разведкой, так и с ГРУ.

Ресторан Максуда был расположен неподалеку от Коптского музея и развалин римской крепости Вавилон. Отпустив такси примерно за квартал от нужного места, Максимов и Грошев оставшееся расстояние преодолели за несколько минут. Когда они вошли внутрь, там их встретил сам хозяин ресторана – седовласый старик в белой рубашке навыпуск. Узнав Грошева, он провел их на открытую веранду, где за одним из столиков уже сидел мужчина примерно одних лет с Максимовым, который помешивал трубочкой кубики льда в стакане апельсинового сока. Это и был заместитель резидента сирийской разведки в Каире Хафез Раджих.

К вящему удовольствию Максимова сириец очень хорошо говорил по-русски. Как выяснилось, его родной дядя был женат на русской женщине, которая заменила Хафезу мать: та умерла в сравнительно молодом возрасте. Именно вторая мама и способствовала приобщению племянника своего мужа к великому и могучему: сначала учила его сама, потом устроила в русскую школу. Раджих рассказал об этом с первых же минут общения, что сразу способствовало установлению доверительных отношений между участниками встречи.

Как только официант поставил на стол тарелки с дымящимся бараньим шашлыком и удалился, Раджих жестом пригласил русских коллег начать трапезу, а сам извлек из кармана рубашки фотографию и положил ее перед Максимовым. На фото был изображен коротко стриженный мужчина приблизительно пятидесяти лет с колючим взглядом из-под тонких бровей.

– Вам знаком этот человек? – спросил Раджих у Максимова.

Тот лишь пожал плечами: дескать, не припомню.

– Можно? – это уже Грошев попросил разрешения взять со стола фотографию и, взглянув на нее, мгновенно среагировал: – Это же Саймон Янг. Выдает себя за бизнесмена корпорации «Индастри электроникс», хотя по нашим установочным данным является одним из заместителей ближневосточного резидента ЦРУ. Он довольно часто навещается в Египет.

– Совершенно верно, – подтвердил слова своего русского коллеги Раджих. – По нашим сведениям, Янг является доверенным лицом замглавы ЦРУ Стивена Снайпса и координирует действия своего ведомства с турецкими спецслужбами и сирийскими повстанцами. Эти самые повстанцы, а на самом деле отпетые террористы, проходят обучение на одной из баз рядом с турецко-сирийской границей под началом турецких и американских инструкторов. После этого их должны забросить к нам в Сирию для разжигания гражданской войны и смещения Башара Асада.

– Если я вас правильно понимаю, уважаемый Хафез, именно этот человек может иметь прямое отношение к вербовке того человека, который нас интересует? – задал прямой вопрос Максимов.

– Да, это он.

– Уверены?

– Как говорят у вас в России, на сто пудов, – и гладко выбритое лицо Раджиха осенила улыбка.

– Изложите, если не трудно, свои аргументы.

Прежде чем ответить, Раджих с помощью ножа ловко «срезал» с шампура куски шашлыка в тарелку, после чего продолжил:

– У меня два веских аргумента. Первый: примерно с марта этого года Янг безвылазно находился в Турции, занимаясь тем, о чем я уже говорил. А в самом конце июня внезапно объявился здесь под видом бизнесмена «Индастри электроникс». Пробыл в Каире три-четыре дня, после чего опять уехал в Стамбул и больше здесь не объявлялся. Спрашивается, зачем приезжал? На мой взгляд, ответ очевиден: чтобы участвовать в вербовке вашего «крота». Из чего следует мой второй аргумент: вербовка такого агента, как ваш, не могла пройти мимо столь матерого и влиятельного разведчика, как Янг. Информация о Сирии сейчас интересует его больше всего.

– Ну что ж, убедительно, – согласился Максимов. – Но это только половина дела. Другая половина – попытаться отыскать в Каире следы этого «крота», чтобы установить его личность. Это возможно?

– Возможно, но придется потрудиться.

– Разве мы говорили, что боимся труда? – переглянулся с Грошевым Максимов. – Ради нашего общего дела мы готовы работать круглосуточно.

– Думаю, этого не понадобится – все решат деньги.

– Кого придется покупать?

– Охрану в отеле, где проходила вербовка, кого-то из тех, кто связан с системой видеонаблюдения.

– А вы что, знаете название этого отеля? – вилка с нанизанным шашлыком замерла возле рта Максимова.

– Догадываюсь. Дело в том, что Янг предпочитает останавливаться в одном и том же месте – отеле «Найл Хилтон», где отменные кальянные. Есть у него такая слабость. Живет на восьмом этаже. Там, а также на шестом этаже ЦРУ через подставных людей бронирует номера для конспиративных встреч со своими агентами. Мы знаем об этом от своего информатора в гостиничной службе.

– И много отелей в Каире находится под «колпаком» ЦРУ?

– Примерно два десятка.

– Так может...

– Может, Иван, но я полагаю, что начинать надо с «Найл Хилтона». Надо попытаться подкупить кого-то из охраны отеля, чтобы он предоставил нам запись с камер видеонаблюдения, установленных на шестом и восьмом этажах. Причем только за четыре дня – с 25 по 28 июня этого года, когда Янг находился в Каире.

– Не легче ли взломать эту систему с помощью IT-специалистов? – предложил Грошев.

– Мы думали об этом и пришли к выводу, что не легче. Дело в том, что в этом отеле используется не беспроводная, а кабельная технология, что усложняет нашу задачу. К тому же механизм защиты там, скорее всего, конструировали специалисты ЦРУ. Устройства для обнаружения и предотвращения атаки извне они установили на уровне сети и конкретного узла – видеоархива и сервера управления видеонаблюдением. Поэтому есть большая вероятность того, что, когда мы попытаемся осуществить взлом, наша попытка будет обнаружена. Тогда все всплывет наружу. Гораздо безопаснее второй вариант – проникновение в их систему не снаружи, а изнутри, с помощью «крота». Вариант, конечно, затратней по финансам и времени, но зато дает больший шанс не вспугнуть американцев раньше времени.

– Но почему вы думаете, что нужные нам записи американцы предусмотрительно не стерли? – предположил Максимов.

– Вполне допускаю. Хотя интуиция мне подсказывает, что они еще целы.

– Почему?

– У Янга сейчас слишком много работы в Турции. У вас это называется забот полон рот – так, кажется? Вот и в Каире он пробыл всего лишь четыре дня, после чего снова улетел. То есть сильно спешил. Вот я и предположил, что в подобной спешке ему могло быть не до записей на камерах видеонаблюдения.

Максимов мысленно восхитился оперативной смекалкой сирийского коллеги. «С таким опером шансы отыскать «крота» у нас увеличиваются многократно», – с удовлетворением подумал он, запивая шашлык терпким французским вином десятилетней выдержки.

– Какая сумма может понадобиться? – это уже Грошев вновь вступил в разговор, пользуясь тем, что Максимов взял короткую паузу.

– Вы же не первый день работаете в Каире и знаете, что египтян за дешево не купишь. Я думаю, речь должна идти о десятках тысяч долларов.

– Легенду для охраны подобрали? – не унимался Грошев.

– Мы представимся сотрудниками детективного агентства, которые охотятся... к примеру, за неким международным аферистом. Чтобы у нужного нам охранника не возникло лишних подозрений, закажем ему видеозаписи с нескольких разных этажей.

– Сколько человек вы намерены подключить к операции со своей стороны? – это уже снова Максимов.

– Много людей не понадобится – трех-четыре хватит. Думаю, и с вашей стороны можно обойтись таким же количеством. Но это должны быть проверенные люди и хорошие профессионалы.

– Других мы не держим, – улыбнулся Максимов и поднял бокал с вином, предлагая выпить за успех их совместного предприятия.

* * *

*Москва, Лубянка, Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций*

Стоя у окна в своем кабинете, Федор Иванович Кондратьев взирал на вечернюю Москву. Глядя на фигурки прохожих, снующих по улице, он в который раз поймал себя на мысли, что миллионы москвичей в этот час торопятся домой и только он не разделяет этого естественного

желания. После того как от онкологии умерла его супруга, ехать в опустевшую «трешку» на площади Восстания ему уже не слишком хотелось. Почти сорок лет они прожили с женой душа в душу, воспитали двух прекрасных детей и всегда гнали от себя мысли о том, что кому-то из них придется уйти раньше другого. Как и в большинстве счастливых семей, супруги Кондратьевы предполагали прожить вместе до глубокой старости и умереть в один день, а возможно, и час. Но в жизни подобное происходит не так уж и часто. Рак груди развился у жены Федора Ивановича столь стремительно, что она угасла за каких-то несколько месяцев. Ошеломленный супруг даже не успел опомниться – так быстро все произошло. Больше половины жизни он отдал службе в контрразведке, научился упреждать самые коварные замыслы и атаки противников, но вот способа, чтобы самому уберечься от ударов судьбы, найти так и не сумел.

С момента смерти жены единственными близкими людьми для Кондратьева остались сын и дочь, которые давно жили отдельно и навещались к своему родителю строго по выходным вместе с внуками. А в будние дни он вынужден был коротать вечера в гордом одиночестве, листая книги из своей обширной библиотеки, которую он собирал не одно десятилетие. В последние дни он перечитывал повесть «Сотников» Василия Быкова – одно из сильнейших литературных произведений, где речь шла о человеческом предательстве. Многие годы отработав в контрразведке, Кондратьев повидал множество предателей – этаких Рыбаков современного разлива. Хотя то предательство, которое описал в своей книге Быков, и то, что распространилось на просторах России сегодня, заметно разнились. В войну люди чаще всего становились предателями из-за страха за собственную жизнь, а в наши дни ими больше движет жадность. В обществе, где культ наживы стал доминирующим, именно деньги стали главным фактором человеческого предательства.

Мысли о презренном металле вернули Кондратьева к текущей работе, в частности напомнили ему о шифротелеграмме от Максимова, которая пришла около часа назад из российского посольства в Каире и теперь покоилась в папке на его столе.

«Центр.

Сегодняшняя встреча с заместителем резидента сирийской разведки Хафезом Раджихом оказалась плодотворной. Есть основания полагать, что совместными усилиями нашей и сирийской разведок нам удастся выйти на след «крота» – агента ЦРУ, завербованного в Каире. На первом этапе предполагается запустить процесс проверки каирских отелей, где часть номеров арендована ЦРУ. Начать решено с отеля «Найл Хилтон» – места, где чаще всего останавливается заместитель ближневосточного резидента ЦРУ Саймон Янг, который, по нашим данным, может быть наиболее вероятным организатором вербовки. Учитывая, что вот уже несколько месяцев он безвылазно находился в Турции, где занимался подготовкой боевиков для заброски их в Сирию, его появление в Каире всего на четыре дня (25–28 июня с. г.) дает основание предполагать, что вызвано это было важными обстоятельствами, а именно участием в вербовке «крота».

Согласно предложенной нашими сирийскими коллегами схеме, предполагается выйти на Службу безопасности отеля (на одного из ее сотрудников), с тем чтобы при помощи денежного подкупа заполучить записи с камер видеонаблюдения, установленных на тех этажах, где расположены номера, принадлежащие ЦРУ. Для проведения данного этапа операции потребуется финансовая помощь в размере 40–50 тысяч долларов США.

Максимов».

В этот миг в дверь генеральского кабинета постучали, после чего на пороге возник Глеб Сергеевич Жмых, который вот уже больше суток в поте лица трудился над весьма непро-

стой проблемой: устанавливал круг лиц, из которых потом предстояло вычислить того самого «крота», завербованного в Каире. Трудился Жмых, естественно, не в одиночку, а при активном посредничестве сотрудников своего отдела, а также других смежных подразделений Департамента контрразведывательных операций. И, как понял Кондратьев, заметив лукавую улыбку, блуждающую по губам позднего гостя, кое-каких успехов ему, видимо, достичь удалось.

– Чем порадуете, Глеб Сергеевич? – жестом приглашая гостя сесть за стол, спросил хозяин кабинета.

– Поводов для большой радости пока еще нет, все-таки времени прошло не очень много, но кое-что уже обрисовывается, – Жмых присел на стул, положив перед собой папку с документами. – Начну с самого начала. По запрошенным нами данным, из пяти различных ведомств, сотрудники которых могут иметь доступ к информации о нашем военном и экономическом сотрудничестве с Сирией, – речь идет о Министерстве иностранных дел России, Министерстве обороны, объединении «Гособоронэкс» и двух наших конторах – внешней разведке и ФСБ – пришли данные о тех сотрудниках, которые в интересующий нас период времени – июнь текущего года – выезжали по разным поводам за границу. Под поводами имеются в виду служебные командировки и отпуск непосредственно в Египет и прилегающие к нему страны. В общей сложности у нас получился список из 23 человек. Это первое.

Второе: мы вычленили из этого списка тех людей, которые в этом июне выезжали именно в Египет. Таковых оказалось пятеро. – Жмых раскрыл лежащую перед ним папку и продолжил свой доклад, обращаясь уже к документам. – Под первым номером у нас идет один из заместителей Департамента вооружений Министерства обороны – эта структура отвечает за подготовку и реализацию программ и планов военно-технического сотрудничества с иностранными государствами по вопросам разработки испытаний, производства и поставок вооружений и военной техники – Георгий Семенович Росляков, 1955 года рождения. В столице Египта Каире он находился в служебной командировке: утрясал проблему с поставками в эту страну наших зенитно-ракетных комплексов «Печора 2М» и «ТорМ1». Период его командировки длился почти две недели – с 16 до 28 июня. Поскольку мы не знаем точных данных относительно времени вербовки «крота»...

– А вот здесь вы ошибаетесь, Глеб Сергеевич, – прервал речь докладчика Кондратьев и протянул ему шифротелеграмму от Максимова.

Прочитав документ, Жмых вернул его обратно, сопроводив это вполне резонным выводом:

– Значит, Георгий Семенович Росляков вполне может быть тем самым «кротом», которого мы ищем. Но в таком случае таковым не суждено будет стать другой персоне из нашего списка – Игорю Нугзаровичу Кучилаве, 1961 года рождения, сотруднику того же Министерства обороны, который находился в Египте в служебной командировке в период с 3 по 18 июня. Жил опять же непосредственно в Каире. Он проходит в нашем списке под номером два.

В разговоре возникла пауза, которая понадобилась Кондратьеву, чтобы обдумать только что услышанное. Наконец он произнес:

– Ну что же, пока будем исходить из версии, предложенной Иваном Ильичом, и вашего Нугзаровича из числа подозреваемых временно исключим. Но, даст бог, версия Максимова окажется правильной.

– Мне тоже так кажется, – согласился Жмых. – Все-таки Иван Ильич не зря ест египетский хлеб.

– Думаю, в основном он налегает на шаверму и кюфту, о которых перед поездкой имел удовольствие вспоминать в разговоре со мной. Вы помните кюфту, Глеб Сергеевич, эти аппетитные, обжаренные на решетке котлеты?

– Побойтесь бога, Федор Иванович, – буквально взмолился Жмых. – Из-за свалившегося на меня объема работы я сегодня даже пообедать толком не сумел, а вы заводите речь о египетской кюфте.

– Уговорили – убоюсь, – улыбнулся Кондратьев, жестом приглашая продолжать доклад. Жмых ждать себя не заставил:

– Под номером три в нашем списке значится Юлия Андреевна Жолташ, 1976 года рождения.

– Жолташ? Мне кажется, эту фамилию я уже когда-то слышал.

– Если слышали, то речь идет об ее отце – Андрее Кузьмиче Жолташе, генерале армии, бывшем заместителе министра обороны СССР. Сегодня ему за девяносто, он фактически инвалид – большую часть времени проводит в больницах. Вот и сейчас лежит в Главном военном клиническом госпитале Минобороны в Лефортово.

– Он генерал какого рода войск?

– Авиации. Кстати, именно он и устроил свою дочь в «Гособоронэкс», который занимается поставками российского вооружения и техники за границу, в том числе и в Сирию. Трудится она там в должности старшего сотрудника. В Египет выезжала в отпуск, находясь там две недели – с 16 по 30 июня. Жила в Хургаде, это примерно в шести часах езды от Каира, между городами курсируют туристические автобусы. Ездила одна, поскольку не замужем и бездетна.

– В отпуск можно ездить не только с мужем или детьми, но еще с подругой или, на худой конец, с любовником, – заметил Кондратьев.

– Сведениями об этих людях мы на данный момент не располагаем, но работа в этом направлении ведется. Я тоже полагаю, что это действительно несколько странно – ездить в Египет одной.

– Если предположить, что именно Жолташ может быть «кротом», то это очень удобно, лишние свидетели в этом деле ни к чему. Что из себя представляет эта Жолташ? У вас есть ее фотография или видеозапись?

– Пока только фотография из личного дела, – Жмых достал из папки карточку и передал Кондратьеву.

– Эффектная женщина, – внимательно рассмотрев изображенную на фото даму, оценил ее Кондратьев. – Такой особе в Египте, да еще одной, местные плэйбои прохода не дадут.

– А может, она как раз и ездила туда, чтобы поохотиться на местных плэйбоев? Сейчас это достаточно распространено среди женщин ее возраста – секс-туризм называется.

– Ну что ж, именно это нам с вами, Глеб Сергеевич, и предстоит выяснить – чем она занималась в Египте: секс-туризмом или туризмом со шпионским уклоном.

– А вдруг это тупиковый путь?

– То есть?

– Не уведет ли нас эта Жолташ в сторону, ведь наши китайские коллеги в своем письме упоминали некоего российского гражданина, а не гражданку?

– Я думаю, что китайские товарищи не располагают точными данными о половой принадлежности «крота» и пишут о нем обобщенно, как о гражданине. Так что Жолташ в любом случае следует проверить. Кто у вас следующий по списку?

– Под номером четыре у нас значится Евгений Андреевич Безымянный, 1956 года рождения, работник Министерства иностранных дел России, его Департамента Ближнего Востока и Северной Африки. В Египте был в служебной командировке: участвовал в конференции по проблемам энергетической безопасности. Сроки командировки – с 19 по 29 июня.

– Вы забыли упомянуть, где проходила конференция.

– Извините, Федор Иванович, в Каире.

– Спасибо, продолжайте.

– Под номером пять в списке фигурирует наш коллега – сотрудник Службы внешней разведки Юрий Матвеевич Зорькин, 1978 года рождения. Работник отдела стран Ближнего Востока. Был в Египте на отдыхе с 11 по 25 июня, проживал в Шарм-эль-Шейхе. Это около семи часов езды от Каира. Причем жил не один, а со своей супругой – Зорькиной Екатериной Петровной, 1989 года рождения.

– Давно Зорькин работает в «лесу»?

– С 1995 года. По службе характеризуется положительно по всем направлениям.

– Очень не хотелось бы, чтобы «кротом» оказался наш с вами коллега.

– Согласен, Федор Иванович. Лично я меньше всего склонен подозревать этого парня. Да и по срокам не очень стыкуется – он уехал на родину 25 июня, то есть буквально в тот самый день, когда в Каире, как явствует из шифровки Максимова, объявился Янг.

– Значит, надо выяснить поминутно, когда именно он покинул Египет. Кроме этого, надо установить, ездили ли наши подопечные на экскурсии в Каир. Если это, конечно, возможно. И еще. Когда у нас будет следующий сеанс радиосвязи из Франкфурта?

– В последний раз они выходили в эфир в ночь с воскресенья на понедельник, значит, теперь выйдут через пять дней, в ночь с пятницы на субботу.

– Надо проследить, где в это время будут находиться наши подопечные.

– Сделаем.

– Сколько вы сказали у вас человек в общем списке?

– Двадцать три.

– С вычетом пятерых остается восемнадцать. Как я понял, это люди, которые в июне выезжали за границу, но не в Египет, а в сопредельные страны, но под разными предлогами могли оказаться также и в Египте? Значит, надо проверить эту возможность, особенно уделив внимание тем людям, которые выезжали в страны, ближе всего расположенные к Египту и именно в те сроки, о которых идет речь в телеграмме Максимова.

– Сделаем, Федор Иванович.

– Но в любом случае этих людей мы с вами припасем на потом. Главное сейчас – проверка тех «египтян», о которых вы мне только что рассказали.

* * *

Египет, город Каир.

Госпиталь в Исламском районе

Исмаил Фахми и его жена Залика приехали в госпиталь в Исламском Каире более часа назад и все это время с замиранием сердца ждали новостей от хирурга Фансани Камеля, который колдовал с их трехлетней дочерью Азенет. Девочка потеряла сознание прямо за обеденным столом у себя дома, родители немедленно привезли ее в госпиталь, где им сообщили, что у малышки серьезные проблемы с сердцем. Какие именно не сообщили, но пообещали сделать это, как только будет снята кардиограмма и выполнены все необходимые процедуры. И теперь убитые горем родители Азенет, для которых все происшедшее явилось громом среди ясного неба, не сводили глаз с дверей, за которыми час назад скрылся хирург. Им уже начало казаться, что ожидание длится целую вечность.

Наконец двери открылись и на пороге вновь возникла плотная фигура Фансани Камеля, облаченного в голубой халат. Супруги почти одновременно встали со своих мест и сделали несколько шагов навстречу доктору. Тот жестом попросил их оставаться на месте и быстрым шагом преодолел то расстояние, которое отделяло его от супругов. Лицо его выглядело озабоченным, что не сулило ничего хорошего подавленным от свалившегося на них горя родителям. Чтобы не разрыдаться, мать девочки уткнулась носом в мокрый от слез платок, а отец с трудом

проглотил застрявший у него в горле комок. Первая же фраза врача подтвердила самые худшие предположения родителей:

– Положение малышки серьезное: мы обнаружили у нее совмещение порока сердца и аритмии. Это достаточно редкое заболевание, которое мы в нашем госпитале не беремся оперировать. Слишком велики шансы на отрицательный исход.

Услышав эти слова, мать девочки перестала себя сдерживать и разрыдалась в полный голос. Зато отец, как и подобает главе семейства, продолжал сохранять хладнокровие и задал врачу вполне естественный вопрос:

– Что же нам делать, доктор?

– Попробовать прооперировать малютку в другой клинике. Я бы советовал вам выбрать Международный госпиталь, где работает прекрасная бригада кардиохирургов из Великобритании. Правда, за такую операцию придется заплатить.

– Сколько?

– Я думаю, сама операция и последующая реабилитация может обойтись вам примерно в сорок тысяч долларов.

– Но у нас нет таких денег.

– А какая у вас страховка? – поинтересовался Камель.

– Ограниченная медицинская, – последовал ответ.

– Да, с ней действительно далеко не уедешь, она покроет лишь незначительную часть необходимых расходов. Но это единственное, что я могу вам предложить. Если вашу малютку оперировать в нашей или любой другой клинике, шансы на то, что она выживет, крайне малы. Здесь нужны руки профессионалов. Повторяю: у вашей дочери очень редкое заболевание – совмещение порока сердца и аритмии, поэтому понадобится делать не одну, а сразу две операции. Мой совет: постарайтесь найти деньги, а малютка пока несколько дней может полежать у нас. Но в любом случае вам надо поторопиться.

Когда врач удалился в ординаторскую, Залика оторвала лицо от платка и с болью во взгляде посмотрела на мужа:

– Где же мы найдем столько денег?

– Не знаю, – пожал плечами Исмаил. – Но я знаю другое: найти их обязан именно я. Иначе зачем мы тогда назвали нашу девочку таким именем?

Имя Азенет переводилось с египетского «Она принадлежит отцу».

Усадив жену в такси и отправив ее домой, где у них остались двое старших детей – семилетний сын и шестилетняя дочь, – Исмаил уселся за руль своего подержанного «Рено» и отправился в отель «Найл Хилтон», где он вот уже пять лет работал в службе охраны. В вестибюле гостиницы он столкнулся с одним из портье – весельчаком Ахмедом, с которым они дружили фактически с момента устройства сюда Исмаила. Увидев, что его приятель чем-то серьезно озабочен, портье не стал по привычке шутить, ограничившись коротким вопросом «В чем дело?». Исмаил в двух словах обрисовал ему ситуацию, в какую угодила его семья. Он не искал помощи у приятеля, прекрасно зная, что у того нет тех денег, которые ему необходимо собрать, но ему была нужна хотя бы моральная поддержка, которую он тут же и получил:

– Ты знаешь, Исмаил, я не богат, но пару-тройку тысяч долларов я могу для тебя найти. Так что обращайся в любой день и час.

В знак благодарности Исмаил обнял друга прямо тут же, посреди гостиничного вестибюля. После чего отправился в кабинет начальника охраны – Рашида эль-Сайеда.

На счастье начальник находился в кабинете один, хотя в это время суток у него обычно всегда толкались посетители. Сидя в кресле и потягивая из трубочки манговый сок, эль-Сайед смотрел телевизор: там шел какой-то гонконгский боевик с неперенной стрельбой из всех возможных видов оружия и рукопашными схватками. За шумом очередной перестрелки

начальник не услышал, как дверь его кабинета открылась и на пороге возникла фигура Исмаила Фахми.

– Добрый день, начальник, – поздоровался с хозяином кабинета непрошенный гость, не решаясь пройти к столу.

– А, это ты? – на секунду оторвавшись от экрана, произнес начальник, после чего жестом пригласил гостя присесть в кресло, стоявшее напротив стола. А сам вновь устался в экран.

Исмаил сел и в течение нескольких минут молчал, не решаясь беспокоить своего босса: на экране герои фильма схлестнулись в безжалостном рукопашном поединке. Наконец, когда он закончился, эль-Сайед вновь обратил свой взор на гостя:

– Зачем пришел, у тебя же сегодня выходной?

– С бедой пришел, господин эль-Сайед. Наша младшая дочь сегодня попала в больницу, у нее серьезные проблемы с сердцем. Нужна срочная операция в Международном госпитале.

– Почему там, мало у нас клиник в Каире? – искренне удивился начальник.

– Я же говорю, что ситуация серьезная и врачи ближайшей от нас клиники не берутся делать такую операцию. Говорят, что там не одна операция нужна, а целых две. Редкое заболевание – порок сердца и аритмия.

– То есть наши врачи умыли руки и послали тебя прямиком к иностранным эскулапам? А ты знаешь, сколько стоят их услуги?

– Знаю – около сорока тысяч долларов.

– И ты пришел просить эти деньги у меня?

– Не у вас лично: я же понимаю, что у вас таких денег нет. Но, может быть, вы согласитесь стать посредником и поможете мне выбить эту сумму из нашего головного офиса.

Эль-Сайед поставил на стол стакан с недопитым соком и, забыв про телевизор, развернулся в кресле лицом к гостю.

– Мне очень жаль твою дочь, Исмаил, но я ничем не могу тебе помочь. Названная тобой сумма – это очень большие деньги. И даже мое посредничество не поможет тебе их раздобыть.

– Почему?

– Потому что в головном офисе прекрасно знают твою зарплату и отдают себе отчет, что ты сможешь вернуть эти деньги разве что через несколько лет. А кто согласится ждать столько времени при нашей нынешней нестабильной ситуации в стране?

– Я попытаюсь найти их как можно быстрее. Главное сейчас – это спасти нашу дочь.

– Это все отговорки, Исмаил. Повторяю: мне очень жаль малышку, но я не могу быть твоим посредником, заранее зная, что эта затея обречена на провал. Никто не захочет вытащить из бизнеса сорок тысяч долларов, чтобы помочь рядовому охраннику. Не будь слишком наивным.

– Что же мне делать, ведь счет идет на часы?

– Не знаю, Исмаил, – всплеснул руками эль-Сайед. – Хотя постой. Почему бы тебе не съездить в тот самый Международный госпиталь, куда тебя отправили, и уже там попытаться договориться с врачами. Вдруг у твоей малышки есть шанс попасть на бесплатную операцию?

Уже спустя полчаса Исмаил был в упомянутом госпитале и встретился с одним из кардиохирургов. Вернее, с одной – это была средних лет женщина-англичанка, прекрасно говорящая как на английском, так и на арабском языках. Но и она лишь развела руками:

– Ваша страховка действительно покрывает лишь незначительную часть расходов на операцию и последующую реабилитацию. Что касается бесплатных квот, то их всего четыре и все они уже распределены между больными. Если бы вы пришли чуть раньше...

– Но я не мог раньше: беда случилась с моей дочерью только сегодня.

– Сочувствую вам, но выделение новых квот – не моя компетенция. А начальник госпиталя сейчас в отъезде – будет в Каире только через неделю. Может быть, вам все-таки решится на операцию в том госпитале, где лежит ваша дочь? Другого выхода у вас нет.

Последние слова доктора занозой вонзились в сознание Исмаила и не отпускали его всю дорогу до автомобиля, оставленного им на стоянке у госпиталя. Но даже в салоне, когда он плотно закрыл дверцу и уронил голову на руки, обхватившие руль, эти слова продолжали пульсировать в его мозгу: «Другого выхода у вас нет... Другого выхода у вас нет... Другого...».

– Уважаемый Исмаил Фахми? – раздался над самым ухом убитого горем отца мужской баритон.

Исмаил поднял голову и увидел возле автомобиля крепко сложенного мужчину с уже тронутыми сединой висками.

– Да, это я. А в чем дело?

– Вы разрешите мне занять место в вашем «Рено» и объяснить вам причину моего появления?

Вместо ответа Исмаил дотянулся до противоположной дверцы и сам открыл ее нажатием ручки. Незнакомец обошел автомобиль и спустя несколько секунд уже сидел в кресле рядом с водителем. Это был заместитель резидента сирийской разведки в Каире Хафез Раджих, однако Исмаилу он представился другим именем – Мохаммед.

– Я слышал, что приключилась беда с вашей младшей дочерью: ей нужна дорогостоящая операция?

– Да, а откуда вы об этом узнали? Вы врач?

– Я частный детектив, – соврал Раджих. О беде, свалившейся на Исмаила Фахми, он узнал от своего осведомителя в отеле – того самого весельчака Ахмеда, однако сообщать об этом своему собеседнику, естественно, не стал. Впрочем, тот этим и не интересовался, занятый совершенно другими мыслями.

– Тогда причем здесь моя дочь? Ей нужна помощь профессиональных медиков, а не частных детективов.

– Я полагаю, что ей сейчас важна помощь любого человека, который сможет раздобыть сорок тысяч долларов.

– Вы хотите сказать...

– Да, вы угадали: у меня есть необходимые деньги, чтобы оплатить операцию вашей дочери.

– Вы шутите?

– Я, по-вашему, похож на шутника? Мне всегда казалось, что моя внешность располагает к другим оценкам.

– Я не это хотел сказать... – от волнения голос Исмаила сделался сиплым и ему даже пришлось прокашляться. – Так вы можете дать мне сорок тысяч долларов?

– Я могу их вам предложить в обмен на услугу.

– И эта услуга стоит сорок тысяч долларов?

– На мой взгляд, она стоит гораздо дороже, но я решил сэкономить. Мне кажется, вы сейчас в таком состоянии, что торговаться вряд ли станете.

– Спасибо за откровенность. Так в чем заключается эта услуга?

– Она имеет под собой служебную подоплеку. Я уже говорил, что представляю одно частное детективное агентство. Вот уже в течение нескольких месяцев мы разыскиваем одного мошенника, который обчистил всеми уважаемого бизнесмена. Фамилию последнего я вам называть не буду: это конфиденциальная информация. Так вот некоторое время назад он останавливался в том самом отеле, в котором имеете счастье работать вы. Я имею в виду «Найл Хилтон». И там он имел встречу с неким господином, с которым они разработали и осуществили упомянутую мною аферу. Чтобы изобличить их, нам необходимо раздобыть документальное подтверждение этой встречи, а именно видеозапись, на которой они были бы запечатлены вместе.

– А почему вы не обратитесь в полицию?

– Такова просьба нашего клиента. К тому же, если бы мы пошли законным путем, я бы с вами здесь не сидел и необходимых вам денег не предлагал. И, значит, судьба вашей дочери оказалась бы не завидной.

Напоминание о смертельно больной малышке вернуло Исмаила к реальности.

– Вы хотите, чтобы именно я раздобыл для вас эту видеозапись?

– Почему бы и нет, если все так удачно сошлось: вам до зарезу нужны деньги, а нам – эта запись? Тем более что раздобыть ее для вас не составляет большого труда: вы ведь работаете в охране в качестве оператора видеосвязи?

– Да, обслуживаю систему видеонаблюдения в отеле.

– Кстати, сколько времени хранятся на ваших видеорегистраторах записи?

– Три месяца.

– Значит, записи, которые запечатлены в конце июня, еще сохранились?

– Да, они автоматически будут стерты в конце этого месяца.

– Найти их легко?

– Естественно. Все записывается на жесткий диск, файлы автоматически располагаются по папкам: одна папка – одна дата.

– Качество у записей хорошее?

– Отменное, четыре года назад в отеле заменили всю видеоаппаратуру на более современную.

– Кто заменял, американцы из «Индастри электроникс»?

– Нет, из «Электролайт компани». Но сделали все okay: мегапиксельные IP-камеры, эшелонированная система защиты от несанкционированного проникновения извне и многое другое.

– Я так и думал.

– Что думали?

– Что американцы сделали все на славу. Но вернемся непосредственно к самим записям. Нас интересуют записи в коридорах и фойе.

– В фойе стоят длиннофокусные камеры с узким углом обзора и высоким расширением, а в коридорах – черно-белые узкообзорные камеры, которые дают лучшую картинку даже при слабой освещенности, то есть при полумраке.

– И какие именно участки фиксируют последние?

– В коридоре? Вход на лестничную площадку, в лифт и все двери номеров.

– Лица посетителей хорошо фиксируются?

– Более чем.

– Ну что же, нас это вполне устраивает.

– В таком случае, когда я смогу получить деньги?

– Как только вы передадите нам записи. Как говорится, все в ваших руках.

– Завтра утром я заступаю на дежурство и могу найти повод зайти в наш видеоархив.

– Это никого не насторожит?

– Не должно, я же постоянно работаю с видеосистемами. И ваши файлы собираюсь скачать ночью – в самое удобное для этого время. Что конкретно вас интересует?

– Записи с пятого, шестого и восьмого этажей, а также из фойе первого этажа. Датировка – 25–28 июня. Нас интересуют записи с камер, которые установлены в коридорах. Нам надо засечь наших подопечных, вместе входящими в конкретные номера. Это даст нам повод считать их сообщниками.

– Хорошо, я скачаю эти записи на флэш-карту. Сумму вы уже назвали – сорок тысяч долларов. Как я вас найду?

– Не волнуйтесь, мы заинтересованы в вас так же, как и вы в нас. Поэтому мы сами найдем способ связаться с вами.

– В таком случае я сейчас же вернусь в госпиталь и договорюсь о том, чтобы мою дочь оформили в качестве пациентки. Правда, я боюсь, что речь может пойти о первоначальном взносе. Если это случится, я могу рассчитывать на какой-нибудь аванс?

– Я думаю, авансом может послужить та часть денег, которую гарантирует ваша страховка. Но если этого будет не достаточно, то мы можем выплатить вам в качестве аванса... например, десять тысяч долларов.

Вместо слов благодарности Исмаил протянул своему собеседнику раскрытую для рукопожатия ладонь.

* * *

Турция, провинция Хатай.

Военный лагерь Сирийской Свободной Армии

Занесенную над ним руку с ножом Саймон Янг отбил одним коротким ударом ладони, после чего провел болевой прием против нападавшего: заломил ему руку и выбил на землю нож. Одновременно с этим он нанес удар ногой второму нападавшему на него противнику, попав тому точно в пах. Согнувшись пополам, нападавший упал на землю. Туда же отправился и второй противник Янга, ранее замахнувшийся на него ножом, – он был сбит с ног ударом ребра ладони по шее. Схватка длилась всего лишь несколько секунд и проводилась под взглядами двух десятков наемников, прибывших несколько дней назад в военный лагерь Сирийской Свободной Армии в турецкой провинции Хатай на границе с Сирией.

Показав наемникам свое мастерство, Янг разрешил инструкторам продолжать занятия, а сам отправился в гостевой домик для высшего состава. Зайдя в него, он лег на узенький диван и, вытянувшись на нем в полный рост, поймал себя на мысли, что он вот уже вторые сутки не может полноценно отдохнуть – спит урывками, ест второпях. Все это время ему приходится курсировать между Аданом, где вблизи американской военно-воздушной базы Инджирлик располагался секретный командный центр, и военными лагерями, размещенными на турецко-сирийской границе, и координировать деятельность различных структур, начиная от военных и заканчивая спецслужбами. Работы было невпроворот. Поскольку именно ЦРУ отвечало за то, чтобы оружие, которое поставлялось Сирийской Свободной Армии из армейских запасов Саудовской Аравии, не смогло попасть в руки боевиков «Аль-Каиды», Янгу приходилось переживать сквозь сито проверки десятки имен полевых командиров и их помощников. Все эти Мохаммеды, Ахмеды, Саиды и Мубараки перемешались в его голове настолько сильно, что ему стало казаться, будто он и сам стал мусульманином. Хотя в нем было намешано множество кровей – еврейская, немецкая, голландская и даже шотландская, но мусульманской не было ни капли. Между тем подобные мысли его уже однажды посещали. В середине 80-х он по линии ЦРУ работал в Афганистане с моджахедами и в течение нескольких месяцев жил в их среде, даже бороду отпустил и выучил не один десяток сур из Корана. Моджахеда прозвали его Муатабаром – надежным человеком. Сирийцы пока его никак не окрестили, обращаясь вполне официально – мистер Янг, но если дело и дальше так пойдет, то появление нового мусульманского имени не заставит себя долго ждать.

Последние сутки Янг провел практически на ногах, успев не только утрясти вопросы о поставках оружия, но и показать азы мастерства инструкторам рукопашного боя и даже поучаствовать в допросе с пристрастием, на который он сам и напросился. Его турецкие коллеги из военной разведки схватили пятерых заговорщиков из МИТа, внешней разведки Турции, которые в конце августа похитили из лагеря на границе с Сирией основателя Свободной сирийской армии полковника Хусейна Хармуша и продали его людям Асада за 100 тысяч долларов. Пару недель назад разведчиков-коммерсантов схватили и подвергли жестоким допро-

сам. Янг напросился на эти экзекуции не ради праздного любопытства – ему требовалось узнать, кто именно из сирийской разведки участвовал в этой операции, каким образом они вышли на турок. Увы, но арестованные ничего ценного сообщить не могли, поскольку канал связи был односторонним: сирийцы сами их нашли, предложили деньги и никаких имен или явок не называли. Добыть же информацию о том, кто именно помог сирийцам выйти на турок, тоже не удалось: арестованные и этого не знали. Хотя пытали их заплечных дел мастера.

Одного из них Янг привел с собой – земляка-американца Роберта (или Бобби) Дьюка, с которым познакомился несколько лет назад в Ираке, в тюрьме Абу-Грейб, где ЦРУ проводили пытки над арестованными иракскими оппозиционерами. Дьюк приехал туда как сотрудник охранной фирмы ветеранов спецслужб «Bloodwater», которая сотрудничала с ЦРУ и оказывала активную помощь американской армии в поимке членов иракского сопротивления. Дьюк прославился тем, что лучше других палачей умел «развязывать языки» пленным, совершая над ними жестокие пытки. Однако в этот раз даже ему не удалось «разговорить» арестованных митовцев, они бы и рады были рассказать что-то стоящее, но, увы, никакой ценной информацией не располагали.

Лежа на диване, Янг на какое-то время забылся неглубоким сном. Но длился он недолго. Спустя несколько минут дверь в гостевой домик с шумом распахнулась и на пороге нарисовалась плотная фигура напарника Янга – сотрудника ЦРУ Терри Савеласа. Он бросил коллеге на грудь лист бумаги с отпечатанной на нем шифротелеграммой, а сам прошел к холодильнику и достал из него банку с пивом, с шумом откупорил ее и, усевшись на угол стола, стал делать судорожные глотки.

Янг присел на диване и уткнулся в текст шифровки. В ней сообщалось, что западно-германский корабль-шпион, напичканный электроникой и курсирующий в Средиземном море рядом с берегами Сирии, засек передвижение правительственных войск Асада, которые двинулись из Дамаска в Алеппо. Здесь же сообщалось, что два десантных корабля русских пере-дислоцировались ближе к своей военной базе в Тартусе. На этих кораблях было 400 морских пехотинцев и два десятка единиц бронетехники.

Прочитав шифровку, Янг аккуратно свернул лист вчетверо и спрятал его в нагрудный карман рубашки. После чего встал и тоже достал из холодильника банку пива. Аккуратно открыл ее, сделал пару коротких глотков и только потом прокомментировал прочитанное:

– Конфликт разгорается.

– Тебя это радует? – удивился Савелас.

– Люблю воевать. Знаешь, как здесь, на Востоке, смотрят на предназначение мужчины?

Он должен делать четыре вещи: охотиться на мясо, есть мясо, скакать на мясе и втыкать мясо в мясо. Нам досталось охотиться на мясо.

– По мне лучше было бы втыкать мясо в мясо.

– Не спорю – тоже приятное занятие. Но женщины даются мужчине в награду за его боевые заслуги.

Допив пиво, Янг бросил пустую банку в корзину для мусора и вернулся на диван. Откинувшись на его спинку, он с блаженством произнес:

– Русские втягиваются в войну, а это значит, что охота обещает быть чрезвычайно интересной.

– С чего ты решил, что они втягиваются? Два десантных корабля у берегов Сирии еще ни о чем не говорят.

– Поверь мне, двумя кораблями дело не ограничится. К ним на подмогу скоро придут еще несколько, на борту которых будет не одна сотня морских пехотинцев и не один десяток единиц бронетехники. Кроме этого, Москва увеличит число своих военных специалистов в Сирии, в том числе и по нашей линии – разведывательной.

– Ты знаешь больше, чем корабль-шпион, – усмехнулся Савелас.

Янг никак не отреагировал на эту реплику, хотя ему очень хотелось. Но он действительно знал больше, чем все корабли-шпионы, бороздящие сейчас воды рядом с Сирией, и все самолеты-беспилотники, летающие в небе над ней. Почти три месяца назад он провел в Каире успешную вербовку русского «крота», который теперь слал в Лэнгли столь конфиденциальную информацию из Москвы, что она одна стоила десятков, а то и сотен других разведывательных сообщений. Рассказывать об этом своему коллеге Янг не мог, поскольку знать о существовании ценного агента имел право лишь ограниченный круг людей – руководители ЦРУ и он, Саймон Янг, который, собственно, и завербовал этого «крота». Он же придумал ему и оперативный псевдоним – Фараон, хотя это и не принято – присваивать агентам имена, могущие дать хоть какую-то зацепку противнику в деле его агентурной расшифровки (а в этом псевдониме ясно слышалась привязка к месту вербовки). Но Янг был уверен, что русским никогда не удастся подобраться к его агенту ни с какой стороны, поэтому пошел на этот риск без зазрения совести.

– И все же я сомневаюсь, что русским нужна эта война, – продолжал вслух размышлять Савелас. – Во-первых, это уже не та Россия, что была при Советах. Во-вторых, зачем им ввязываться в большую драку из-за крошечной военной базы в Тартусе? Думаю, что они блефуют.

– Ты забыл, что эта крошечная база у них – единственный разведывательный пункт в Ближневосточном регионе. Был еще один, на Кубе, в Лурдесе, но русские его, как тебе известно, демонтировали. А этот до сих пор стоит и приносит им огромную пользу. Не зря же они его полностью модернизировали современной аппаратурой. Так что Сирия для них – последний бастион на Ближнем Востоке. И они будут стоять за нее насмерть, поскольку понимают: дальше отступать некуда. Ливию они сдали, а за Сирию будут биться с отчаяньем загнанного в угол льва. Хотя, не скрою, шансов победить у них слишком мало: в этой охоте со щитом должны быть хорошие парни, вроде нас.

– Хорошо, что ты вспомнил Ливию, Саймон. Согласись, но сирийская ситуация выглядит гораздо хуже ливийской. Свободная сирийская армия – это не Объединенный национальный совет в Ливии – это, скорее, неорганизованный фронт, с которым много придется повозиться, прежде чем будет результат. Если он вообще будет.

– Ты не веришь в наши возможности?

– Я слабо верю в сирийскую оппозицию. Да, ее можно вооружить с помощью Катара и Саудовской Аравии, но найдется ли у нее достаточное количество солдат, которые сумеют противостоять армии Асада, – вот в чем вопрос. Даже география против оппозиции: в Сирии низкие горы, сухие степи и пустыни, перекрывающие пути отступления. Ей будет очень сложно воевать против хорошо отмобилизованной армии Асада.

– Значит, такие как мы с тобой, будут ее этой науке обучать. Другого варианта у нас нет. Либо мы свернем шею Асаду, либо это сделает «Аль Каида», и тогда это обернется для нас еще большими потерями.

Янг встал с дивана и прошел в туалетную комнату: давала о себе знать только что опорожненная им банка пива. Однако дверь он оставил открытой, чтобы не прерывать разговора с коллегой.

– Мы эту битву ни за что не проиграем, – продолжал вещать Янг. – Мы просто не имеем права на такую роскошь. На нашей стороне пол-Европы, ведущие страны Ближнего Востока. Да, ты прав: сирийская оппозиция не столь сильна и сплоченна, как ливийская. Но мы поможем ей оружием, техникой, своими советами. Главное для нее сейчас – закрепиться в Сирии. Взять штурмом какой-нибудь крупный город, вроде Алеппо, провозгласить его свободной революционной территорией, как это было в ливийском Бенгази, и разместить там сирийское свободное правительство. После этого полдела будет сделано: они запросят от того же НАТО военную поддержку, которую блок им немедленно предоставит. Не забывай, что Турция, в которой мы с тобой сейчас находимся, непосредственно входит в этот блок.

– Этот план хорош, но пока не действует. Например, взять Ростан оппозиции так и не удалось. А что если и с Алеппо произойдет такая же история?

– Не получится с Алеппо, найдем другое уязвимое место, – Янг вернулся в комнату и достал из холодильника новую банку с пивом. – Будем комбинировать: не получится одно – попробуем следующее. Например, руками оппозиции устроим химическую атаку и свалим ее на Асада. Опыт у нас уже есть – вспомни «пробирку Пауэлла» перед нашим вторжением в Ирак. Короче, было бы желание, а повод найдется.

– А как же голосование в ООН – русские с китайцами наверняка будут блокировать наше вторжение?

– Во-первых, плевать мы хотели на ООН, она себя давно изжила. Во-вторых, почему обязательно вторжение? Ударим с воздуха по военным объектам Асада, лишив его возможности защищаться. А оппозиция довершит начатое нами. Надеюсь, ты не сомневаешься в том, что наши славные вояки из Пентагона способны произвести с воздуха кардинальную зачистку аэродромов и средств ПВО Асада?

Савелас не сомневался, прекрасно осведомленный о том, что на подходе к берегам Сирии уже находятся два американских авианосца – «Гарри Трумэн» и «Нимитц». В эту авианосную группу входит также пять-шесть кораблей сопровождения и три ударные подводные лодки. Помимо этого, к делу могут подключиться и четыре эсминца класса «Иджис», оснащенные крылатыми ракетами «Томагавк». Короче, если американцы захотят по-настоящему вмешаться в этот конфликт, режиму Асада может сильно не поздоровиться. А Янг тем временем продолжал расписывать коллеге возможные перспективы развития ситуации в Сирии:

– Устроим Асаду такую кровавую кашу, какая не снилась ни Ираку, ни Ливии, ни Афганистану вместе взятым. Не мне тебя учить, Бобби. Помнишь, что было в Сальвадоре?

– Ставка на замену оппозиции террористическими группировками?

– Вот именно! Проведем акции по дестабилизации ситуации, устроив Асаду нашествие террористов-смертников. Кстати, как там дела с подготовкой операции «Вихрь»?

Речь шла о террористической акции, которую сирийская оппозиция под контролем ЦРУ готовила в Дамаске, – нападение на комплекс зданий разведслужбы ВВС Сирии.

– Вступила в последнюю стадию, осталось назначить дату и отправить людей.

– Так назначайте! Пусть это будет первая крупнейшая вылазка оппозиции в сердце Сирии, в ее столице, которая заставит режим содрогнуться. Надо постоянно держать Асада в напряжении, изматывая его такими вылазками.

Очередная пустая банка из-под пива полетела в корзину, брошенная меткой рукой Янга. Не успел звук от удара стихнуть, как зазвонил спутниковый телефон, стоявший на столе. Янг снял трубку и вышел с ней на улицу, чтобы разговор не стал достоянием ничьих ушей, кроме его собственных. Звонил Бутрос Риад – один из начальников египетской контрразведки из Мухабарат аль-Амма, Службы общей разведки, который давно был на службе у ЦРУ. То, что он сообщил, заставило Янга на время забыть о большой политике, о которой он так бурно дискутировал со своим коллегой, и непосредственно вспомнить о делах его разведывательной службы:

– Вчера рано утром в Каир прилетел гость из Москвы – журналист Иван Максимов, – вещал на другом конце провода прекрасно слышимый голос Риада. – По нашим сведениям, это не кто иной, как сотрудник российской внешней контрразведки.

– Цель его приезда известна? – насторожился Янг.

– Он аккредитован как журналист в российском корпункте московской газеты.

– Я имею в виду не фиктивную, а истинную цель.

– Пока мы об этом ничего не знаем.

– Как он себя ведет все это время?

– Вместе с сотрудником службы безопасности российского посольства он вчера выезжал в город. Наши люди следили за ними, но, видимо, слишком назойливо – им удалось заметить «хвост» и оторваться от него. В отель Максимов вернулся только спустя несколько часов. Где они были, установить так и не удалось.

– За что же я плачу тебе, Бутрос, приличные деньги, если ты не можешь выполнить даже элементарных вещей? – Янг и не думал скрывать раздражения, охватившего его после услышанного. – В каком отеле поселился русский?

– В «Мариотте». Но сегодня он звонил в «Найл Хилтон» и интересовался, есть ли в наличии свободные номера класса «сьют».

– В «Найл Хилтон»? – Янг, до этого ходивший по террасе с трубкой в руке, замер как вкопанный. – Я не ослышался?

– Нет, Саймон.

– И что ему ответили?

– Обещали подыскать необходимый номер в ближайшее время.

В течение нескольких секунд Янг молчал, тщательно обдумывая услышанное. Наконец Риад вновь услышал в трубке голос американца, произнесшего всего лишь одну фразу:

– Я вылетаю ближайшим же рейсом.

* * *

***Москва, Лубянка, Федеральная Служба Безопасности.
Департамент контрразведывательных операций***

Во второй половине дня Кондратьев ждал к себе с очередным докладом полковника Жмыха. На часах было уже две минуты четвертого, а докладчика все еще не было, что на него было не похоже: он всегда отличался пунктуальностью. В отсутствие запаздывающего докладчика Кондратьев перебирал в уме детали своего утреннего визита к начальнику Департамента контрразведывательных операций Петру Леонтьевичу Круглову. Встречу нельзя было назвать благодатной: начальник был явно раздражен информацией, которая легла к нему на стол тем же утром. В ней сообщалось, что вчера ночью в водах Атлантического океана, у берегов острова Гебрид, принадлежащего Шотландии, было задержано российское судно «Витязь», которое шло в сирийский порт Тартус, где у России была военно-морская база. Поводом к задержанию стало обнаружение в трюмах судна российских вертолетов Ми-25. Эта техника была куплена сирийцами у России несколько лет назад, а после эксплуатации возвращена для ремонта. Именно доведенные до кондиции вертолеты и направлялись на «Витязе» в Тартус, чтобы помочь сирийской армии в войне с вооруженной оппозицией. Для последней одной из первоочередных мишеней являются именно вертолеты, без которых правительственным войскам пришлось бы резко увеличить сухопутные маршруты доставки войск и вооружений, а войсковые колонны – легкая цель для поражения с воздуха. Задержка «Витязя» играет на руку оппозиции, которая не сумела уничтожить российские вертолеты, но с помощью шотландцев завернула их обратно. В официальном коммюнике по этому поводу сообщалось следующее: «Российские вертолеты Ми-25 играют большую роль в нападениях правительственных войск режима Башира Асада на удерживаемые мятежниками Свободной Сирийской Армии города. Учитывая это, к российскому судну «Витязь» было применено эмбарго Европейского Сообщества, которое направлено против поставки оружия и техники в Сирию...».

– Вы понимаете, что это значит, Федор Иванович? – меряя кабинет длинными шагами, раздраженно спрашивал Круглов. – О том, что на «Витязе» находятся наши вертолеты, знал не столь широкий круг людей. Однако шотландцы задержали судно, явно осведомленные о наших секретах. Кем осведомленные?

– Я думаю, американцами.

– Отрадно, что мы с вами думаем в одном направлении. Но откуда об этом узнали американцы?

– Судя по всему, от того самого «крота», который завелся у нас под боком почти три месяца назад.

– Вот именно что почти три месяца назад! Достаточно время для того, чтобы, наконец, познакомиться с ним поближе. Мы же с вами по-прежнему блуждаем в потемках. А ведь каждый день пребывания этого «крота» в Москве грозит нашей стране огромными убытками, причем не только политического характера, но и финансового. Сегодня он сорвал поставки в Сирию вертолетов, а завтра дело дойдет до зенитно-ракетных комплексов.

Кондратьеву не надо было объяснять, о каких именно ЗРК шла речь: ну конечно о С-300, которые были до разреза необходимы сирийской армии, чтобы надежно прикрыть свое небо от возможных авианалетов со стороны Израиля или стран, входящих в НАТО. Запад дорого бы дал за любую информацию о путях доставки этих ЗРК из России в Сирию, поэтому можно было не сомневаться, что перед «кротом», который «слил» информацию о вертолетах на «Витязе», наверняка уже поставлена задача сделать то же самое и в отношении ЗРК С-300. Здесь не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять это. Однако порадовать начальство какими-либо успехами в отношении поимки окопавшегося в Москве «крота» Кондратьев не мог. Хотя он и попытался придать своему визиту оптимистический характер.

– Я же докладывал вам, Петр Леонтьевич, что дело движется. Тот же Максимов уже работает в Каире и, кажется, нащупал ниточку, которая может привести нас к «кроту».

– А если у Максимова сорвется?

– Постучите по дереву.

– Никогда не верил в приметы и вам не советую. Но все же на втором, московском направлении, подвижки есть?

– Надеюсь. Сегодня во второй половине дня Жмых должен отчитаться о проделанной за минувшие сутки работе.

– Я через час улетаю из Москвы на два дня. Но если будет что-то серьезное, обязательно дайте знать, я хочу быть в курсе ваших действий. Есть шанс, что пока меня не будет, вам удастся-таки ухватить за кончик ниточки, которая приведет нас к «кроту»?

– Будем надеяться, Петр Леонтьевич, – и Кондратьев демонстративно постучал костяшками пальцев по деревянному столу.

По губам хозяина кабинета скользнула снисходительная ухмылка.

Вспоминая теперь этот эпизод, Кондратьев улыбнулся и снова взглянул на часы: Жмых опаздывал уже на пять минут, чего с ним никогда ранее не бывало. Кондратьев нажал кнопку селекторной связи:

– Инна Васильевна, Жмых не звонил?

– Нет, Федор Иванович... – и тут же, – да вот же он...

Спустя несколько секунд в кабинет вошел запыхавшийся Глеб Сергеевич.

– Не поверите, Федор Иванович, застрял в лифте между пятым и шестым этажами. Оказалось, что сбой в энергосистеме. В первый раз такое. Хотел позвонить вам по мобильной связи, а телефон, как назло, разрядился.

– Коллектив-то подобрался дружный?

– В каком смысле?

– Я имею в виду тех, кто с вами куковал в одной кабинке.

– Ах, вы об этом... Нас было трое: Кнорин из аналитического и секретарша из бухгалтерии. Скучная, скажу вам, дама – все время молчала.

– Значит, испугалась.

– Кого – нас?

– Не обязательно. У женщины может быть обыкновенная клаустрофобия – боязнь замкнутых пространств. Слышали про такое заболевание?

– Их сейчас столько развелось, что всех и не запомнишь, – отмахнулся Жмых, присаживаясь на стул и открывая перед собой папку с бумагами, всем видом показывая, что он готов от пустой болтовни перейти к делу.

Однако прежде чем полковник начал свой доклад, Кондратьев протянул ему сообщение, которое сегодня утром вручил ему начальник Службы контрразведки – про инцидент у острова Гебрид. Ознакомившись с текстом, Жмых вопросительно взглянул на Кондратьева. Тот не стал медлить с вопросом:

– Кто из вашего списка мог обладать информацией о грузе на «Витязе»?

– Вероятнее всего двое: Георгий Семенович Росляков из Департамента вооружений Министерства обороны и Юлия Андреевна Жолташ из «Гособоронэкса». К этим людям эта информация могла попасть напрямую. Двое других могли узнать о ней разве что через третьи руки.

– Как бы нам, Глеб Сергеевич, оторвать эти руки по самые плечи.

– Оторвем, Федор Иванович.

– Есть что-то конкретное? – насторожился Кондратьев.

– Кое-что, – уклончиво ответил Жмых, давая понять, что будет излагать все по порядку.

– В таком случае начинайте, – сказав это, Кондратьев поднялся из-за стола, намереваясь слушать доклад, расхаживая по кабинету.

Жмых раскрыл папку:

– В результате наблюдения за нашей «четверкой» выяснилось следующее. Георгий Семенович Росляков закончил работу в шесть часов вечера и прямо от Министерства обороны на своем личном автомобиле «Мазда» отправился домой – на Комсомольский проспект. По дороге сделал одну остановку – возле супермаркета, где в продуктовом отделе купил полную тележку продуктов. В контакт ни с кем из посторонних людей не вступал. Из дома никому не звонил, никуда больше не отлучался вплоть до сегодняшнего утра, когда ровно в 8.20 сел в ту же «Мазду» и отправился на работу.

Юрий Матвеевич Зорькин пробыл вчера на работе до семи вечера. Работает он, как вы помните, в «лесу», откуда добирается до своей квартиры в доме по улице Теплый Стан на личном автомобиле «Шевроле». По дороге нигде не останавливался, к себе в автомобиль никого не подсаживал. Вечером, после девяти, выгуливал во дворе свою собаку – спаниеля. Гулял один, ни с кем посторонним не общался. Больше из дома никуда вчера не отлучался. Дважды звонил по стационарному телефону, один звонок был адресован его родной сестре Екатерине Матвеевне Корняжной и касался сугубо бытовых проблем: Зорькин обещал сестре посодействовать в поисках хорошего лекарства от мигрени. Второй звонок был адресован другу – некоему Аркадию Юрьевичу Забусову: говорили о том, какой подарок выбрать для их общего знакомого, которого они называли Сергеем – у него в эти выходные юбилей. Сегодня, в 8.30 утра, Зорькин сел в свой «Шевроле» и отправился на работу, куда добрался без каких-либо приключений или контактов.

Юлия Андреевна Жолташ вчера закончила работу в половине шестого вечера, уйдя тем самым на полчаса раньше положенного времени. Видимо, отпросилась. Повод – посещение Главного клинического военного госпиталя имени Бурденко в Лефортово, где лежит ее отец, Андрей Кузьмич Жолташ. Доехала туда на своем автомобиле «Тойота» и пробыла один час тридцать пять минут. Затем отправилась домой с Госпитальной площади на улицу Бауманская – это недалеко. В контакт по дороге ни с кем не вступала. Из дома никому не звонила. В следующий раз вышла из дома сегодня утром, в 8.35, отправилась на работу на той же «Тойоте».

– А Юлия Андреевна у нас человек сердобольный, – прервал плавную речь докладчика Кондратьев. – У отца пробыла более полутора часов. Хотя чаще всего люди после окончания

рабочего дня стараются в больницах на приемах особо не задерживаться. Сразу видно, что дома ее никто не ждет.

– Да, пока отец в больнице, она живет одна. Хотя более подробными данными о ее личной жизни мы пока не располагаем.

– Предполагаете, что у нее кто-то есть? Тогда почему она ездила в Египет в гордом одиночестве?

– Всякое может быть, например несовпадение отпускного времени.

– Согласен, быть может всякое. Лично меня из названных вами людей пока сильнее всех привлекает Жолташ.

– Может быть, потому, что она красавица? – не скрывая иронии, спросил Жмых.

– Не скрою, ее типаж мне симпатичен. Но здесь другое: она входит в тот узкий круг людей, которые обладали информацией о грузе на «Витязе». Там еще Росляков, но она меня заботит больше. Спросите, почему? Я ставлю себя на место вербовщиков из ЦРУ: завербовать такую красавицу, да еще дочь бывшего министра обороны СССР – это несомненная удача. Такую женщину меньше всего заподозришь в шпионаже, она прикрыта со всех сторон. Ведь во всех наших размышлениях фигурируют мужские понятия: «крот», «агент», «шпион», что невольно сводит все наши мысли к мужчине-предателю. Женщину мы подозреваем меньше всего. Именно в этом, если мои выводы верны, может быть спрятан очень тонкий расчет.

– Может быть, и спрятан, но в отношении Жолташ у нас на данный момент пока никаких подозрений нет. Зато на четвертого из списка – Евгения Андреевича Безымянного – наоборот.

Кондратьев, до этого мерно вышагивающий вдоль стола от одного его конца до другого, внезапно остановился и вопросительно взглянул на докладчика: дескать, ну же!

– Работник отдела Ближнего Востока Безымянный вышел из здания МИДа на Смоленской в пять часов вечера – за час до окончания рабочего дня в его учреждении. Сел в свой автомобиль «Рэнж Ровер» и отправился в город. Его маршрут пролегал по Садовому кольцу, причем он проехал по Новинскому бульвару мимо старого здания посольства США на бывшей улице Чайковского, потом свернул на улицу Красная Пресня. Здесь на несколько секунд притормозил у палатки «Пресса», причем из машины не вышел. У наших людей создалось впечатление, что он проверял, нет ли за ним слежки. Потом он еще два раза делал такие же короткие остановки – на Грузинском валу и Второй Брестской улице. Самое интересное, что он сделал круг и вернулся к метро «Баррикадная», хотя мог сделать это за полчаса до этого, когда ехал по Садовому кольцу, но тогда зачем-то свернул налево. Судя по всему, с целью выявления «хвоста». У «Баррикадной» он свернул на Малую Никитскую и проехал по Тверскому бульвару до памятника Пушкину. Там вышел из машины и прошел пешком до кинотеатра «Пушкинский». В руках держал свернутую в жгут газету, которую ни разу не открыл. Дойдя до кинотеатра, он пять минут постоял возле входа в кассы, после чего тем же маршрутом вернулся к автомобилю. Сел в него и без всяких остановок доехал до своего дома на Гончарной улице. Из дома никуда больше не отлучался. Никому не звонил. Зато на его мобильный телефон был произведен звонок с телефона, который проходит как «серый»: неделю назад его похитили у гражданина Куприянова Петра Степановича, 1991 года рождения. Район, откуда был произведен звонок, – Старый Арбат. Известный мужчина произнес всего одну фразу: «Вас видели».

Закончив свой рассказ, Жмых захлопнул папку и достал из внутреннего кармана пиджака флэшку.

– Здесь ребята из наружки записали все движения Безымянного после остановки у памятника Пушкину.

Взяв флэшку, Кондратьев вернулся в кресло и открыл ноутбук, стоявший на столе. В течение нескольких минут он внимательно смотрел записанное. После чего сказал:

– А машина у Безымянного хорошая – «Рэнж Ровер». Сколько такая может стоить?

– У него модель «Эвог», стоит примерно один миллион шестьсот тысяч рублей.

– С той зарплатой, которую получает в МИДе Безымянный, такая машина вряд ли будет ему по карману. А супруга у него есть? Где работает?

– В министерстве легкой промышленности, финансист. Есть еще сын пятиклассник.

– Ну, сын пока вряд ли может влиять на формирование бюджета их семьи, поэтому его оставим в покое. А жена, значит, тоже бюджетница. В любом случае для такой семьи «Ренж Ровер-Эвог» – покупка достаточно дорогостоящая. Значит, есть какие-то побочные заработки. Надо бы это выяснить.

– Хорошо, сделаем.

– А ребята из наружки потрудились на славу. Говорите, Безымянный их трижды проверял? Судя по тому, что он вышел на встречу, значит, «хвоста» за собой так и не выявил.

Кондратьев вернул флэшку Жмыху, сопроводив это вопросом:

– Значит, я не прав – Безымянный, а не Росляков или Жолташ?

– Пока все говорит именно об этом. Те круги, которые вчера наворачивал по городу Безымянный, однозначно выявляют в нем человека, который применяет методы конспирации. В довершение всего этот звонок по «серому» мобильнику.

– Да, это явно говорит в пользу конспиративной встречи: то ли несостоявшейся, то ли наоборот. Ведь кто-то Безымянного увидел. Вполне вероятно, именно это и могло быть целью всей его поездки – предъявить свое лицо. И это сделать удалось. Однако меня смущает другое. Вы ведь сами говорили, что Безымянный не мог напрямую выйти на информацию по «Витязю».

– Зато мог косвенно: в МИДе несколько человек об этом знали. К тому же не забывайте, что Безымянный двигался по маршруту, одним из объектов на котором было посольство США.

– Старое здание, но не новое.

– Сути дела это не меняет, сигнал могли подать из любого здания.

– Хорошо, предположим. Однако кто-нибудь из американского посольства возле «Пушкинского» в это время крутился?

– Нет, наружка никого не выявила.

– Вот видите, первая нестыковка. Если сигнал из посольства был, то почему рядом с Безымянным не были замечены посольские? Во-вторых, через Рослякова и Жолташ, а не Безымянного, информация про груз на «Витязе» шла напрямую. Это так?

– Да, эта отправка наверняка должна была проходить непосредственно через их отделы.

– Так что списывать Георгия Семеновича и Юлию Андреевну со счетов пока не будем, – Кондратьев откинулся на спинку кресла. – Поэтому сделаем так. Наблюдение за четверкой продолжать круглосуточно. За Зорькиным – прежними силами. А вот наблюдение за Безымянным, Росляковым и Жолташ усилить. Есть у нас такая возможность? Вот и прекрасно. Обложим эту троицу со всех сторон. Более того, с Юлией Андреевной я хочу познакомиться лично. Я эту теорию в отношении нее выдвинул, мне ее и проверять. Ошибусь – значит, постарел, пора на пенсию. Как там у Киплинга: Акела промахнулся – пора петь прощальную песню.

– Совет стаи вас не отпустит, – улыбнулся Жмых.

– Я всегда был убежден, что попал в хорошую стаю, – поддержал иронию коллеги Кондратьев. – Однако встречу с Жолташ вы мне устроить сможете? Этакое ненавязчивое знакомство мужчины предпенсионного возраста с одинокой женщиной. И не смотрите на меня такими глазами: Акела хочет не потерять красавицу, а всего лишь ее прошупать. Своего рода интеллектуальный мониторинг.

– Хорошо, сделаем. Утром она выйдет на работу, а движок у ее «Тойоты» не заведется. Тут вы ей и подвернетесь на своем «Форде» российской сборки. Такой вариант устроит?..

* * *

Египет, город Каир, отель «Найл Хилтон»

Начальник охраны отеля «Найл Хилтон» Рашид эль-Сайед вытряхнул в мусорное ведро с десяток окурков из пепельницы, после чего вернул ее на стол. Затем избавился от кипы журналов, лежавших на журнальном столике, они были спрятаны в секретер в углу кабинета. После этого щелкнул пультом от телевизора, погасив огромный экран, растянувшийся почти на четверть стены. Внимательно оглядев кабинет и удовлетворившись его теперешним видом, эль-Сайед вернулся в кресло и стал терпеливо ждать прихода незваного гостя – Саймона Янга.

Этого человека служащие отеля знали как влиятельного бизнесмена корпорации «Индастри электронкс», хотя многие догадывались, что эта должность для него лишь прикрытие. На самом деле сведущие люди подозревали Янга в работе на американские спецслужбы, в частности на ЦРУ. Поэтому каждый раз, когда эль-Сайед встречал Янга в отеле, он предупредительно с ним здоровался, сопровождая свои слова неизменной улыбкой и поклоном. Редкий бизнесмен, столь же часто останавливающийся в отеле, что и Янг, удостоивался такой чести от эль-Сайеда, за которым здесь закрепилось прозвище «хмурый Рашид». А сегодня Янг внезапно сам позвонил эль-Сайеду в кабинет и ошарашил новостью, что хочет навестить его и выпить с ним по стакану виски. Начальник охраны был не столь наивным человеком, чтобы не понимать, что виски – только предлог для какого-то более серьезного разговора. Но вот какого именно, эль-Сайед, как ни ломал голову, догадаться так и не смог.

Минут пять главный охранник терпеливо ждал прихода гостя, вперившись взглядом в дверь. Но американца все не было, хотя настенные часы показывали время, означенное им в разговоре, – шесть часов вечера. А когда охранник, мучимый желанием закурить, встал со своего места и направился к журнальному столику, где оставил пачку «Винстона», дверь внезапно распахнулась и на пороге возникла подтянутая фигура Саймона Янга. Лицо его светилось улыбкой, которая подействовала на хозяина кабинета обезоруживающе – он тоже невольно улыбнулся.

После крепкого рукопожатия мужчины уселись в кресла напротив друг друга. Открыв бутылку виски, предупредительно выставленную на стол, эль-Сайед разлил напиток в два стакана. И только после этого начался разговор, который собеседники вели на английском.

Как и предполагал охранник, Янга привело к нему отнюдь не праздное желание поболтать о жизни за стаканом крепкого напитка. Бизнесмен предложил ему выгодную сделку: выступить в качестве посредника в переговорах с его начальством по поводу установки в отеле нового электронного оборудования: компьютеров, электронных замков на дверях, сигнализации и т. д. Кроме этого, было предложено обновить гостиничную систему видеонаблюдения, оснастив ее новыми электронными датчиками нового поколения.

– Вы же в последний раз обновляли свое видеонаблюдение более четырех лет назад? – выказал свою осведомленность Янг. – А прогресс в электронике, как известно, на месте не стоит – за это время появилась новая техника. Кстати, не только у нас, но и у преступников. Я знаю, что в вашем отеле за последние несколько месяцев было несколько случаев, когда злоумышленники использовали скимминг – считывали информацию с магнитной полосы карты и воровали деньги из банкоматов, установленных в «Найл Хилтоне». Вот я и предлагаю поставить этому заслон.

– Что для этого нужно?

– Я же сказал – ваше посредничество. Заинтересуйте свое начальство, чтобы оно, в свою очередь, заинтересовало руководство отеля в том, чтобы заключить подряд на электрон-

ное обустройство «Найл Хилтона» силами моей корпорации «Индастри электроникс». За это посредничество вы получите пять процентов от сделки.

– Всего лишь? – рука эль-Сайеда со стаканом виски застыла в воздухе.

– Учитывая вероятную сумму всей сделки, это очень хорошие деньги. Поверьте мне на слово, Рашид.

– Я знаю, что вы честный человек, мистер Янг, и вряд ли станете обманывать того, кто хуже вас разбирается в хитросплетениях большого бизнеса. Я согласен.

– Тогда плесните мне еще одну порцию виски, – и Янг толкнул свой стакан по гладкой поверхности стола в сторону эль-Сайеда.

Янг прекрасно знал, что вся эта затея с электронным переоснащением отеля не стоит и выведенного яйца, поскольку он специально придумал ее, чтобы найти повод встретиться с начальником охраны. После сегодняшнего звонка от Бутроса Рида – одного из начальников египетской контрразведки, сообщившего ему о некоем русском чекисте, выдающим себя за журналиста и ищущим возможность заселиться в «Найл Хилтон», – Янг своим чутьем, больше напоминавшим звериное, почувствовал явственную угрозу в отношении не кого-нибудь, а своего особо ценного агента в Москве – Фараона. Ведь вербовали его именно в «Найл Хилтоне».

«Если этот русский приехал в Каир за головой моего лучшего агента, то чекисты творят чудеса. Каким образом они так быстро установили место вербовки? Им кто-то в этом помог или они дошли до всего сами? Или это все же наш прокол? А может, это прокол лично мой? А ну-ка, Саймон, вспоминай, что происходило в те дни в конце июня? Ты был здесь, в Турции, потом вылетел в Каир для встречи с Фараоном. Времени было в обрез и надо было успеть все сделать за несколько дней. Стоп. Времени было в обрез. Да, я спешил, поэтому на все про все ушло четыре дня. А спешка, как известно, хороша при ловле блох, а не в разведке. Вот она тебя, Саймон, видимо, и подвела. Но где и в чем я мог проколоться?».

В этот миг взгляд Янга уткнулся в черный глазок видеокамеры, установленной над угловой террасой гостевого домика. В следующую секунду разведчика осенило. Система видеонаблюдения в отеле должна была зафиксировать приход и уход Фараона в номер Янга на восьмом этаже. Это было ясно как божий день, но опытный разведчик об этом даже не подумал – вот оно следствие спешки и того, что голова Янга в те дни была забита массой разных проблем, связанных с «сирийским узлом». Да и кто, черт возьми, мог тогда подумать, что русские смогут узнать о встрече в «Найл Хилтоне» и попытаться добраться до личности Фараона посредством систем видеонаблюдения в отеле. А может, ему это только кажется? У страха, как известно, глаза велики. Но в любом случае надо было немедленно лететь в Каир и разбираться со всем на месте. Разбираться до того, как этот русский заселится в отель. Именно для этой цели Янг и оказался в кабинете начальника охраны отеля «Найл Хилтон».

Пока хозяин кабинета наполнял опустевший стакан гостя, тот внимательно осматривал кабинет.

– Я вижу, вы не слишком боитесь непрошенных гостей, поэтому установили у себя в кабинете всего лишь одну видеокамеру – над своим столом, – заметил Янг.

– Да, мне некого бояться в отеле, который я сам и охраняю, – рассмеялся эль-Сайед.

– А что, у вас на всех тринадцати этажах такая же тишь и благодать, как в вашем кабинете?

– Странно слышать подобный вопрос из уст человека, который давно является постоянным обитателем данного отеля. Думаю, если бы вам не было здесь комфортно, вы бы давно сменили наш отель на более удобный.

– Вы, безусловно, правы. Однако меня интересует мнение человека, который видит систему изнутри. И спрашиваю я не из праздного любопытства – это интерес делового характера. Чтобы начать переоборудование электронных систем отеля, надо знать его наиболее уязвимые места. А кто как не охрана может обладать такой информацией?

– Резонно. Однако у нас не так уж и много уязвимых мест. Поверьте человеку, который работает здесь уже не один год, а почти десять.

– Солидный срок, за это надо выпить, – и Янг салютовал собеседнику своим наполненным стаканом. – А как обстоят дела с вверенными вам сотрудниками, все ли они отвечают требованиям нового времени?

– Коллектив у нас разношерстный, но в целом неплохой.

– Хлопот не доставляют?

– Хлопоты в основном доставляют туристы. Хотя, конечно, всякое бывает. Я ведь для многих здесь как отец родной – многие идут ко мне поплакаться в жилетку, попросить о разного рода помощи. Вот буквально вчера на вашем месте сидел один из моих подчиненных и плакался: дочери нужна серьезная операция, а нужной суммы для оплаты в наличие нет.

– И много ему было надо?

– Сорок тысяч долларов!

Янг громко присвистнул.

– Вот и я ему говорю: дескать, откуда у меня такие деньги, учитывая то, что сегодня творится в стране. Тем более ваше предложение о моем участии в будущей сделке было озвучено только сегодня. Кстати, сколько все же может составить мое вознаграждение?

– В десятки раз больше, чем упомянутые вами сорок тысяч.

Теперь настало время присвистнуть эль-Сайеду.

– А кем служит тот ваш бедняга? – как бы между прочим, поинтересовался Янг.

– Исмаил Фахми? Он отвечает за систему видеонаблюдения в отеле. Кстати, если ваша... вернее, наша сделка состоится, то именно он будет одним из тех специалистов, чья помощь нам понадобится в первую очередь.

– Хороший специалист?

– Отменный.

– Жаль, что его дочь может умереть.

– Да нет, там все уладилось как нельзя лучше. Я видел его сегодня утром, когда он заступил на дежурство: парень буквально светился от счастья. Рассказал, что нужную сумму ему пообещали одолжить некие добрые люди. И сегодня его дочь должны перевести в Международный госпиталь.

Внутри Янга все похолодело: «Значит, моя версия оказалась верной. Именно Фахми мог стать тем посредником, кто согласился продать русским искомые видеозаписи. Стоп, Саймон: мог или уже продал? Если он заступил на дежурство утром, то у него было достаточно времени для того, чтобы скачать из видеорегистратора необходимые записи и передать их русским. Однако это вряд ли. Во-первых, на это нужно время, во-вторых, вряд ли эта сделка должна происходить на территории отеля в окружении стольких видеокамер. Значит, Фахми нужно покинуть отель. Во время дежурства сделать это проблематично. Или нет?»

– А где дежурит этот ваш Фахми? – допивая свой виски, поинтересовался Янг.

– Хотите выразить ему свою поддержку? Он весь день сидит на первом этаже у главного монитора. Работы сегодня невпроворот.

«Кажется, я оказался прав: запись из стен отеля еще никуда не выходила. Значит, я приехал вовремя. Молодчина, Саймон!».

Ни к какому Фахми американец, естественно, не пошел. Он узнал все, что было нужно, и теперь ему предстояло продумать план предстоящей операции детально. Для этого он поднялся в свой номер на восьмом этаже и вызвал туда по мобильному телефону приехавшего вместе с ним Бобби Дьюка. Этого матерого спецназовца, который только тогда чувствовал себя в своей тарелке, когда в нем просыпался азарт охотника. Именно это чувство и собирался сегодня пробудить в нем Янг.

Разведчик был немногословен. В нескольких словах обрисовав Дьюку сложившуюся ситуацию, Янг приказал ему не спускать глаз с Фахми.

– Рано или поздно ему потребуется уединиться, чтобы попасть в видеоархив. Не трогай его – дай ему сделать свое дело, чтобы у нас были улики. Брать его в отеле опасно: кругом посетители, да и видеокамеры натканы на каждом углу. Я узнал, что у него есть автомобиль, который стоит на подземной стоянке. Наверняка он спустится к нему, чтобы отлучиться из отеля на полчаса или час. Именно там мы его и возьмем – без лишнего шума и ненужных проблем.

– Но там тоже есть видеокамеры, – подал голос Дьюк.

– Как ты сообразителен, Бобби! Значит, ту камеру, в объектив которой попадает автомобиль Фахми, надо сделать слепой. Неужели не понятно? И главное – не дай себя обнаружить раньше времени. Следуй за ним тенью, но сделай так, чтобы она не отсвечивала ни от тебя, ни от твоих людей.

Чутье матерого разведчика не подвело Янга. После полуночи, когда жизнь в отеле немного успокоилась, Фахми оставил у главного монитора двух напарников, а сам отлучился. Спустя несколько минут он уже был в помещении, где хранился видеоархив. Прекрасно ориентируясь в его базе данных, Фахми достаточно скоро разыскал нужные файлы и стал открывать их один за другим, пытаясь убедиться в том, что это именно те записи, которые ему необходимы. В пылу этой работы он совсем забыл о времени. А когда опомнился и бросил взгляд на настенные часы, его прошиб холодный пот: до назначенной ему встречи оставалось чуть больше двадцати минут. Закрыв файлы, Фахми потратил еще пару-тройку минут на то, чтобы записать их на диск. После чего спрятал его во внутренний карман куртки, выключил свет и покинул помещение.

Очутившись на подземной стоянке, Фахми бегом преодолел расстояние до своего подержанного «Рено». Тот стоял у самой стены, за большой колоннадой, отделяющей боковую сторону стоянки от центральной. Задние стекла автомобиля были тонированными, что сегодня сослужило их хозяину плохую службу: он не заметил притаившегося на заднем сиденье незнакомца, которым был не кто иной, как Бобби Дьюк. Едва Фахми сел в салон, как сильная рука «зеленого берета», согнутая в локте, заключила его шею в стальной капкан и прижала к сиденью. В следующую секунду боковая дверь с противоположной стороны открылась, и в салон забрался мужчина с уже пробивающейся сединой в волосах. Скосив на него взгляд, Фахми поймал себя на мысли, что это лицо он уже где-то видел, причем неоднократно. Спустя секунду он вспомнил: это был американец, который постоянно обитал на восьмом этаже и лицо которого он видел не далее как полчаса назад на тех записях с камеры видеонаблюдения, что покоились теперь на диске в его кармане. Едва Фахми успел об этом подумать, как диск уже перекочевал в руки незнакомца.

– Нехорошо продавать конфиденциальную информацию, пользуясь своим служебным положением, – заметил незнакомец, который был не кем иным, как Саймоном Янгом. – Кому ты собирался передать этот диск?

Ответа не прозвучало, поскольку стальной зажим, захвативший шею Фахми, был настолько сильным, что ни пошевелиться, ни сказать что-либо внятное было невозможно. Поняв это, Янг жестом приказал Дьюку слегка ослабить хватку. Когда это случилось, Фахми ответил:

– Я не знаю этого человека, он представился частным детективом.

– Он европеец?

– Нет, араб.

– Ты в этом уверен?

– Да, то ли египтянин, то ли сириец.

– Где ты должен был передать ему диск?

– В ресторанчике на Мирит Баша.

– Когда?

Фахми бросил взгляд в сторону часов на передней панели:

– Пять минут назад.

В следующую секунду Янг приблизил свое лицо вплотную к пленнику и, заглянув ему в глаза, спросил:

– Ты узнал меня?

Фахми напрягся, не зная, что ответить. Этого секундного замешательства Янгу вполне хватило, чтобы сделать правильный вывод.

– Я всегда говорил, что людей губит любопытство, – холодным тоном произнес разведчик и выбрался из салона.

Спустя несколько секунд раздался глухой выстрел. Это Дьюк, приставив пистолет с глушителем к виску Фахми, нажал на курок. После этого он открутил глушитель, вытер рукоятку оружия убийства носовым платком и вложил пистолет в руку убитого, имитируя тем самым самоубийство.

* * *

Москва, улицы города

Забыв с ночи завести электронный будильник в мобильном телефоне, Юлия Андреевна Жолташ проснулась позже обычного. До начала рабочего дня в ее учреждении оставалось чуть меньше часа – это означало, что ни привести себя по-настоящему в порядок, ни позавтракать она уже никак не успевала. В иной день в этом не было бы ничего страшного, но только не сегодня, когда опаздывать было категорически нельзя: на девять утра была запланирована планерка в их отделе, на которой Жолташ должна была представить свой отчет за текущий месяц. Поэтому наскоро сделав макияж и бросив в сумочку плитку шоколада, Юлия Андреевна выскочила из квартиры.

Во дворе, где был припаркован ее автомобиль «Тойота», выяснилось, что одна неприятность потянула за собой другую. Сев за руль, Жолташ так и не смогла завести мотор. Вариантов дальнейших действий было всего лишь два: либо на своих двоих бежать к метро, а потом добираться до места службы наземным транспортом, а это катастрофическая потеря времени, либо выходить на дорогу и ловить попутку. Только при последнем варианте оставалась надежда успеть добраться до своего рабочего места в положенное время.

Как ни странно, но, едва женщина вышла на дорогу, ее неприятности разом прекратились. Буквально в следующую секунду перед ней тормознул серебристый «Форд», за рулем которого сидел импозантный мужчина с благородной сединой на аккуратно подстриженных висках. Более того, он не стал выдвигать перед женщиной никаких условий и согласился подбросить ее в тот район, какой она ему назвала. Это был не кто иной, как Федор Иванович Кондратьев, «неожиданную» встречу которого с Юлией Андреевной Жолташ организовали его расторопные подчиненные из Департамента контрразведки.

Едва они тронулись в путь, как Жолташ достала из сумочки плитку шоколада и, отломив кусок, отправила его в рот. После чего предложила угоститься и Кондратьеву. Но тот отказался, сопроводив это тирадой:

– Хороший шоколад в наши дни днем с огнем не сыщешь, поэтому я предпочитаю есть его из проверенных рук.

– В смысле?

– Моя невестка работает технологом на шоколадной фабрике. Так вот она уверяет, что львиная доля покупного шоколада – суррогат. Наши ушлые производители закупают самое

дешевое сырье в Южной Африке, штампуют из него всякую гадость, а на этикетках пишут, что это шоколад.

– Можно подумать, что на фабрике, где трудится ваша невестка, изготавливают нечто более качественное?

– Вы правы, и там тоже химичат, чтобы увеличить собственную прибыль. Знаете, что делают? Специальным прессованием извлекают из шоколада какао-масло, а вместо него добавляют дешевые заменители: эмульгатор, антиокислитель, ароматизатор. Кстати, если вы прочтете на оборотной стороне этикетки состав вашего шоколада, то поймете, что это, скорее всего, подделка.

– Очень надо! – сердито фыркнула женщина и отправила плитку обратно в сумочку. – Мы живем в такое время, когда кругом – сплошные подделки. Что же теперь, не жить что ли? Вот вы, например, чем питаетесь?

– Тем же, чем и остальные, – рассмеялся Кондратьев. – Утром кипячу воду, бросаю туда овсяные хлопья и варю три минуты. Вот и весь мой завтрак.

– Так ваши хлопья тоже прошли процесс прессования, поэтому утратили свои полезные компоненты процентов на восемьдесят, если не больше. Так что ваш завтрак оказался не полезнее моего.

– Сдаюсь, ваша взяла, – и Кондратьев демонстративно поднял обе ладони вверх. – Все это издержки цивилизации. Чем больше становится на Земле населения, тем менее качественной становится пища.

В течение некоторого времени попутчики ехали молча. Наконец Кондратьев, который устроил эту встречу отнюдь не для того, чтобы предаваться благодным размышлениям, первым нарушил тишину:

– К сожалению, за последние годы мы утратили многое из того, чем раньше гордились. Например, один из самых вкусных шоколадов в Советском Союзе производили в Риге. Сегодня от него осталось одно лишь название.

– Кто же в этом виноват, как не мы сами? – ответила Жолташ. – Мы же так хотели жить как на Западе. А он, между прочим, разный: там есть бедная Греция и богатая Франция.

– Мне все время казалось, что из всех стран Запада в Советском Союзе больше всего предпочтений выпадало на долю Соединенных Штатов.

– Лично я никогда этим не страдала, а сейчас тем более, – в голосе женщины слышалось явное раздражение.

– Чем же США провинились перед вами сегодня?

– Вы что за новостями не следите?

– Имеете в виду ситуацию на Ближнем Востоке?

– И ее в том числе. Американцы всегда стремились к тому, чтобы быть мировыми гегемонами. Но кишка оказалась тонка – вот и мечутся, не зная, как обуздать разбухшую ими же стихию. Нет, меня они всегда раздражали. Мне больше по душе французы.

– Понимаю: Монмартр, «Мулен Руж», Мирей Матье и Ален Делон. Однако у французов тоже полно недостатков: они, например, мелочны и начисто лишены самоиронии. Это ведь только у Дюма и Мопассана они такие пылкие и остроумные, а в реальной действительности являют собой несколько иной тип людей. Так что вы живете мифами, уважаемая...

– Юлия Андреевна.

– Очень приятно, – Кондратьев отвесил галантный поклон и тоже представился:

– Федор Иванович.

– Французы, может быть, и не идеальны, но они давно живут при парламентской демократии, до которой нам как до Луны.

– Это вы, судя по всему, начитались Эдварда Радзинского. Или насмотрелись?

– Как вы угадали? – с удивлением взглянула на собеседника Жолташ. – Действительно, вчера до часу ночи смотрела его очередную передачу, потому и проспала. Наше телевидение не оставляет умным людям шанса: вечерами гоняет всякую дребедень, а все интеллектуальное отодвигает за полночь. Вы его тоже смотрели?

– Не угадали. Но, думаю, мало потерял, он наверняка был в своем прежнем амплуа: обличал Восток и рекламировал Запад.

– Что-то вроде этого. Но что в этом плохого – ориентировать нашего зрителя в пользу того же европейского парламентаризма? Или вы предпочитаете жить при азиатчине?

– А кто вам сказал, что парламентаризм – панацея для России? Насколько известно из истории, на Руси ранее никогда не было никаких парламентов. Зато были вече, народные советы, а при коммунистах – Советы народных депутатов. И называть эти формы правления азиатчиной более чем странно. Ваш Радзинский почему-то уверен, что русский народ вечно поработен своим деспотическим государством. Зато просвещенные европейцы – сплошь сторонники реформ и всяческих свобод.

– Не все. Я уже говорила, что в Европе есть бедная Греция и богатая Франция. Но нас почему-то тянет к первым – к ленивым грекам.

– Зря вы так о греках. Мы должны хранить им вечную благодарность за то, что они породили европейскую культуру. А в том, что сегодня происходит в Греции, виноваты не только греки, но и ваша просвещенная Европа, в том числе и Франция. Это они втянули Грецию в Евросоюз, обанкротили ее и теперь за долги собираются забрать по дешевке. Все ее банки, крупные предприятия перейдут под внешний контроль, после чего грекам придется забыть как об экономической, так и политической самостоятельности.

– Надо было лучше работать, а не жить за счет кредитов.

– А что вы скажете по поводу Ливии, которую те же французы вкупе с другими ведущими европейскими державами вбомбили чуть ли не в каменный век? И все под теми же лозунгами борьбы за демократию.

– Каддафи – диктатор, который правил страной четыре десятка лет. Он сам виноват в том, что с ним случилось.

– Как в той басне: уже одним ты виноват, что хочется мне кушать? Судьбу диктатора Каддафи должен был решать народ Ливии демократическим путем, а не Запад с помощью бомбардировок и наземных операций. Заметьте, что еще совсем недавно тот же Каддафи был лучшим другом Запада.

– Друзей в политике не бывает, есть лишь партнеры – вы этого разве не знаете?

– Знаю. Но я имею глаза и вижу, как мне пытаются вбить в голову, что когда людей убивают просвещенные европейцы – это благо, а когда это делает кто-то другой, вроде того же Сталина, – это уже форменное зло, азиатчина. Кстати, глаза имею не только я, но и миллионы моих соотечественников, которые согласны с моим подходом, а не с вашим. И вашему кумиру Радзинскому я бы посоветовал не петь осанну просвещенному Западу, а попытаться влезть в шкуру этого самого народа-азиата и понять логику его мыслей. Понять, почему он так любит разного рода диктаторов, начиная от Ивана Грозного и заканчивая Иосифом Сталиным. Ведь именно при них Россия добилась выдающихся побед, а при разного рода добреньких царях и генсеках оказалась в дерьме, извините за выражение. Взять хотя бы Горбачева – добрейшей души человека.

– Мне ближе Хрущев, – заметила Жолташ.

– Хрен редьки не слаще, – парировал Кондратьев. – Поставил целью догнать и перегнать Запад, растворить Россию в общемировом пространстве. В итоге что получилось? Помните, как у Ключевского: надо развиваться и совершенствоваться в качестве русских, а не крашенных кукол европейского просвещения. Именно при Никите Сергеевиче мы встали на путь превращения в лавочников, хотя нам это противопоказано. Мы по своей натуре, скорее, бродяги,

которым нужен строгий хозяин, а не болтун и хвастун. Мы бываем активны только под давлением. Вот почему нам оказались ближе ленивые греки, чем рациональные немцы или французы. Радзинский и компания этого, увы, не понимают и понимать не хотят.

– А может, наоборот – это их не понимают?

– Знаете, лет двадцать назад ваши сомнения были бы уместны, но только не сегодня. Теперь уже понятно, что ничего иного, кроме дикого капитализма в России создать не удастся. Почему? Не хватает и не будет хватать того нужного процента людей, которые умели бы действовать инициативно и самостоятельно. Лавочников с настоящим капиталистическим духом не хватает. Слишком большой процент людей у нас с «азиатским» мышлением. А с ними не капитализм надо строить, а социализм.

– Так ведь строили его уже однажды?

– Значит, придется делать это снова – иначе вымрем. Вспомните, какими темпами мы исчезали при социализме и как это происходит сегодня. Русскому человеку нужны простые и доступные его уму государственно-правовые конструкции. Социализм такой конструкцией и является.

– Нет уж, я в социализм обратно не хочу, насмотрелась, – сказала будто отрезала Жолташ.

– А вы что в те годы сильно пострадали?

– Вовсе нет, но всяческого лицемерия насмотрелась досыта. В том числе и самого что ни на есть элитарного.

– Вы принадлежали к элите?

– В некоторой степени: мой отец занимал достаточно высокий пост в военной сфере. И всю эту советскую азиатчину я видела воочию: как хозяева жизни на словах радели за народ, а в реальной действительности считали его быдлом.

– Неужели и ваш отец разделял такую же точку зрения?

– Мой отец – другое дело, он был иного помысла. Впрочем, почему был – он и сейчас жив, правда, не скажу, что очень здоров.

– И разделяет вашу сегодняшнюю точку зрения относительно азиатчины?

– Нет, здесь он, скорее, на вашей стороне. Даже иногда, когда мы спорим, называет меня «пятой колонной». Ну какая же я «колонна», да еще «пятая»? Наоборот, мне больно за то, что происходит сегодня с Россией. Такие как я не предатели, мы – инакомыслящие.

– Никто и не собирался причислять вас к предателям, боже упаси. На мой взгляд, вы просто... заблудшая.

– Я это определение в отношении себя слышу неоднократно.

– От вашего родителя?

– Нет, есть еще один человек. Правда, у него мысли еще более радикальные, чем у меня.

– Он тоже из элитариев?

Последовала пауза, которую Кондратьев расценил как нежелание его собеседницы отвечать на заданный вопрос. Вместо ответа женщина внезапно спросила:

– Вы сами в какой сфере трудитесь, если не секрет?

– В юридической, – весьма обтекаемо обозначил Кондратьев сферу своей служебной деятельности. – А вы?

– В оборонной.

– Пошли по стопам своего родителя, а его воззрения не разделили. Ну что ж, бывает, вечный конфликт отцов и детей.

– На самом деле конфликта нет, мы с папой весьма толерантно относимся к идеологическим воззрениям друг друга. Все-таки нас на этой земле осталось только двое, поэтому мы стараемся быть бережными. Кстати, мы с вами приехали, поверните, пожалуйста, налево и притормозите.

Кондратьев сделал так, как его просили: остановил автомобиль у тротуара, примерно в ста метрах от входа в огромное здание «Гособоронэкса», раскинувшего свои владения на нескольких гектарах столичной земли. Краем глаза он увидел, что его попутчица полезла в свою сумочку, явно пытаясь извлечь оттуда деньги, чтобы расплатиться за поездку. Кондратьев осторожно тронул женщину за локоть.

– Юлия Андреевна, давайте не будем завершать нашу интересную встречу банальным меркантильным аккордом.

– Давайте, – легко согласилась с этим предложением Жолташ. – Мне было очень приятно с вами познакомиться.

– Взаимно. Если вы не возражаете, то мы могли бы обменяться номерами наших мобильных телефонов.

– Возражаю. Вы наверняка захотите за мной ухаживать, а я предпочитаю либо своих ровесников, либо мужчин чуть постарше. Да и политические воззрения у нас с вами разные. Извините за правду и до свидания.

Легко выпорхнув из автомобиля, Жолташ кокетливо помахала на прощание рукой и упругой походкой направилась к проходной своего учреждения. Глядя на ее стройную фигуру, Кондратьев поймал себя на мысли, что ему жалко, что он не ровесник этой эффектной женщины. Впрочем, длилось это недолго. В следующее мгновение он уже вернулся мыслями к своей профессиональной деятельности и, трогая с места автомобиль, взялся анализировать в уме состоявшийся только что разговор. Правда, анализ был поверхностный, поскольку более скрупулезный его вариант он приберег на потом, рассчитывая сделать это в компании с Глебом Сергеевичем Жмыхом, который с нетерпением ждал его возвращения на Лубянке.

Их беседа состоялась в специальной аппаратной с просмотрным залом, где были созданы все условия не только для того, чтобы уединиться от служебной суеты, но и с помощью техники неоднократно просмотреть весь разговор Кондратьева и Жолташ на большом экране, поскольку хитроумные приспособления, вмонтированные накануне в автомобиль генерала ФСБ умелыми технарями, зафиксировали встречу во всех ее деталях.

– Что скажете, Глеб Сергеевич, о реакции Жолташ по поводу Америки? – дважды прокрутив эту часть разговора на экране, спросил коллегу Кондратьев. – Мне показалось, что она была достаточно честна.

– Мне тоже так показалось, но нет ли в этом подвоха?

– Думаете, лукавит? Тогда посмотрите на ее лицо в этот момент: на нем написано вполне искреннее раздражение. Вряд ли это игра. У меня создалось впечатление, что Жолташ – женщина честная, поэтому ее слова про нелюбовь к Америке я бы расценил как вполне искренние. Во всяком случае, никакой фальши в этой фразе я не услышал. Или вы полагаете, что она настолько хитра, что даже со случайным попутчиком стремится скрыть свою подлинную сущность?

– У меня работа такая – всех подозревать.

– У нас с вами одинаковая работа, Глеб Сергеевич.

– Согласен. Но вы заметили, как легко Жолташ отказалась от ваших денег в конце встречи?

– И что?

– А то, что деньги она явно любит. Из чего я делаю вывод, что любовь к ним могла быть у нее сильнее нелюбви к американцам.

– Лихо закрутили, – восхитился доводом своего собеседника Кондратьев. – Однако деньги любят почти все женщины. Как в том бородатом анекдоте: женщины – это такие зверьки, которые питаются деньгами. Видимо, Юлия Андреевна здесь не исключение.

Нажав на кнопку «пуск», Кондратьев вновь включил запись.

– Вы видите, какое у нее брезгливое выражение лица, когда она говорит про то, что мы азиаты? – спросил Жмых. – Эта женщина не любит страну, в которой живет, это же очевидно. Разве это не повод встать на путь измены? На Руси про таких обычно говорили: «Хороша красавица, да душа трухлява».

– Тогда как объяснить ее слова о том, что ей больно за то, что происходит в России? И последующую реакцию на примененное к ней определение «пятая колонна»? Ведь явно оно ей не понравилось.

– Любой предатель ищет оправдание своим аморальным действиям. Это как алкоголик, который на все заверения окружающих, что он больной человек, продолжает утверждать, что он абсолютно здоров. Такие как Жолташ могут предавать свою страну, полагая, что тем самым они делают ей благо. Помните предателя Звонарева из ВНИИМаша? Считал СССР империей зла и хотел помочь Рейгану его демократизировать.

– Звонарев был отъявленный циник и мерзавец, а в Жолташ я этих качеств не вижу, хотя и общался с ней чуть больше получаса. Но интуиция, знаете ли.

– Ценю вашу интуицию, но я исхожу из фактов: через отдел Жолташ проходит информация, которая так интересует американцев, – о наших военных поставках в Сирию. И именно Жолташ была в Египте в те самые дни, когда мог быть завербован «крот».

– Напомню, что не она одна – в нашем списке таковых еще трое.

– И все – мужчины. А вы сами высказали версию, что женщина – идеальный объект для того, чтобы сделать ее «кротом»: мало кто заподозрит.

– Да, но это было до моей сегодняшней встречи с ней. После нее мое мнение на этот счет несколько изменилось.

– Вы считаете, что ее надо исключить из числа подозреваемых на основе получасовой беседы?

– Если бы я это предложил, меня надо было бы гнать отсюда поганой метлой. Я вполне допускаю, что Жолташ может «сливать» информацию американцам, но делает это... как бы это лучше сказать, неосознанно.

– То есть?

– Ею, например, могут манипулировать, использовать втемную.

– Кто?

– А вот этого, Глеб Сергеевич, я не знаю. Во всяком случае, пока. Впрочем, как и вы. Но нам с вами за то и платят деньги, чтобы мы в подобных ребусах находили разгадку. Вы помните, с чего начался наш разговор с Жолташ?

– С шоколада.

– Нет, это бытовая его часть, а я имею в виду идейную.

– С Радзинского?

– Правильно. С каким восторгом она говорит о нем и его идеях. Так может говорить только женщина, которая способна увлечься не столько мужчиной, сколько его идеями. А каким мужчинам отдает предпочтение Юлия Андреевна?

Жмых, не найдя ответа, пожал плечами.

– Тогда послушайте еще раз концовку нашего разговора – ту, где Жолташ отказала мне в номере своего мобильного.

И Кондратьев нажал на кнопку «включение». На экране вновь возник салон «Форда» и разговор двух пассажиров:

Кондратьев: «Если вы не возражаете, то мы могли бы обменяться номерами наших мобильных телефонов».

Жолташ: «Возражаю. Вы наверняка захотите за мной ухаживать, а я предпочитаю либо своих ровесников, либо мужчин чуть постарше. Да и политические воззрения у нас с вами разные. Извините за правду и до свидания».

– Ну, что скажете? – вопросительно взглянул на собеседника Кондратьев.

– Скажу, что вы как мужчина не произвели на нее должного впечатления, – не смог сдержать улыбки Жмых.

– Я думаю, вам бы она отказала не менее жестко, – парировал Кондратьев. – Но оставим в покое нас, стариков, а обратим внимание на ее слова про ровесников и мужчин чуть постарше. Не кажется ли вам, Глеб Сергеевич, что эта женщина далеко не одинока?

– Намекаете на ее возможный роман с кем-то?

– Не с кем-то, а с ровесником. Или мужчиной чуть старше ее. Вспомните ее слова о том, как некто называет ее заблудшей, а также ее нежелание говорить о нем более подробно. Единственное, что мы о нем знаем: он мыслит гораздо радикальнее нее.

– И этот мужчина может ею манипулировать или использовать втемную?

– Я всегда ценил вас за то, что в куче навоза вы способны отыскать жемчужину. Короче, займитесь ближайшим кругом знакомств Жолташ, ее мужским окружением. Если меня не подводит интуиция, то мы можем отыскать там нечто весьма интересное.

* * *

Египет, город Каир.

Посольство Российской Федерации

В российском посольстве в Каире, что в районе Докки, на улице Гиза, проходил прием для полутора десятков сирийских граждан – деятелей культуры, военных, дипломатов. После торжественной части все переместились в банкетный зал, где состоялся обед за богато сервированными столами. В просторном помещении собралось порядка четырех десятков человек, которые под звуки открываемых бутылок из-под шампанского принялись провозглашать тосты в честь российско-сирийской дружбы, подвергающейся сегодня одной из самых серьезных проверок в результате блокады Сирии со стороны западных государств.

Звуки фуршета разносились далеко по посольству, но только в одном кабинете их не было слышно совсем – в звукоизолированной комнате для переговоров, где в этот час собрались четыре человека: резидент российской разведки Роман Громадский, Иван Максимов, Леонид Грошев и Хафез Раджих. На фоне проходящего по соседству праздничного фуршета тема для развернувшегося в переговорной разговора была более чем грустной – провал операции в отеле «Найл Хилтон». Эту новость сообщил Раджих, рассказавший собравшимся о том, что охранник отеля Исмаил Фахми, согласившийся добыть видеозапись, где мог быть изображен завербованный американцами «крот», в назначенное время на условленную встречу в ресторан не явился. Спустя несколько часов гостиничный портье, работавший на сирийскую разведку, сообщил, что Исмаил Фахми был найден мертвым в своем автомобиле на подземной парковке. По версии прибывшей к месту трагедии полиции, охранник покончил жизнь самоубийством, выстрелив себе из пистолета в висок. Никаких дисков с записями при нем обнаружено не было.

– Значит, мы рассчитали правильно: «крота» вербовали именно в «Найл Хилтоне» при активном участии Саймона Янга, – закончил свой рассказ Раджих.

– Не подлежит сомнению и то, что это не суицид, а спланированное убийство. Фахми убрали именно по приказу Янга, – дополнил картину происшедшего Громадский. – Но как он смог узнать о предстоящей операции? Может, с вашей стороны была утечка?

– Кроме меня об операции знали еще два человека – все более чем надежные люди, неоднократно проверенные в самых рискованных делах, – ответил Раджих.

– С нашей стороны осведомленных людей было столько же, причем все они сейчас сидят в этом кабинете. Надеюсь, тень подозрения в предательстве на нас тоже пасть не может.

– Тогда кто? – подал голос Грошев.

– Я полагаю, что утечка могла произойти по вине третьей стороны, – предположил Максимов. – Либо допустил ошибку непосредственно сам Фахми, либо люди Янга сумели каким-то образом просчитать наши действия и связать их с поисками «крота».

– В любом случае Янг прекрасно осведомлен о том, что мы вычислили место вербовки их агента, а это значит, что он убрал не только Фахми, но и успел уничтожить записи видеонаблюдения, за которыми мы охотились, – сделал невеселый вывод Громадский. – Каким образом теперь выходить на «крота» из Египта, непонятно.

– А мне кажется, все более чем понятно – через самого Янга, – подал идею Раджих.

– У вас есть какие-то идеи? – поинтересовался российский резидент.

– Провести боевую операцию: захватить Янга и под пытками вытащить из него имя «крота».

Предложение было настолько неожиданным, что вызвало некоторое замешательство у присутствующих. Первым на него среагировал Максимов:

– Считаю, что боевую операцию проводить нельзя. Это равносильно объявлению открытой войны, что может повлечь за собой самые непредсказуемые последствия. Ведь и ЦРУ после подобного демарша не будет сидеть сложа руки и наверняка устроит такую же провокацию против кого-нибудь из наших, будь то россияне или сирийцы.

Это мнение почти одновременно поддержали и Громадский с Грошевым.

– Других идей у меня нет, – развел руками Раджих.

– Зато есть у меня, – сообщил Максимов. – Раджих прав: надо действовать непосредственно через Янга. Только не с помощью грубой силы, а посредством дипломатии: войти с ним в непосредственный контакт и в ходе этого знакомства выведать у него имя «крота».

– Сомневаюсь, что такого рода дипломатия может принести успех, – не скрывая своего скепсиса, заметил Раджих. – Янг настолько прожженный интриган, что... как это по-русски, прислонить его к стенке таким методом почти невозможно.

– Припереть к стенке, – поправил сирийского коллегу Максимов. – Под дипломатией я подразумевал не только совместное распитие алкогольных напитков и раскуривание кальяна, но и нечто другое. Алкоголь и кальян – это только внешний фон, который должен отвлечь его внимание, усыпить бдительность. Главное – выяснить его подноготную, нащупать уязвимую точку и ударить по ней со всей силы. И миссию эту я готов взять на себя.

– Ну что ж, этот вариант лично меня устраивает больше, чем открытая конфронтация с цэрэушниками, – согласился с услышанным Громадский. – Что потребуется от нас?

– Прикрывать меня в случае разного рода непредвиденных случайностей. А непосредственно сейчас – заселить меня, наконец, в «Найл Хилтон».

– Считайте, что вы уже там: номер «сюют» на седьмом этаже с сегодняшнего утра забронирован за вами, – сообщил Грошев.

– В таком случае нашу встречу можно считать закрытой, – Громадский собрался было встать из-за стола.

– Одну минуту, Роман Аркадьевич, – остановил его Максимов. – Есть еще один деликатный вопрос, который нельзя оставлять без нашего участия. Речь идет о дочери несчастного Исмаила Фахми. Девочке нужна срочная операция, которую взялись провести врачи Международного госпиталя. Но она сорвется, если родители малышки... вернее, один из родителей – ее мама, не сможет гарантировать оплату операции полностью.

– Вы хотите сказать, что мы должны взять эту проблему на себя? – удивился Громадский.

– Вот именно.

– Но с какой стати? Фахми погиб, так и не успев передать нам то, что обещал. Значит, условия обоюдного договора с его стороны не выполнены.

– Вы забываете, Роман Аркадьевич, что в гибели Фахми есть и доля нашей вины.

– Эта вина косвенная.

– Разве это имеет значение? Именно мы положили начало этой истории и теперь должны ее цивилизованно закончить. Если девочка умрет, то здесь наша вина будет уже не косвенной, а прямой. Разве это по-божески?

– Я разделяю вашу точку зрения, Иван Ильич, но мы все же не благотворительная организация, – Громадский все еще пытался отстоять свою позицию, но уже без прежней настойчивости.

Уловив это, Максимов использовал последний аргумент:

– Да, благотворительность – не наш «конек». Но мы с вами, Роман Аркадьевич, служим в организации, в основание которой были заложены гуманистические принципы. Не хочу быть чересчур пафосным, но вспомним слова основателя ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского: «У чекистов должны быть горячее сердце, чистые руки и холодная голова». Сегодня мы должны проявить свое горячее сердце. Будет совсем по-свински, если мы, став невольными виновниками гибели одного человека, не протянем руку помощи его ребенку, тем самым обрекая на смерть и это безвинное создание. В том, чтобы девочка осталась жива, и есть высшая справедливость, проявление того самого гуманизма, о котором я упоминал.

После этих слов в кабинете наступила тишина. Нарушал ее только мерный звук двигающейся стрелки на настенных часах. Все ждали реакции резидента, и она последовала.

– Хорошо, будем гуманистами, – согласился Громадский. – Я дам распоряжение составить соответствующую шифротелеграмму в Москву, в которой Центру будет дано разъяснение, на какие нужды были израсходованы сорок тысяч долларов. Будем уповать на то, что Центр согласится разделить с нами наш гуманизм.

* * *

Египет, город Каир, отель «Найл Хилтон».

Улицы города

Серебристая «Мазда» старшего инспектора каирской криминальной полиции Хабиба Салама медленно двигалась в шумном потоке автомобилей. На повороте, ведущем в восточную часть Каира, район Эль Марк, случился небольшой затор, вызванный вполне обычным явлением: согбенный седовласый старик переезжал со своей груженной скарбом повозкой, запряженной ослом, шесть автомобильных рядов. Глядя на этого седого как лунь старика, Салам попытался угадать его возраст – где-то в районе восьмидесяти. «Есть ли высшая справедливость в том, что Аллах разрешает кому-то дожить до глубоких седины, а кого-то забирает в молодом возрасте? – размышлял Салам, глядя на согнутую спину старика. – Почему, например, Аллах забрал на небеса молодого парня Исмаила Фахми, и теперь такая же участь может ожидать и дочь этого несчастного? В чем здесь кроется высшая справедливость?».

Тут же на ум пришли строчки из «Аль-Джаму'а», которые Салам помнил наизусть: «Поистине, нет спасения от смерти, от которой вы бежите. Она непременно постигнет вас, потом вы будете возвращены к тому, кто знает сокровенное и явное, и Он вам напомнит то, что вы творили».

«Напомнит то, что вы творили, – мысленно повторил Салам. – Но что может натворить ребенок всего трех лет от роду?».

Почти три десятка лет Салам служил в «убойном» отделе криминальной полиции, но подобные мысли посещали его каждый раз, когда жертвами разного рода преступлений становились люди достаточно молодые, а то и вовсе дети. Глядя на их лица, еще не испещренные рядами морщин, Салам каждый раз невольно вздрагивал от внутреннего протеста, возникшего в нем от столь кричащего противоречия, совмещения двух несовместимых вещей – молодости и смерти.

В отель «Найл Хилтон» Салам приехал за несколько часов до этого, рано утром, когда весть о трупе, обнаруженном в подземной парковке, достигла стражей порядка. Причем начальник полиции, отправляя Салама по этому вызову, зачем-то предупредил его: мол, это – чистое самоубийство, дело не стоит и выеденного яйца.

– Так что зафиксируй происшествие, опроси для проформы свидетелей и возвращайся назад. И заверши, наконец, расследование убийства хозяина обменного пункта, которое висит на тебе вот уже больше месяца.

Поэтому, отправляясь в отель, Салам рассчитывал управиться со свалившимся на него происшествием быстро. Тем более что его напарник вот уже третьи сутки лежал дома с температурой, поэтому свалить это дело на него не было никакой возможности. А дело хозяина «обменника», зарезанного возле собственного дома неизвестным убийцей, действительно висело дамокловым мечом над Саламом, не давая покоя ни ему, ни его начальству. Однако не зря на Востоке есть поговорка: пока человек рассчитывал, Аллах над ним смеялся.

Когда Салам приехал к месту происшествия, там уже вовсю трудились эксперты: снимались отпечатки пальцев, фотографировалось место и сама жертва. На первый взгляд, все действительно выглядело более чем понятно: труп сидел на переднем сиденье автомобиля «Рено», правая рука сжимала пистолет, в виске – пулевое отверстие. Правда, никакой предсмертной записки рядом с покойным обнаружено не было, как и других вещей, кроме портмоне с небольшой суммой денег на карманные расходы.

Здесь же был и начальник охраны отеля Рашид аль-Сайед, который рассказал Саламу возможную причину самоубийства его подчиненного – тяжелая болезнь дочери. Правда, в ходе этого допроса инспектор отметил одну странность: для проведения операции дочери покойному Фахми нужны были деньги, причем большие, которые он накануне своей смерти все-таки нашел. Причем выглядел при этом более чем счастливым. И вдруг – самоубийство. Почему?

– Я думаю, что он сомневался в успехе операции, поскольку у дочери было редкое заболевание – там две болезни сердца одновременно. А младшую дочь он любил сильнее всех своих детей, потому и не смог выдержать груза мыслей о ее возможной смерти, – высказал свою версию начальник охраны.

Салам мысленно согласился с таким доводом, хотя некий подозрительный пунктик в его сознании все-таки запечатлелся. А потом подобные пунктики начали численно расти и расти, напроць ломая такую стройную первоначальную версию.

Обратив внимание на то, что участок парковки, на котором произошло самоубийство, обслуживается двумя видеокамерами, Салам задал начальнику охраны резонный вопрос:

– Эти видеокамеры рабочие?

– Естественно.

– Мне хотелось бы взглянуть на записи с них.

И они прошли в комнату, где находился видеорегистратор. Оператор достаточно споро нашел нужные видеокамеры и вывел искомые записи на монитор. И тут выяснилось, что запись с обеих камер велась до 23 часов 40 минут вчерашнего дня, после чего начались помехи, которые длились до 00 часов 20 минут уже следующего дня. Более того, точно такие же помехи оператор обнаружил и на соседних парковочных камерах.

– Что случилось с камерами в эти полчаса, мы можем выяснить? – спросил инспектор.

Начальник лишь развел в недоумении руками, а вот оператор после внимательного изучения помех все же высказал свое предположение:

– Судя по всему, это какое-то внешнее влияние. Оно похоже на радиопомехи, когда рядом включается мощное излучающее оборудование, например радиопередатчик или радар. Именно они, видимо, и вызвали столь частые волны колебаний, которые исказили видеоизображение.

– А каким образом такой радиопередатчик мог попасть на парковку?

– Да как угодно, его можно разместить в обычном автомобиле.

– То есть его могли включить на определенное время, чтобы вывести из строя видеонаблюдение на парковке?

Оператор утвердительно кивнул головой.

– А что же ваша охрана не обратила на это внимание? – Салам повернулся к аль-Сайеду.

– Почему не обратила? – искренне возмутился охранник. – Вполне вероятно, что это было зафиксировано в их журнале.

Однако когда в руках у Салама оказался искомый документ, никаких записей на этот счет он там не обнаружил. Получалось, что охрана попросту прозевала этот эпизод.

– Может, охранник в этот момент куда-нибудь отлучился или был занят чем-то другим? – растерянно произнес аль-Сайед, продолжая листать журнал, как будто от этого мог быть какой-то толк.

– А где в этот момент находился Фахми, вы знаете?

– Когда именно?

– Когда вышли из строя видеокамеры.

– Его напарник рассказал мне, что он отлучился от главного монитора после одиннадцати вечера и больше там не появился.

– А куда он отлучился, сказал?

– Нет.

– А записи с видеокамер вы смотрели?

– Зачем, если и так ясно, что это самоубийство.

– Это вам ясно, а мне пока не очень.

Повернувшись к оператору, Салам спросил:

– Мы можем посмотреть перемещения Фахми после одиннадцати вечера?

– Без проблем.

Спустя несколько минут эти записи уже транслировались на мониторе. Было видно, что Фахми в 23.10 покинул операторскую и зашел в видеорегистраторскую. Там он пробыл более получаса, после чего отправился на парковку. Дальше шел обрыв записей. Больше ни одна видеокамера не запечатлела Фахми живым. С этого момента в голову Салама стали закрадываться мысли, что это самоубийство выглядит весьма подозрительно.

– А зачем Фахми мог приходить в видеорегистраторскую, да еще на полчаса? – задал очередной вопрос оператору Салам.

– Судя по всему, смотрел какие-то прошлые записи.

– Или их скопировал? – высказал предположение инспектор. – А мы можем по вашей базе узнать, что это были за записи?

– Попробуем, – ответил оператор и стал энергично бить по клавишам клавиатуры, выводя на монитор компьютера какие-то данные из видеорегистратора. Но спустя несколько минут он разочарованно произнес:

– Увы, но данные за тот период, когда здесь был Фахми, стерты.

– Кто же их стер?

– Не знаю, может быть, сам Фахми подчистил базу данных, когда уходил.

– Значит, установить, какие именно записи его интересовали, мы не сможем?

– Скорее всего, нет.

– Но если предположить, что здесь кто-то был после Фахми, мы можем увидеть этого человека или людей на записи с видеокамер?

– Не можем, – ответил оператор и, поймав вопросительный взгляд инспектора, пояснил:

– Записи с этой камеры тоже стерты.

«Значит, здесь действительно были посторонние, – подумал Салам, но высказать эту мысль вслух поостерегся, не желая разглашать свои выводы перед посторонними. – К тому же в

вещдоках, обнаруженных в одежде Фахми, ключей от видеорегистраторской найдено не было. Выходит, кто-то их у него позаимствовал, поскольку на стоянку он наверняка пришел с ними».

– А у Фахми были какие-нибудь конфликты с коллегами по работе или, может быть, с персоналом отеля? – задал очередной вопрос начальнику охраны инспектор.

– Я ни о чем подобном не слышал. Так вы думаете, что это все-таки могло быть не самоубийство?

– Я пока ничего не думаю, я всего лишь сопоставляю факты. Может быть, кто-то спрашивал вас о Фахми в последнее время, интересовался его делами?

– Да, нет, вроде, – пожал плечами аль-Сайед. – Хотя... Саймон Янг вчера хотел выразить ему свое сочувствие по поводу болезни его дочери.

– Кто такой Саймон Янг?

– Это очень уважаемый человек, американец. Он большая шишка в компании «Индастри электроникс» и вот уже несколько лет является постояльцем нашего отеля. Живет на восьмом этаже.

– А как он узнал о болезни малышки?

– Я ему вскользь рассказал во время делового разговора.

– О чем разговор, если не секрет?

– Я же сказал, что деловой: мы вели речь о возможном переоборудовании отеля силами его компании.

Салам сразу догадался о финансовой составляющей подобного разговора и возможной заинтересованности в этой составляющей начальника охраны, поэтому не стал углубляться в данную тему. Но имя американца на всякий случай запомнил.

Вернувшись на парковку, к месту происшествия, Салам застал там окончание работ. Тело погибшего уже увезли, а его автомобиль отогнали в полицейский участок. Инспектор подошел к одному из экспертов, который собирался покидать отель на служебном автомобиле.

– Ну что скажешь, Хусейн?

– Скажу коротко: огнестрельное ранение головы, несовместимое с жизнью.

– Это я и сам знаю. Что-то необычное есть?

– Необычным я бы назвал ствол. «Ругер Мк» 22-го калибра в руках рядового охранника выглядит странно. Таким оружием обычно владеют сотрудники спецслужб или террористы. Короче, не по чину чалма.

Это был очередной «пунктик» из числа подозрительных в череде умозаключений Салама. Сначала была нестыковка мотива самоубийства (вроде деньги на операцию дочери найдены, а отец хватается за пистолет), потом возникли испорченные видеокамеры (порча на них нашла как раз в момент самоубийства), стертые записи в видеорегистраторе и, наконец, в конце «нарисовался» крутой пистолет, который в руках охранника выглядел более чем странно. С другой стороны, если это было не самоубийство, а убийство, как могли его организаторы наоставлять такую кучу следов? Объяснений здесь могло быть два: первое – все делалось в спешке, второе – расчет был на то, что полиция ухватится за версию самоубийства и сделает ее приоритетной. «А ведь именно эту версию мне сегодня с утра и вкладывал в голову мой начальник», – вспомнил Салам.

В этот миг заиграла мелодия на его висящем на поясе мобильнике. Самое удивительное, но звонил тот самый человек, о котором секунду назад старший инспектор и подумал.

– Ты куда пропал? – зазвучал в трубке голос начальника полиции.

– Как куда – делом занимаюсь.

– Это дело пора уже сдать в архив. Ты забыл, что тебя ждут дела поважнее?

Под последними словами подразумевалось все то же дело об убийстве владельца валютного обменника. Хотя, что там было особенного – зарезали мужчину за барсетку с парой тысяч долларов. То ли дело здесь: загадочное убийство, возможно, замаскированное под суицид.

Было где развернуться и прославиться. Но Салам своим чутьем опытного оперативника буквально чувствовал, что начальник полиции намеренно отваживает его от этого дела. И это еще сильнее распалило охотничий азарт старшего инспектора.

- Я приеду через час, – произнес он в трубку.
- Почему так долго?
- Хочу заехать еще в одно место, здесь по пути.
- Что за место?
- Расскажу, когда приеду, – и Салам нажал на «отбой».

Вспоминая за рулем своей «Мазды» все эти события, старший инспектор никак не мог отделаться от мысли, что начальник полиции не случайно хочет побыстрее закрыть дело о самоубийстве. В памяти старшего инспектора всплыл эпизод сегодняшнего утреннего посещения кабинета начальника. Когда Салам вошел к нему, тот разговаривал с кем-то по телефону, но, увидев вошедшего, прикрыл трубку рукой и попросил пару минут подождать в коридоре. А когда Саламу было разрешено войти, тут и прозвучало: «Это дело о самоубийстве не стоит и выеденного яйца». То есть мнение об этом деле у начальника уже было сформировано им самим или кем-то со стороны. Если последнее верно, то кем? Может быть, жена Исмаила Фахми сумеет прояснить эту ситуацию?

Именно к ней Салам сейчас и направлялся, двигаясь в сплошном потоке автомобилей, выстроившихся в шесть рядов на каирских улицах. Ехать предстояло на восток города – в район Эль Марк, в обычный четырехэтажный дом, номер которого старшему инспектору предупредительно написал на клочке бумаги начальник гостиничной охраны.

Когда Салам нашел нужный дом и поднялся на последний, четвертый этаж, дверь ему открыла непосредственно жена погибшего – Залика Фахми. Красные от слез глаза говорили лучше всяких слов о внутреннем состоянии женщины, поэтому Салам с порога выразил ей свои соболезнования. После этого представился, назвав свое имя и звание. Узнав, что ее гость служит в полиции, женщина вышла на лестничную площадку, прикрыв за собой дверь. Салам услышал, как за дверью мулла читал аяты из Корана – шли приготовления к похоронам, поэтому расценил поступок хозяйки как естественный.

- Что вас интересует? – голос Залики был на удивление спокойным.
- Было ли у вашего мужа оружие – пистолет? – с места в карьер взял Салам.
- Никогда не было. На работе это было не нужно, а дома тем более.
- А мог он его прятать от вас?
- Не мог, поскольку мой муж ничего от меня не скрывал. И вообще, это не могло быть самоубийством.

- Почему вы так считаете?
- Вы видели моего мужа мертвым?
- Да, конечно.
- Как он это сделал?
- Выстрелом в висок.
- В правый или левый?
- В правый. А какая разница?
- Дело в том, что мой муж левша с рождения. Он даже нож держит... держал в левой руке, и топор, которым рубил дрова, и ложку за столом. В той же руке он должен был держать и пистолет.

Салам мысленно восхитился не только выдержке и самообладанию этой женщины, несколько часов назад потерявшей горячо любимого мужа, но и ее сообразительности. А в свой реестр подозрительных «пунктиков» добавил еще один.

- И вообще, с чего моему мужу было стреляться, когда он сумел раздобыть деньги на операцию для нашей дочери, – продолжила свои рассуждения жена погибшего.

– Он вам сам об этом рассказал?

– Конечно, сам. Он заплатил первый взнос – десять тысяч долларов еще вчера, когда дочь перевели в Международный госпиталь. А сегодня мы получили недостающую часть этих денег – тридцать тысяч.

Сказав это, Залика показала из-под накинутого на голову и плечи широкого платка руку, в которой был зажат конверт.

– Кто принес вам эти деньги?

– Добрые люди.

– Они назвали себя?

– Добрые люди могут не называть своих имен: Аллах и без этого их знает и видит их деяния.

– Когда они приходили?

Вместо ответа женщина кивнула за спину гостя. И Салам вспомнил, что в тот момент, когда он входил в подъезд, из него вышел высокий мужчина-араб в дорогом белоснежном костюме. Бросив женщине на ходу «До свидания», старший инспектор выбежал во двор, однако высокого араба уже давно и след простыл.

* * *

Сирия, город Дамаск

Взяв в руки большой охотничий нож, Закхей аль-Хадж одним движением вскрыл картонную коробку и извлек из нее полиэтиленовый пакет. В нем он обнаружил то, что и должен был найти – накладной живот, имитирующий беременность сроком 7–9 месяцев. Повертев его в руках, аль-Хадж поразился профессионализму создателей этого изделия: оно было выполнено на высочайшем уровне. Накладка была изготовлена из гипоаллергенного силикона, здесь же был и комплект специального нижнего белья. Надев такой «живот», женщина могла не бояться, что ее могут уличить в подвохе, чего, собственно, и добивался аль-Хадж – один из лидеров «Аль-Каиды», дислоцированной в Сирии и ведущей войну против законного правительства Башара Асада. Накладной живот предназначался для террористки-смертницы, которая должна была через несколько часов взорвать себя внутри штаб-квартиры сирийской госбезопасности.

Таких высокочеловеческих накладных животов в Сирии не сыскать, поэтому достать их можно было только за границей. Аль-Хаджу в этом помог его старый приятель и тайный куратор ячейки «Аль-Каиды» в Сирии сотрудник ЦРУ Саймон Янг, с которым они были знакомы еще с войны в Афганистане, а потом вместе сотрудничали в Европе – в Косово. Это Янг во время последней их встречи в Египте в июне этого года, узнав о том, что аль-Хадж готовит в одной из секретных школ нескольких террористок-смертниц, предложил посылать их на дело беременными. Увидев смятение на лице аль-Хаджа, Янг рассмеялся:

– Не волнуйся, Закхей, речь идет о ложной беременности. Твои женщины должны надеть на живот специальную накладку, которая имитирует беременность. Сам понимаешь, таких женщин ни одна охрана не посмеет заподозрить в плохих намерениях.

– Где же достать такие накладки? – явно заинтересованный, спросил аль-Хадж.

– Можно сделать их самостоятельно, но это будет, как говорят у нас в Америке, плохой бизнес. Поролоновую накладку легко разоблачить, стоит кому-то из охранников тронуть смертницу рукой за живот. А вот силикон имитирует реальную плоть. Такие животики хорошо делают у нас в Америке, например в Голливуде. Так что если хочешь, я могу заказать для тебя пару-тройку штук.

– Почему не больше?

– А ты подумай сам.

Аль-Хадж догадался сразу: после первых же взрывов с использованием такого рода смертниц бдительная охрана, оповещенная коллегами, перестанет допускать беременных женщин внутрь охраняемых помещений. Однако для одного-двух взрывов такие накладные животы вполне могли бы сгодиться. Поэтому заказ Янгу был дан. На днях посылка прибыла в Дамаск, а сегодня один из таких «животиков», как игриво назвал их Янг, должен был украсить тело первой смертницы – 23-летней Сэдры Назур, муж которой, повстанец, погиб три месяца назад во время боев с правительственными войсками. И сегодня женщина, прошедшая двухмесячное обучение в секретной школе, должна была за него отомстить, взорвав себя и тем самым унеся на тот свет сразу несколько десятков убийц своего супруга.

На съемную квартиру на юго-восточной окраине Дамаска Сэдра должна была явиться не одна, а в сопровождении напарницы – женщины, которая помогла бы собрать ее в последнюю дорогу: переодеть и закрепить на теле «пояс шахида» – взрывчатку, которую помог достать все тот же Саймон Янг. Это была керамическая взрывчатка, которую нельзя было выявить ни одним металлодетектором. Ею американцы снабжали сирийских повстанцев, но Янг нашел возможность переправить ее через третьи руки ячейке аль-Хаджа. Естественно, не бескорыстно, поскольку в Янге легко уживались сразу два таланта – матерого разведчика и прожженного коммерсанта. При этом аль-Хадж, давно зная своего приятеля-цэрэушника, прекрасно понимал, что эта гремучая смесь может нести в себе как благо, так и опасность: всегда существовала вероятность того, что в погоне за коммерческой выгодой Янг сможет легко предать того, с кем только вчера ел плов из одной тарелки.

Стрелки на настенных часах показывали два часа дня, а женщин все не было. Но поскольку контрольного звонка от группы сопровождения не поступило, значит, дело было не в срыве операции из-за возможного разоблачения, а в какой-то незначительной оказии, которая могла задержать прибытие группы в точно обусловленное время. Так оно и вышло. Не прошло и пяти минут, как в дверь квартиры позвонили условным сигналом. Аль-Хадж открыл дверь и впустил в помещение прибывших: двух женщин и трех мужчин из группы силового прикрытия. Последних аль-Хадж попросил тут же удалиться и ждать их на улице в машине, а женщинам приказал начать подготовку к операции. Взяв со стола накладной живот и «пояс шахида», те уединились в соседней комнате.

То время, пока их не было, аль-Хадж смотрел телевизор, гоняя его по всем каналам. Новостные сообщения, где речь шла об успехах правительственных войск, он смотрел и слушал с особым интересом, поскольку мысленно уже предвкушал, как заголосят эти же каналы, когда их операция будет завершена. До ее начала оставалось чуть меньше двух часов.

По мнению аль-Хаджа, разработчика этой акции, все должно было пройти без каких-либо непредвиденных обстоятельств. Беременная женщина не должна была вызывать у охранников, стоявших на входе в здание службы госбезопасности, особенных подозрений, тем более что на руках у нее был подлинный документ – справка-вызов на фирменном бланке сирийской ГБ, которую им раздобыл свой человек, работавший в этом учреждении уже не один год. На справке значилось имя подлинного человека, не имевшего к террористам никакого отношения, но которого знали все в этом здании – имя заместителя начальника госбезопасности. Все это гарантировало смертнице беспрепятственный проход в здание.

Минуло чуть больше получаса, как женщины удалились в отдельную комнату. Наконец, они вышли к аль-Хаджу, который тут же выключил телевизор и самым внимательным образом осмотрел Сэдру со всех сторон. Даже потрогал ее накладной живот, вновь восхитившись профессионализмом тех, кто его сделал: имитация живой плоти была превосходная. Ни один охранник, решив он проверить беременную, не способен был ее разоблачить, если, конечно, он не захотел бы ее раздеть. Но до этого дойти было не должно. Очень ловко был подогнан к фигуре смертницы и «пояс шахида»: его крепление было выведено на грудь, а сама взрывчатка расположилась на спине; под достаточно просторным платьем ничего не было заметно. При-

вести в действие взрывной механизм Сэдра должна была с помощью специального приспособления, которое пряталось в кулаке. Это был рычажок, который при разжатии ладони должен был сыграть роль чеки у гранаты: после отжатия он подавал импульс на взрывчатку, и следовал взрыв. Обезвредить такого террориста можно было только в одном случае – если не дать ему разжать ладонь. Что, конечно же, было делом весьма и весьма сложным. Однако в данном конкретном случае у охранников вообще не было никаких шансов, поскольку аль-Хадж держал наготове запасной вариант: в случае если бы Сэдру разоблачили на входе, профессиональный снайпер, сидящий с ним в машине, должен был застрелить смертницу, тем самым способствуя непроизвольному разжатию ладони.

Зная о том, что все необходимые религиозные мероприятия со смертницей были проведены заранее, еще до поездки сюда, аль-Хадж не стал тянуть время и, благословив смертницу всего одной фразой – «Твой муж ждет тебя в раю», вывел ее на улицу. Теперь на двух машинах им предстояло преодолеть многокилометровый путь до центра Дамаска, где располагалось здание государственной безопасности. Там их должна была поджидать еще одна группа террористов, подготовившая второй теракт – взрыв автомобиля, начиненного взрывчаткой. Управлять последним должен был мужчина-смертник, причем сигналом к атаке должен был послужить подрыв его напарницы-смертницы – Сэдры. Таким образом, в результате двух почти одновременных терактов сирийской ГБ должен был быть нанесен максимальный ущерб.

Автомобили двигались по улицам Дамаска с максимальной осторожностью – не превышая скорости и не привлекая к себе внимания дорожной полиции. Аль-Хадж сидел в головной машине, имея при себе два пистолета: один был в кобуре под мышкой, другой за поясом на спине. На заднем сиденье сидел снайпер, винтовка которого покоилась у него под ногами. Сэдра ехала во втором автомобиле, который шел почти вплотную за первым. В сплошном автомобильном потоке было трудно отстать друг от друга, хотя такая вероятность была: этот поток то и дело пересекали прохожие, из-за которых приходилось каждый раз тормозить, в то время как передние автомобили двигались дальше. Однако террористам удалось-таки добраться до места назначения, причем на пять минут раньше намеченного времени. Они остановились на противоположной стороне от здания ГБ и сразу заметили своих коллег из второй группы, которые припарковались метрах в двухстах от входа в то же здание и внимательно следили за действиями группы аль-Хаджа, которая должна была начать действовать первой. Ждать пришлось недолго.

Вскоре из своей машины вышла Сэдра, которая неспешным шагом стала переходить площадь перед зданием ГБ. Она шла с гордо поднятой головой, выпрямив спину, и все автомобили, которые двигались в двух разных направлениях, притормаживали перед ней, тем самым давая ей возможность продолжать свой путь. Последний в ее такой короткой жизни. Аль-Хадж внимательно смотрел в спину удаляющейся женщине, мысленно восхищаясь ее самообладанием: ни разу она не остановилась больше чем на несколько секунд, ни разу не обернулась назад, чтобы взглядом проститься со своими соратниками. Она уже давно все для себя решила, перечеркнув свою земную жизнь раз и навсегда.

Когда до входа в здание ГБ ей оставалось порядка полсотни метров, аль-Хадж дал команду снайперу взять женщину в перекрестье оптического прицела снайперской винтовки. Тонированные стекла автомобиля позволяли снайперу легко скрыться от любопытного стороннего взгляда, а слегка приоткрытое для выстрела окно не давало возможности увидеть дуло винтовки, спрятанное внутри салона. Глядя в прицел, снайпер видел все, что творилось у входа в здание госбезопасности. У ворот стояло несколько вооруженных автоматами охранников в легких бронежилетах (столбики термометров в тот час застыли на отметке плюс 28 градусов). Когда Сэдра подошла к ним, она протянула ближнему к себе охраннику справку с вызовом (другую руку с зажатым в ладони взрывателем она прижала к животу), которую тот внимательно изучил. В это время его коллега, стоявший рядом, приблизился к женщине и положил

руку ей на живот. Палец на спусковом крючке винтовки уже был готов произвести выстрел. Но этого не понадобилось. В следующую секунду охранник убрал руку от живота посетительницы, явно не догадавшись об его искусственном происхождении. Аль-Хадж в сотый раз возблагодарил Аллаха, а заодно и Саймона Янга, который придумал этот трюк и снабдил террористов таким первоклассным изделием. Охранники расступились перед женщиной, и она, благополучно пройдя металлодетектор, оказалась внутри территории ГБ. Теперь ей надо было преодолеть несколько десятков метров внутреннего двора, войти в здание и уже там произвести взрыв.

До входных дверей оставалось всего ничего, как вдруг из них вышел мужчина, который остановился перед Сэдрой как вкопанный. Если бы аль-Хадж и его соратники слышали тот возглас, который слетел с его губ, они бы догадались обо всем сразу. Но они ничего не слышали, разделенные от женщины более чем сотней метров. Между тем, мужчина, вставшей на пути у Сэдры, был ее соседом по дому. Он не виделись два месяца с тех пор, как Сэдра исчезла из поля зрения близких и знакомых, уйдя в секретную школу для террористов-смертников. И вот теперь, встретив соседку, которая еще два месяца назад ходила с плоским животом, а теперь была на последних месяцах беременности, мужчина, естественно, впал в ступор.

Аль-Хадж, наблюдавший за развитием ситуации из полукрытого окна автомобиля, никак не мог понять, в чем дело. Но интуиция матерого боевика подсказывала ему, что ситуация вышла из-под контроля, что в дело вмешался тот самый непредвиденный фактор, который, составляя одну миллионную долю вероятности, может возникнуть в самый неожиданный момент. Судя по всему, именно это сейчас и случилось. Видя, что незнакомый мужчина не дает Сэдре войти в здание и что их разговор переходит на повышенные тона (а об этом говорила бурная жестикуляция мужчины), аль-Хадж напрягся. Он чувствовал, что и снайпер за его спиной испытывал те же чувства, напряженно ожидая команды. Требовалось принять единственно правильное решение, но аль-Хадж медлил, надеясь, что Сэдре повезет. Но этого не происходило. Более того, на громкие крики мужчины уже начали реагировать охранники, которые стояли у ворот: они повернули головы в сторону шума. А тут еще к воротам подошла внушительная компания мужчин в военной форме, явно намереваясь войти внутрь. Вот тогда аль-Хадж и принял решение, скомандовав снайперу: «Стреляй в мужчину!». Раздался выстрел, и пуля, выпущенная из винтовки, уже спустя секунду разнесла полчерепа мужчине, преградившему дорогу Сэдре. Путь в здание перед ней был расчищен, и женщине надо было преодолеть всего лишь несколько шагов, чтобы вбежать в дом. Но вышло иначе. Предсмертный крик смертельно раненого соседа, а также брызги крови вперемешку с мозгом, которые теплой волной брызнули в лицо женщине, заставили ее на секунду потерять самообладание. Этой секунды хватило, чтобы ее левая рука инстинктивно разжалась и «пояс шахида» сдетонировал. Раздался мощный взрыв, который разнес женщину в клочья.

В следующую секунду вторая группа террористов немедленно начала свою фазу атаки. Головной автомобиль, с сидящим за рулем смертником, рванул с места и на полной скорости врезался в охранников, стоявших у входа в здание. Раздался еще более мощный взрыв, чем предыдущий, который разнес на куски не только входные ворота вместе с охранниками и представительной делегацией, но и половину ближайшего угла здания госбезопасности. Десятки людей, находившиеся ближе всего к месту взрыва, как подкошенные рухнули на землю, сраженные взрывной волной, осколками от бомбы и взорванных конструкций. В этом шуме и гвалте аль-Хадж скомандовал водителю отход, после чего их автомобиль набрал скорость и уже спустя минуту затерялся в сплошном транспортном потоке.

* * *

Департамент контрразведывательных операций

Водрузив на нос очки, Кондратьев углубился в текст очередной шифротелеграммы, присланной в Москву из Каира полковником Максимовым:

«Центр.

Операция в отеле «Найл Хилтон» провалилась. В силу обстоятельств, которые пока нам неизвестны, охранник отеля, который должен был предоставить нам записи с камер видеонаблюдения, покончил жизнь самоубийством, на самом деле – был убит. Судя по всему, эту акцию провели люди Саймона Янга. Надеяться на дальнейшее использование этого пути бессмысленно. Поэтому предлагаю другой вариант – выйти на «крота» через самого Саймона Янга. Для этого необходимо подробнейшим образом изучить факты его биографии, с тем чтобы найти в них любые зацепки для возможного шантажа.

Максимов».

«Иван Ильич затеял весьма рискованную игру, – подумал Кондратьев, снимая очки и укладывая их в футляр. – Если Янг пошел на крайние меры, значит, понимает, что ставки в этой игре слишком высоки. Отсюда вывод: никто не даст гарантии, что он не решится теми же методами нейтрализовать и Максимова, замаскировав эту акцию под тот же несчастный случай. Здесь Ивану Ильичу необходимо быть предельно осторожным и не лезть на рожон. Впрочем, он человек опытный и наверняка отдаст себе отчет в нависшей над ним опасности. Мы же в свою очередь постараемся ему помочь. Как говорится, чем можем...».

Кондратьев набрал на телефонном аппарате номер начальника Аналитического управления при Службе оперативной информации ФСБ.

– Константин Сергеевич, добрый вечер, Кондратьев говорит. Не помешал? Помощь ваша требуется, причем в духе вашего подразделения – оперативная. Нам нужна подробнейшая информация о высокопоставленном сотруднике ЦРУ Саймоне Янге. Он сейчас работает на Ближнем Востоке в должности заместителя регионального резидента. Данные о нем нужны, так сказать, специфические, как говорят папарацци из самых ушлых «желтых» изданий, чернушные. Но обязательно подкрепленные проверенными данными. Впрочем, можно и не подкрепленные, вроде наводок, которые мы сами попытаемся развить. Короче, нужна информация, которая помогла бы нам взять этого Янга за «жабры», чтобы дышал через раз, да и то с нашей помощью. Сделаете? Спасибо, буду ждать.

Не успел Кондратьев положить трубку на аппарат, как по селекторной связи секретарша оповестила его, что пришел Глеб Сергеевич Жмых. Спустя минуту тот уже сидел напротив генерала, как всегда подтянутый, несмотря на конец рабочего дня, с неизменной кожаной папкой для бумаг в руках. Кондратьев дал ему ознакомиться с последней шифротелеграммой от Максимова, рассказал о своем разговоре с главным аналитиком. Короче, ввел в курс последних событий. После чего настала очередь самого Жмыха.

– Спешу сообщить, что Георгий Семенович Росляков и в этот раз повел себя как примерный семьянин и отец семейства: закончив работу в Министерстве обороны в шесть часов вечера, приехал к себе домой и до сего момента никуда больше не отлучался. Короче, за те дни, пока мы его ведем, он ни разу не дал повода заподозрить его в чем-то предосудительном.

– Предлагаете исключить его из списка подозреваемых?

– Думаю, дать ему еще один шанс: завтра будет очередной сеанс связи из радицентра, который может расставить все точки над «i» в отношении Рослякова.

– Не факт, Глеб Сергеевич. Сеанс у нас в каком часу? В двенадцать ночи. А Росляков у нас в таком возрасте, что вряд ли захочет куда-нибудь отлучиться в такое время. Значит, наверняка будет дома.

– Всякое может быть, Федор Иванович.

– Ну, будь по-вашему. Что там с остальными?

– Юрий Матвеевич Зорькин тоже никаких подозрений пока не вызвал. Ведет себя вполне естественно, как и подобает законопослушному гражданину и честному работнику Службы внешней разведки. На службе не задерживается, сразу после ее окончания спешит домой к горячо любимой супруге. Вот и сегодня привычке своей не изменил. Посмотрим, что даст завтрашний день.

– Да, завтра у нас пятница, хотя и не тринадцатое, – напомнил Кондратьев.

– Я в эти ужасы не верю и вам не советую, – парировал Жмых, после чего продолжил свой отчет. – С Юлией Андреевной Жолташ произошла куда более любопытная история: у нее, к вашей вящей радости, обнаружили кавалера, а также весьма интересная подруга. С кого начать?

И Жмых вопросительно взглянул на Кондратьева. Тот ответил не раздумывая:

– Начните с кавалера, учитывая мой особый интерес к личной жизни Юлии Андреевны.

– Это ее сослуживец Сергей Геннадьевич Листопад. 40 лет, разведен, работает с Жолташ в одном отделе. Вчера он проводил ее до дома, но к ней не поднялся.

– Странный кавалер. Или у них только начало романа? Вы запись этой встречи вели?

Жмых достал из кармана флэшку и передал Кондратьеву. Тот вставил ее в ноутбук и в течение некоторого времени наблюдал записанное.

– Да, безусловно, странный кавалер. Судя по тому, как они держатся друг с другом, назвать их отношения романтическими я бы не решился. Больше похоже на дружбу двух сослуживцев. Хотя она ему, кажется, не безразлична, что однажды проскальзывает – вот здесь, где он хочет взять ее под локоть и приблизить к себе, а она тактично отстраняется. Значит, как кавалер он ее мало интересуется. Кстати, у него личный автомобиль есть?

– Да, «Мерседес», но он оставил его на служебной стоянке у «Гособоронэкса» и уехал на «Тойоте» Жолташ. Домой добирался на метро, он живет на «Новослободской».

– Один?

– Да, как я говорил, он разведен, жена с сыном школьником живут на «Пролетарской» у ее родителей. Его родители скончались.

– Короче, оба не обременены семейными узами, вполне могут уединиться, но почему-то этого не делают. Мне этот кавалер не нравится.

– В каком смысле?

– В смысле его влияния на Юлию Андреевну. То есть я заметил попытку с его стороны на нее повлиять, но она это пресекла. И у подъезда они слишком быстро расстались, чтобы поверить в то, что между ними есть что-то близкое.

– Может, это, как вы выразились, начало романа?

– Так романы не начинаются, так они обычно заканчиваются, – мрачно заключил Кондратьев. – Кстати, этот Листопад не фигурирует в нашем туристическом списке «23»?

– Фигурирует, он выезжал в служебную командировку в Израиль и пробыл там с 20 по 29 июня.

– То есть в те самые подозрительные дни?

– Да, но мы установили, что египетской визы у него в паспорте нет – значит, в Каире тогда он быть не мог.

– Почему же он до сих пор фигурирует в вашем списке?

– Не успели вычеркнуть.

– И хорошо, что не успели. Пусть пока покрасуется в числе подозреваемых, тем более что он работает в том же отделе, что и Жолташ. Теперь давайте про подругу.

– Вот она как раз подходит под ваши умозаключения о некоем пагубном влиянии на Юлию Андреевну.

Произнеся это, Жмых сделал эффектную паузу, чем привел Кондратьева в легкое раздражение:

– Мхатовские паузы в наши дни не в моде, Глеб Сергеевич, теперь у всех клиповое мышление. Так что не тяните кота за хвост.

– Зоя Моисеевна Яблонская, 39 лет, не замужем, сотрудница Института иностранной литературы и член правозащитной организации «В защиту репрессированных». Часто выезжает за границу, причем как по делам своего института, так и в качестве правозащитницы. Более того, периодически посещает посольство США, участвуя в мероприятиях по линии организации «В защиту репрессированных». Эта структура существует на гранты, их выделяет Агентство по международному развитию, которое является структурным подразделением госдепартамента США.

– Весьма любопытно, – не скрывая своей заинтересованности по поводу услышанного, произнес Кондратьев. – Как же вы вышли на эту подругу?

– Перехватили телефонный звонок Жолташ ей по мобильнику. Правда, ничего интересного: говорили пару минут о рецепте яблочного пирога «Шарлотка». Юлия Андреевна хочет порадовать отца – повезет пирог в госпиталь.

– А вдруг название пирога – это условный знак между двумя агентами? Яблонская в этом месяце посещала посольство США?

– Да, две недели назад там проходил прием по случаю открытия в Доме художника выставки американских импрессионистов.

– А 30 октября наверняка состоится другой прием – по случаю Дня политзаключенного. Вы не думали над этим?

– Считаете, что Жолташ и Яблонская могут работать группой?

– Вполне возможно. Одна добывает информацию оборонного значения, а другая ее передает американцам. Либо напрямую через посольство, либо по другим каналам.

– В теории это выглядит вполне правдоподобно, а вот на практике...

– А что вас смущает?

– Я все думаю, каким образом Жолташ может выносить информацию за пределы «Гособоронэкса». Ведь там все защищено: в компьютерных залах стоят устройства активной защиты информации, на компьютерах нет дисководов и USB-разъемов, на выходе всех проверяют.

– Вы забыли про микрофильмирование: она может снимать все на пленку микрофотоаппаратом, а отснятое прячет в мелкие вещи, например в контейнер, имитирующий губную помаду.

– Но у них в отделе все на виду, каждый сотрудник имеет свой небольшой отсек без дверей. Если она фотографирует, то это крайне опасно.

– А кто вам сказал, что у шпионов легкая работа? А вообще пора Юлию Андреевну взять под настоящий колпак. Я имею в виду не спускать с нее глаз и на рабочем месте.

– Уже, Федор Иванович. С помощью службы безопасности «Гособоронэкса» мы установили за Жолташ персональное наблюдение с помощью тамошней системы видеонаблюдения. Однако я же говорю, что пока никаких зацепок против нее у нас нет. Даже в ее домашнем компьютере, который взломали наши специалисты, мы не обнаружили ничего компрометирующего.

– В ее личной переписке нет любовных посланий?

– Увы, нет – только деловые отправления. Да и те невинны с точки зрения шпионажа.

– А с Яблонской она переписывается?

– Исключительно короткими посланиями в «Одноклассниках».

– В любом случае, эту правозащитницу надо взять под такой же плотный колпак. Установить круг ее контактов, передвижения, встречи. Короче, не мне вас учить. Впрочем, приблизительный круг ее контактов я могу определить уже сейчас: наверняка это бывшие советские диссиденты, а также творческая интеллигенция из числа либеральной. И тему их разговоров тоже могу себе представить: долой «кровавую гэбню», да здравствует прогрессивная Америка!

– Откуда такие познания? – удивился Жмых.

– А вы сходите со мной в ресторан Дома журналистов – тоже будете в курсе их контактов и разговоров. Пару недель назад я имел счастье лицезреть там одного нашего известного поэта, который вспоминал, как в августе 1968 года он не испугался и позвонил Брежневу, чтобы выразить ему свое возмущение в связи с появлением советских танков в столице Чехословакии. Стихи декламировал: «Танки идут по Праге в закатной крови рассвета, танки идут по правде, которая не газета...» Я потом не выдержал, подошел на выходе из ресторана к этому стихоплету и спросил: «А слабо вам позвонить Баракку Обаме и возмутиться его нынешними действиями в Сирии? Дескать, я, как русский интеллигент, презираю вас и плюю вам в лицо, господин президент!»

– И что вам ответил этот стихоплет?

– А что он может ответить, проживая теперь в Америке? Ничего не ответил – пожевал губами и ретировался. Но в любом случае окружение Яблонской все равно прощупайте, полагаю, что одними стихоплетами дело может не ограничиться. А пока вернемся к вашему списку. Кто там еще остался, так сказать, на закуску?

– Евгений Андреевич Безымянный. С ним ситуация более или менее прояснилась.

– В какую сторону?

– Сейчас объясню. Сегодня в обеденный перерыв Безымянный покинул здание МИДа на Смоленской и на своем «Ренж Ровере» выехал в город.

– Извините, Глеб Сергеевич, что перебиваю, но вы выполнили мою просьбу – выяснили подноготную этого «Ренж Ровера»?

– Да, он был приобретен полгода назад в Калининграде, в автомобильном салоне. Причем Безымянный сам за ним туда и ездил.

– Имеется в виду прибалтийский Калининград или наш родной, подмосковный?

– Прибалтийский, Федор Иванович.

– Что, нельзя было купить автомобиль такой марки у нас?

– Можно, конечно, причем по той же цене.

– Зачем же он отправился за покупкой к черту на рога?

– У меня по этому поводу есть одно соображение, но я хотел бы озвучить его чуть позже. Вы потом поймете почему.

– Хорошо, подождем. Продолжайте.

– Итак, Безымянный выехал сегодня в город, двигаясь уже не в сторону посольства США, через Новинский бульвар, а в обратную сторону – к Парку культуры. Не доезжая до него, он свернул в Большой Левшинский переулок и на перекрестке у Денежного переулка случилось следующее. Рядом с его автомобилем притормозила «Ауди» с дипломатическим номером. Водитель последней быстрым движением руки закинул в открытое окно автомобиля Безымянного какой-то сверток. Все произошло буквально в считанные секунды, но благодаря съемке, которая велась нашей «наружкой», этот момент был четко зафиксирован. Когда на светофоре зажегся зеленый свет, «Ренж Ровер» и «Ауди» разъехались в разные стороны: Безымянный поехал прямо, а «Ауди» свернула в сторону Пречистенки. «Наружке» тоже пришлось делиться. В результате выяснилось следующее. «Ауди» доехала до Фрунзенской набережной, где припарковалась у дома под номером 6. Хозяин автомобиля вошел в подъезд и больше из него не выходил. Как мы выяснили, этим человеком является сотрудник посольства Литвы в России

Альгирдас Консурайтис, он работает в экономическом отделе, проживает в том самом доме на Фрунзенской. До этого в поле зрения нашей конторы не попадал, ни в чем предосудительном замечен не был.

– Сегодня он это правило, как видно, нарушил. Что было в свертке, выяснили?

– Деньги, причем немалые – полмиллиона долларов.

– Вы их что, считали?

– Нет, Безымянный сам назвал сумму. Дело в том, что из Большого Левшинского переулка он отправился к метро «Кропоткинская», где зашел в кафе. Там сел за столик, за которым уже находился мужчина, явно его поджидавший. Чуть позже мы выяснили личность этого человека – Петр Маркелович Леонтьев, работник Министерства финансов России. Их встреча длилась шесть минут, и нам удалось прослушать ее от начала и до конца: Безымянный положил свой мобильник на край стола, а наши «технари» использовали его как передающее устройство. Как говорится, спасибо научно-технической революции, облегчает нам работу. Запись этого разговора, включая и его видеокартинку, вы можете посмотреть на той же флэшке, надо открыть папку «Кафе».

Кондратьев так и сделал, после чего на мониторе появилось изображение, а из динамика, встроенного в его супернавороченный ноутбук, полились речи двух мужчин, сидящих в кафе на «Кропоткинской»:

«– Добрый день, Евгений Андреевич. А вы, как всегда, пунктуальны.

– Добрый, Петр Маркелович, не люблю опаздывать. К тому же randevу с лабусом прошло без каких-либо осложнений. Деньги я получил.

– Все как договаривались – пол-лимона?

– Да, – и сверток с деньгами переключал из портфеля дипломата в спортивную сумку финансиста. – Надеюсь, теперь проблема будет улажена?

– Можете передать вашим партнерам, что отныне никаких проволочек не будет. В ближайшие полгода они могут продолжать работать, ни о чем не беспокоясь. Я позабочусь, чтобы их лишний раз никто не теребил.

– А что слышно по поводу акционирования Калининградского янтарного? Смогут ли мои партнеры работать и дальше, если это случится?

– Это произойдет еще не скоро – года через два. Так что гадать не будем. Но в любом случае мы будем друг другу помогать. Как говорится: когда работаешь сообща, даже самая тяжелая ноша кажется пушинкой.

– В таком случае, до свидания. И прошу вас, не потеряйте ношу, которую я вам сегодня передал.

– Типун вам на язык, Евгений Андреевич».

Досмотрев запись, Кондратьев нажал на кнопку «стоп» и вопросительно взглянул на собеседника. Жмых расценил этот немой вопрос правильно и продолжил:

– Пол-лимона, которые Безымянный вручил Леонтьеву, – элементарный «откат» за услуги по защите канала нелегального сбыта янтаря. Наши коллеги из экономического отдела объяснили нам, что в Калининградской области сосредоточено 90 процентов мировых запасов янтаря. А единственным его легальным добытчиком у нас в стране является тот самый, упомянутый Безымянным, Калининградский янтарный комбинат. Но при нем функционируют несколько «серых» фирм, которые нелегально гонят янтарь на продажу за границу – в Литву и Польшу. Мне тут дали выписку, согласно которой по самым скромным подсчетам этот нелегальный поток «солнечного камня», как его там называют, оценивается в 700 тонн в год. В одном только польском Гданьске сегодня работает порядка одной тысячи янтарных мастеров. А комбинат этот находится под юрисдикцией Министерства финансов России, для чего контрабандистам и понадобился свой человек в этом учреждении. Леонтьев прикрывает их в Москве, а Безымянный является посредником. За эти услуги ему, судя по всему, тоже перепла-

дает немалая доля, на которую он и купил свой автомобиль «Ренж Ровер», видимо, во время очередной поездки в Калининград по делам «серого» бизнеса. Так что можно сказать с уверенностью: к нашему «кроту» этот Безымянный отношения не имеет.

– Что можно только приветствовать, – не скрывая удовлетворения, отреагировал Кондратьев. – А то я грешным делом подумал, что наше дело начинает разрастаться как снежный ком. Но после вашего рассказа один комок, слава богу, отвалился. Передайте все материалы на Безымянного нашим коллегам из экономического отдела и займитесь вплотную окружением Жолташ. Как поется в одной популярной некогда песне: «Должна быть в женщине какая-то загадка». Я по-прежнему считаю, что за Юлией Андреевной может скрываться не одна такая загадка.

* * *

Сирия, город Дамаск. Штаб-квартира ГБ

Досмотрев до конца на широком экране плазменного телевизора пятничный намаз, генерал Мухаммед аль-Кассар оставил включенным изображение, но отключил при этом звук. Он часто работал таким образом: изучая документы, краем глаза умудрялся наблюдать за новостными сообщениями, которые он по мере собственного интереса смотрел то без звука, то, наоборот, включая его. Все подчиненные знали об этой особенности своего начальника, привыкли к ней и никогда не отвлекались от своих докладов генералу, даже когда в них вклинивался звук новостной телепередачи: аль-Кассар имел поразительную способность слушать одновременно докладчика и теледиктора, не упуская при этом нити разговора.

Пришедшему к генералу с докладом полковнику Махмуду аль-Валиду повезло – во время его сегодняшнего доклада генерал ни разу не включил звук телевизора, целиком поглощенный тем, что говорил его подчиненный. А докладывал полковник о первых результатах теракта, произошедшего вчера у входа в здание ГБ.

– Из двух террористов-смертников, подорвавших себя у нашего здания, на данный момент удалось установить личность одного, вернее одной. Это Сэдра Назур, 23 лет, уроженка Дамаска. После взрыва от нее мало что осталось, но голова уцелела, – и аль-Валид положил перед генералом фотографию уцелевшей головы. – Быстрому установлению личности помог второй убитый – сосед погибшей по дому Эднан Мансур. Судя по всему, случайно встретив ее у входа, он попытался помешать ей пройти внутрь здания, после чего сообщники убили его выстрелом из снайперской винтовки, – на стол легло фото простреленной головы несчастного мужчины. – После этого смертница, видимо, испугалась и отпустила гашетку на взрывчатке. Мы показали родственникам Мансура фотографию головы смертницы, и те опознали в ней Сэдру Назур. В июне ее муж, поддерживавший повстанцев, был убит во время столкновений с правительственными войсками, после чего Сэдра ушла из дома. Судя по всему, она попала в секретную школу шахидов под крылом «Аль-Каиды», где прошла обучение как террористка-смертница.

– Насколько известно, на данный момент ответственность за теракт никто на себя не взял. Почему вы считаете, что это была «Аль-Каида», а не боевики из Свободной Сирийской Армии? – прервал ровное течение доклада генерал.

– Мы не только установили причастность «Аль-Каиды» к этому теракту, но даже знаем имя человека, который его спланировал, – это Закхей аль-Хадж.

– Как это удалось?

– Благодаря камерам видеонаблюдения, установленным на площади перед нашим зданием. Вы разрешите, генерал, воспользоваться вашим телевизором?

– Конечно.

Аль-Валид извлек из папки, с которой он пришел в кабинет, диск и вставил его в аппарат DVD, который стоял в нише под телевизором. Вскоре на экране появилось изображение, запечатленное вчера перед зданием ГБ. Аль-Валид, держа в руках пульт, взялся комментировать происходящее на экране:

– Камера, которая была направлена на противоположную от нашего здания сторону, зафиксировала два автомобиля, припарковавшиеся у ресторана. Вот они. Спустя пять минут после парковки из второго автомобиля вышла женщина. Это не кто иная, как Сэдра Манзур. Сейчас вы видите, как она идет через площадь к входу в наше здание. Мы также видим, что оба боковых окна в первом автомобиле слегка приоткрыты. На заднем сиденье спрятался снайпер, на переднем сидит аль-Хадж, который контролирует ход операции. На экране виден лишь смутный силуэт этого человека. Но мы попросили наших специалистов увеличить изображение, придать ему четкость, и вот что получилось, – аль-Валид вывел на экран крупное изображение лица человека, сидевшего на переднем сиденье автомобиля.

– Да, без сомнения, это – аль-Хадж, – согласился генерал.

– Но это еще не все. Смертница изображала из себя беременную, что хорошо видно на экране. Так вот, после взрыва остались элементы накладного живота, который она использовала. Он сделан из очень качественного гипоаллергенного силикона. Такие изделия в Сирии не продаются. Они есть в Европе и в США. Кроме этого, и бомба, которую использовали террористы, тоже зарубежного происхождения. Это керамическая взрывчатка, которую производят в США для нужд Пентагона и ЦРУ. На Ближнем Востоке она имеется в одном месте – в ливийском городе Бенгази, куда ее доставили американцы для помощи революционерам, боровшимся против Каддафи. Этот склад контролирует ЦРУ. Связав все эти факты, мы предположили, что за аль-Хаджем могли стоять американцы.

– Шаткое предположение, – усомнился в выводах докладчика генерал. – Накладной живот можно было приобрести где угодно, а не только в Америке. Так же как и взрывчатку можно было достать не лично у американцев, а у тех же наших доморожденных повстанцев, которых янки снабжают оружием и боеприпасами.

– Все это правильно, но аль-Хадж, по нашим данным, имеет давние прочные связи с одним высокопоставленным деятелем из Североамериканских Штатов – заместителем ближневосточного резидента ЦРУ Саймоном Янгом, который инспектирует и тот самый склад в Бенгази. Вы его должны хорошо знать, генерал, – и аль-Валид вывел на экран изображение цэрэушника.

– Да, я имел возможность несколько раз встречаться с этим человеком в разных частях света, – кивнул головой аль-Кассар. – Весьма опасный тип. Его связь с аль-Хаджем где-то документально зафиксирована?

– Нет, все базируется на оперативных донесениях.

– Каким временем датируется последнее?

– Июнем этого года. Именно тогда наши источники донесли, что аль-Хадж и Янг одновременно оказались в одном и том же месте – в Каире. Их встречу нам зафиксировать не удалось, но мы полагаем, что она просто обязана была произойти, учитывая те события, которые происходят сегодня в нашем регионе.

– Жаль, что мы не имеем более весомых данных о сотрудничестве этого цэрэушника с аль-Хаджем, – не скрывая досады, произнес генерал. – Можно было бы на этом здорово сыграть. Ведь американцы всячески отрешиваются от своих связей с «Аль-Каидой», даже убили Бен Ладена, сделав из этой акции шумную пиар-компанию. Кстати, о последней. Если за аль-Хаджем, как вы говорите, стоят американцы, не привязан ли этот теракт к приезду к нам лидера курдов Кендала Бервана, который был взорван вчера под нашими окнами? И если привязан, то не раздуть ли и нам из этой смерти свою пиар-компанию, чтобы сравить курдов и американцев?

Один из лидеров сирийских курдов Кендал Берван приехал в Дамаск на предмет зондажа в высшем сирийском руководстве вопроса о предоставлении курдам, проживающим на севере Сирии, автономии. Сирийские курды давно вынашивали эту идею, мечтая образовать автономию Западный Курдистан. Сирийское руководство всегда относилось к этой идее скептически, но с марта этого года, когда началось обострение ситуации в Сирии, его отношение к этой проблеме изменилось. И для этого у Асада были свои резоны. Во-первых, пойдя навстречу курдам, можно было занять на севере страны, где в основном и располагались базы повстанцев, своего верного союзника. Во-вторых, учитывая древнюю вражду между курдами и турками, которые теперь всячески поддерживали повстанцев, можно было использовать первых как своих союзников и в борьбе против последних. Именно для обсуждения этих вопросов в Дамаск вчера утром и прибыл Берван. Однако его назначенная на вторую половину дня встреча с Башаром Асадом не состоялась: курдский лидер решил встретиться с руководством сирийской госбезопасности, а вместо этого угодил в самый эпицентр атаки террористов – его делегацию взорвал террорист-смертник в автомобиле.

– Чтобы сравнить курдов и американцев, нужны весомые улики против последних, которых у нас, как я уже говорил, пока нет, – заметил аль-Валид. – Что касается моего мнения по поводу направленности этого теракта, то не уверен, что террористы ставили целью уничтожить именно Бервана. Ведь тот принял решение посетить наше здание спонтанно, всего лишь за час до взрыва. Вряд ли террористы могли знать об этом.

– Резонно, – вновь согласился с мнением своего подчиненного генерал. – Но, согласись, если все так удачно совпало, почему бы не воспользоваться шансом? Да, известно, что американцы вовсе не препятствуют идее курдов об автономии. Но их союзники турки выступают категорически против этого. Вдруг американцы решили уважить своих партнеров, учитывая то, какую миссию они взвалили на себя в свете событий, происходящих в Сирии. Короче, эту идею надо тщательно продумать. Кстати, известно, что связывает аль-Хаджа и Янга?

– Думаю, здесь тесно переплетены политика и коммерция. Янг является не только матерым разведчиком, но и ловким коммерсантом, поэтому наверняка имеет от этой дружбы хорошие финансовые дивиденды, которые вкладывает в свой легальный бизнес: он, например, является владельцем акций крупнейшей нефтяной компании «Шарп Петролеум» в Техасе. Что касается политики, то он, видимо, ведет свою партию, опираясь на тех представителей высшего американского истеблишмента, кто заигрывает с «Аль-Каидой», видя в ней тактического союзника в деле свержения неугодных американцам правительств на Ближнем Востоке. Естественно, что как только эта задача будет выполнена, с «Аль-Каидой» постараются разделаться. Во всяком случае, позволить им осуществить их мечту – создать единое сирийско-иракское исламское государство – никто не даст.

– Согласен. Ведь это новообразование первым делом объявит войну не только Ирану, но и здешней «малой Америке» – Израилю, а также попытается освободить Палестину. Но американцы при этом не думают о том, что могут вляпаться в настоящее дерьмо, поддерживая радикалов из «Аль-Каиды». Если тем удастся разжечь пожар межконфессиональной войны, то она перекинется и на другие регионы. Впрочем, может именно этого они и добиваются. Шансы найти аль-Хаджа в кратчайшие сроки у нас есть? Он бы нам здорово пригодился в свете всего, что я здесь говорил.

– За быструю поимку не ручаюсь, – честно признался аль-Валид.

– Почему?

– Уж больно хитер. Не зря носит прозвище Неуловимый мамлюк.

– Даже у таких отменных воинов, какими являлись мамлюки, были свои уязвимые места.

Например, их чрезмерная вера в свои боевые возможности – порой она их подводила.

– Именно этого я и жду от аль-Хаджа.

– Известно, где сейчас находится Янг?

- Все в том же Каире. По нему работает полковник Раджих совместно с русскими.
- Может быть, попробовать выйти на аль-Хаджа с той стороны? Ведь наверняка у них с Янгом существует канал связи.
- Мы прорабатываем и такой вариант.
- Ну что ж, иди, работай. И прошу тебя, постарайся как можно быстрее сделать этого мамлюка уловимым.

* * *

Египет, город Каир.

Управление криминальной полиции

Приехав в управление, старший инспектор криминальной полиции Хабиб Салам едва успел дойти до своего рабочего стола, как его вызвал к себе начальник. Отправляясь к нему, инспектор уже знал, о чем пойдет разговор между ними. Так и вышло: не успела нога Салама переступить порог, как начальник обрушил на него град вопросов:

– Что с тобой происходит? Где результаты по делу об убийстве хозяина валютного пункта? Вчера вновь звонил его брат, и что я должен был ему отвечать? Что ты едешь по городу и пытаешь людей относительно судьбы этого самоубийцы из отеля? Как это понимать? Ты что, издеваешься над нами?

Поскольку вопросы шли один за другим и вставить слово между ними не было никакой возможности, Салам прошел через весь кабинет, уселся на стул и выслушал речь начальника до конца. А когда тот, наконец, успокоился, произнес:

– Про дело об убийстве хозяина «валютки» я не забыл. Вчера после обеда я как раз заезжал в банк, с которым этот обменный пункт сотрудничает, и разговаривал с их директором. Он посоветовал мне встретиться с менеджером банка, с которым у погибшего были некие совместные дела. Вполне вероятно, что ноги этого преступления растут оттуда. Что касается самоубийства в отеле, то я еще не до конца разобрался.

– С чем? – недоуменно спросил начальник.

– С самоубийством. Там много белых пятен. Сдается мне, что это и не самоубийство вовсе, а убийство, замаскированное под суицид.

– Ты в своем уме? Парень покончил с собой на почве тяжелой болезни своей дочери. Чего там копать?

– Откуда вы знаете, из-за чего могла произойти эта трагедия?

– Я разговаривал с начальником охраны отеля.

– Это было утром, а после моего прихода ситуация изменилась.

– Да что такого ты мог узнать?

– Я готов отчитаться перед вами, но не сейчас. Мне нужно еще пару дней, чтобы прояснить ситуацию, после чего я представлю вам подробный отчет.

Видя, с какой твердостью в голосе его подчиненный отстаивает свою точку зрения, начальник несколько поумерил свой пыл. За долгие годы работы с инспектором он хорошо изучил его характер и теперь корил себя за то, что не учел этого вчера, когда поручил дело о трагедии в отеле ему, а не другому полицейскому. Конечно, в полной компетенции начальника было отстранить Салама от расследования, но в данной ситуации это выглядело бы уж очень демонстративно. Что опять же, учитывая упрямый характер старшего инспектора, вызвало бы только его яростное сопротивление. Нет, здесь надо было действовать другими методами, чтобы не разжигать пожар конфликта. В конце концов, те люди, которые просили начальника полиции спустить это дело на тормозах, и сами могли бы осадить этого ретивого старшего инспектора, не уповая на помощь со стороны его непосредственного начальника.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – в голосе начальника продолжали звучать нотки раздражения. – Но учти, не разберешься за два дня – я передам это дело другому.

– Более покладистому? – усмехнулся Салам.

– Свободен, – начальник так посмотрел на своего подчиненного, что тот предпочел побыстрее покинуть кабинет. Тем более что своей цели он все-таки добился: так нужные ему два дня выбить сумел.

Спустя полчаса Салам был уже в морге, где еще недавно покоилось тело Исмаила Фахми, теперь нашедшего свой последний приют на одном из каирских кладбищ. Целью приезда старшего инспектора была встреча с врачом-экспертом, осматривавшим труп охранника.

– Огнестрельное ранение в висок, что тут непонятного? – удивился врач, когда Салам выложил перед ним цель своего приезда.

– Это все, что вы можете мне сказать?

– Я хочу сказать, что это основная причина смерти парня.

– Но могло это быть, к примеру, убийство, а не самоубийство?

– А вам какая версия больше нравится?

– Мне нравится та, которая поможет восстановить справедливость.

– Тогда отвечу так: это вполне могло быть и убийство. Помимо дырки в голове, у парня еще был обширный синяк на шее, вот здесь, – и врач провел ладонью по шее старшего инспектора.

– И что это может означать?

– Парня нашли в автомобиле? Если это было убийство, то кто-то держал его сзади за шею рукой, согнутой в локте, после чего выстрелил ему в висок. Отсюда и синяк от сильного сдавливания. При таком захвате бедняге даже говорить было трудно. Если, конечно, он вообще говорил о чем-то со своим вероятным убийцей.

Эта встреча с доктором многое прояснила в версии Салама, окончательно убедив его в том, что это было именно убийство. «Ну конечно же, это не суицид. Охранника ликвидировали в автомобиле, дождавшись, когда он туда сядет. Вот только зачем он забрался в свое авто в двенадцать часов ночи? Куда он предполагал поехать во время дежурства? Может, хотел с кем-то срочно встретиться? Не домой же он собирался, чтобы повидаться с женой: с ней он мог встретиться спустя несколько часов. Нет, здесь что-то другое. И убийца, скорее всего, мог быть не один. Если бы работал одиночка, то убрал бы парня иначе. Например, стукнул бы его легонько сзади по голове, пересел бы на переднее сиденье, выстрелил в висок – и дело сделано. А здесь он зачем-то обхватил его сзади за шею, как будто хотел помучить. Или просто удерживал парня, пока его напарник что-то с ним выяснял. В любом случае надо тщательно обследовать автомобиль убитого. Вчера я сделал это наспех, уверовав в слова своего начальника, что это дело не стоит и выеденного яйца».

Автомобиль «Рено», принадлежавший Исмаилу Фахми, все еще стоял в дальнем углу стоянки в полицейском управлении. Жене погибшего его должны были вернуть спустя несколько дней, утрясая все необходимые формальности. Салам зашел в комнату к дежурному, забрал у него ключи от «Рено» и, вооружившись лупой, взялся за тщательный осмотр салона. Особенно внимательно он рассматривал пол возле заднего сиденья, где мог сидеть предполагаемый убийца.

Тщательно обследуя каждый сантиметр на полу, Салам, наконец, нашел вещичку, которая могла иметь отношение к убийству. Это была пуговица, скорее всего, от мужской рубашки, которая лежала в углу салона, прямо под тем местом, где мог сидеть вероятный преступник. Причем это была не совсем обычная пуговица, во всяком случае, Салам никогда таких не видел: она была квадратной, с ромбовидными краями. Будучи синего цвета, она сливалась с темным ковриком на полу салона, поэтому вчера и не привлекла к себе его внимания. Повертев находку в руках, Салам заметил на ее краях какую-то надпись. Вооружившись лупой, инспек-

тор прочитал логотип фирмы-изготовителя – «Beau France». Даже с помощью своего плохого французского инспектор сумел перевести это название – «Красивая Франция».

«Судя по всему, рубашка, от которой оторвалась эта пуговица, фирменная и достаточно дорогая. В моем гардеробе подобных нет. Она вполне могла оторваться от рубашки убийцы, когда он хватал Фахми за горло. Впрочем, она с таким же успехом могла принадлежать и последнему», – и Салам потянулся к мобильнику, висевшему у него на поясе, чтобы проверить свою догадку. Но в следующую секунду вспомнил, что номера домашнего телефона убитого охранника у него в мобильнике нет – он записан на стикере, приклеенном к монитору на его рабочем столе. Пришлось закрывать «Рено» и идти на свое рабочее место.

На удачу, жена Исмаила Фахми оказалась в этот час дома. Представившись и выразив еще раз ей свои соболезнования по поводу гибели мужа, Салам спросил женщину:

– У вашего супруга была рубашка фирмы «Красивая Франция»? У нее еще такие оригинальные пуговицы с ромбовидными краями?

– Нет, таких рубашек у него никогда не было.

– Может быть, их носит кто-то из ваших родственников?

– Я таких не знаю. У нашей родни нет таких денег, чтобы покупать настолько дорогую одежду.

«Она права: рубашки этой фирмы стоят достаточно дорого по нашим меркам – порядка 200 долларов, что равняется 1 200 наших фунтов, – кладя трубку на аппарат, подумал Салам. – Выходит, эта пуговица не от рубашки убитого или кого-то из его родни. Но и сказать однозначно, что она оторвалась от одежды преступника тоже нельзя – вдруг ее потерял кто-то из случайных попутчиков. Но последних найти вряд ли реально, а вот преступника – дело вполне выполнимое. И помочь мне в этом сможет не кто иной, как покойный Фахми. Вернее, не он, а система видеонаблюдения, за которой он столько лет трудился. Правда, на это придется затратить уйму времени, но разве меня это когда-нибудь останавливало?»

Инспектор включил компьютер на своем рабочем столе и набрал в Интернете название искомой фирмы – «Beau France». И уже спустя несколько минут выяснил, что в Каире есть пять магазинов, где торгуют рубашками данной фирмы. Записав их адреса, Салам сел в автомобиль и отправился в тот магазин, который располагался ближе всего к их полицейскому управлению.

Когда инспектор вошел в магазин, там было безлюдно. К нему тут же подошла молодая женщина-продавец, которая, расплываясь в улыбке, спросила:

– Вам помочь?

– Да, только я пришел сюда не за покупками, – и Салам показал продавщице свое служебное удостоверение.

Улыбка тут же исчезла с губ женщины, и ее лицо приняло серьезное выражение. Но в глазах сквозило откровенное любопытство. И Салам постарался поскорее его удовлетворить. Достав из кармана пуговицу, он протянул ее продавцу:

– Меня интересует фасон рубашки, с которой оторвалась эта безделица.

Женщине хватило одного взгляда на пуговицу:

– У нас есть такие рубашки – вот они, – и она указала рукой на ближайший ряд, где на вешалках висело несколько рубашек с короткими рукавами.

Салам подошел к ним и собственными глазами убедился в том, что на них красуются пуговицы, идентичные той, что покоилась сейчас в его руке. Рубашки представляли собой изделия из высококачественного стопроцентного мерсеризованного хлопка, стиль – Casual, цвет – светлый в синюю полоску.

– Значит, эта пуговица могла принадлежать рубашке только такого цвета и фасона и никакой другой? – озадачил новым вопросом продавца инспектор.

– Только такой, – и на лицо женщины вновь вернулась улыбка.

– А у вас, случайно, нет буклета, на котором была бы запечатлена точно такая же рубашка?

Не говоря ни слова, продавец подошла к журнальному столику, стоявшему у окна, и взяла оттуда искомый буклет. И с той же улыбкой на лице протянула его инспектору.

Следующим пунктом в маршруте сыщика был отель «Найл Хилтон». И первым, кого он там навестил, был начальник охраны Рашид аль-Сайед.

– Мне необходимо взглянуть на записи видеонаблюдения, которые велись вашими камерами в коридорах отеля. Время записей – вечер накануне гибели вашего охранника.

Услышав эту просьбу, начальник охраны искренне удивился:

– Что вы хотите там обнаружить?

– Разве я обязан вам отвечать, уважаемый? Я просто выполняю свою работу, как и вы свою.

– Ну хорошо, я вовсе не хочу препятствовать вашей служебной деятельности.

И они вдвоем отправились в операторскую. Там начальник охраны приказал одному из своих охранников сопроводить старшего инспектора в видеорегистраторскую и показать ему все, что тот затребует.

– Только сам будет рядом, – приказал аль-Сайед охраннику.

В течение полутора часов Салам внимательно изучал записи всех видеокамер, стоявших в коридорах отеля на всех его тринадцати этажах. Рядом на столе он положил буклет, взятый им в салоне мужской одежды, открытый на странице, где была изображена светлая рубашка в синюю полоску фирмы «Beau France». Охранник ему не мешал и, следуя приказу своего начальника, был поблизости – увлеченно играл в какую-то компьютерную игру за соседним столиком.

Изучив не один десяток постояльцев отеля, изображенных на камерах видеонаблюдения, Салам, наконец, нашел человека, который был одет в точно такую же рубашку, которая была изображена в буклете. Это был атлетически сложенный мужчина с короткой стрижкой под ежик, судя по записям, проживающий на восьмом этаже. Причем на нескольких записях он неизменно появлялся не один, а в компании с таким же крепким, как и он, мужчиной представительского вида. Подозвав к себе охранника, Салам указал на мужчин и спросил:

– Вы не знаете этих господ?

– Один мне хорошо знаком: это мистер Саймон Янг из компании «Индастри электроникс». Он постоянно останавливается в нашем отеле. А вот имя его компаньона мне неизвестно. Но он постоянно сопровождает Янга в его поездках.

«Опять этот Саймон Янг – преуспевающий бизнесмен-электронщик, – выключая монитор, подумал инспектор. – Мне кажется, настало время познакомиться с ним поближе».

* * *

Египет, город Каир. Отель «Найл Хилтон»

Медленно потягивая виски, Саймон Янг не сводил глаз с Максимова, который вот уже несколько минут сидел у барной стойки со стаканом апельсинового сока и смотрел телевизор, висящий над стойкой. Янгу нужен был веский повод, чтобы познакомиться с русским, но его как раз и не было. И тогда в голову американца пришла неожиданная идея. В соседнем с ним номере проживал его земляк, режиссер-документалист Роджер Томпсон, приехавший в Каир для сбора материала к своему очередному фильму, на этот раз посвященному событиям «арабской весны». Набрав на своем мобильном номер его телефона, Янг пригласил режиссера спуститься в бар.

– Я провернул удачную сделку и хочу с кем-нибудь выпить. А здесь, как назло, ни одной знакомой рожи.

– Судя по звонку, моя рожа вас устроит? – хохотнул в трубку Томпсон.

Зная о том, что режиссер весьма равнодушен к Бахусу, Янг был уверен, что тот не преминет воспользоваться удачно подвернувшимся случаем и спустится в бар. Его расчет оказался верным: уже спустя пять минут Томпсон занял место за его столиком и подставил свой бокал под только что откупоренную бутылку виски.

– Что за сделку вы провернули, Саймон, если это, конечно, не секрет? – откидываясь на спинку стула, спросил режиссер.

– Зачем вам, представителю творческой богемы, копаться в скучных делах электронной компании? – отмахнулся Янг. – Лучше расскажите мне, как продвигаются дела с вашим фильмом, которому наверняка дадут «Оскара»?

– Спасибо за комплимент, но я вовсе не стремлюсь стать оскароносцем.

– Не скромничайте, Роджер, все режиссеры мечтают об «Оскаре», в том числе и документалисты. Лавры Майкла Мура с его «Фаренгейтом 9/11» никому не дают покоя. Думаю, вы тоже не исключение, иначе зачем бы стали браться за события «арабской весны». Держу пари, в своем фильме вы песочите наше правительство похлеще Мура.

– А за что мне его хвалить, если даже после провала «Бури в пустыне» в Ираке оно сует свой нос в Ливию и Сирию?

– Разве только оно одно сует? А русские, по-вашему, такие белые и пушистые?

– Русские, как военная сила, остались на Ближнем Востоке в единственном варианте – в виде военной базы в сирийском Тартусе. Поэтому понятно, что они не хотят ее терять.

– Русские проиграли нам в холодной войне, поэтому должны вести себя с нами как проигравшие. А они задирают нос, да еще имеют наглость объединяться с узкоглазыми – с китайцами. Уверен, что в вашем фильме об этом нет ни слова.

– Угадали, для этого есть другие режиссеры.

– Значит, в вашем фильме русские присутствуют?

– Всего лишь косвенно, в фильме звучит мое мнение по поводу их присутствия в Сирии, которое вы только что услышали.

– Ваше мнение – это всего лишь мнение американца. А вам стоило бы пригласить в свою картину хотя бы одного русского. Почему бы вам не пойти в их посольство и не уговорить какого-нибудь дипломата дать интервью для фильма?

– Я об этом не думал.

– А зря. Кстати, почему это должен быть именно дипломат? Например, журналист вам не подойдет?

– У вас есть кто-то на примете?

– Угадали. Вон видите того крепкого мужчину за барной стойкой? Того, что пьет апельсиновый сок и пялится в телевизор? Это русский журналист. К сожалению, я ему не представлен, но видел, как он сегодня вселялся в наш отель в сопровождении людей из российского посольства. Так что не теряйте времени даром, ведите его сюда, и мы вместе послушаем его мнение по поводу того, что сегодня творится на арабском Востоке.

Янг рассчитал все правильно. Томпсон, будучи по своим политическим убеждениям леваком, никак не мог упустить возможности познакомиться с русским, да еще из смежной с ним профессии – журналистики. В итоге режиссер поднялся со стула и уже спустя пять минут вновь вернулся за столик к Янгу, причем не один, а со своим новым знакомым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.